

ЕЖЕГОДНИК
2021

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

Экономика
и стратегическое
партнерство

Минерально-сырьевые
ресурсы

История и религия

Культура и образование

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"

YEARBOOK

**AFRICA:
REGIONAL IDENTITY
AND TRADITION**

2021

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2021

ЕЖЕГОДНИК

АФРИКА: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

2021

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

Редакционная коллегия:

*И.В. Андропова (ответственный секретарь), Н.В. Громова,
академик РАН А.Б. Давидсон, Е.А. Долгинов,
Л.В. Пономаренко, И.В. Следзевский, А.М. Хазанов,
Л.В. Шкваря, В.И. Белов (зам. главного редактора)*

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А94 **Африка: региональная идентичность и традиция : ежегодник – 2021 = Africa: regional identity and tradition: Yearbook – 2021** : сборник статей / под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Белова, Е. А. Долгинова. – Москва : РУДН, 2021. – 255 с. : ил. (Серия «Африканские исследования»)

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, экспертов ООО «ОЗГЕО» посвящен актуальным вопросам формирования новой африканской идентичности, проблемам изучения цивилизационного потенциала культурного наследия черной Африки, роли неотрадиционализма и колониального наследия в развитии африканских государств, включая англофонный вопрос в Камеруне. Особое внимание уделено анализу африканских стратегий стран АСЕАН, процессам экономической интеграции в Восточной Африке и инвестициям в сферу энергетики. В центре внимания находятся также тема африканского конфессионализма, в том числе – развития христианской философско-теологической мысли в субсахарской Африке. Специально рассмотрены возможные направления сотрудничества России и Эфиопии в сфере изучения и освоения природных ресурсов.

This issue of the annual series *African Studies*, prepared with the participation of African scholars of the RUDN University and the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Asian and African Countries, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, the Faculty of Economics of St. Petersburg State University, experts of OZGEO company is devoted to topical issues of the formation of a new African identity, the problems of studying the civilizational potential of the cultural heritage of black Africa, the role of neo-traditionalism and colonial heritage in the development of African states, including the anglophone issue in Cameroon. Particular attention is paid to the analysis of the African strategies of the ASEAN countries, the processes of economic integration in East Africa and investments in the energy sector. The focus is also on the theme of African confessionalism, including the development of Christian philosophical and theological thought in sub-Saharan Africa. Possible areas of cooperation between Russia and Ethiopia in the study and development of natural resources were specially considered.

ISBN 978-5-209-

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,
Л.В. Пономаренко, В.И. Белов, Е.А. Долгинов, 2021
© Российский университет дружбы народов, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

DOI: 10.22363/

В настоящее время существенно возрастает роль стран Африканского континента в решении глобальных и региональных политико-экономических вопросов. Африка все больше выступает единым фронтом, и перед научным сообществом поставлена масштабная задача по осмыслению возникшей реальности и разработке эффективных подходов к определению роли и места Африки в формирующейся новой системе международных отношений. Это также и задача определения роли России и дружественных ей государств в современном развитии Африки. Первый Саммит «Россия – Африка», состоявшийся в Сочи 23–24 октября 2019 г. под председательством президентов России и Египта В.В. Путина и Абдель Фаттаха ас-Сиси, ознаменовал собой новый этап в развитии отношений между Российской Федерацией и странами Африканского континента. Важно, что к началу 2021 г. было завершено институциональное обеспечение достигнутых договоренностей: в российском МИД начал функционировать Секретариат форума партнерства Россия – Африка, при котором созданы координационный, общественный и научный советы; учреждена Ассоциация экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА), объединившая крупные российские компании, работающие на африканских рынках.

В 2021 г. должна состояться очередная встреча министров иностранных дел России и «тройки» Африканского союза, в состав которой входят страны-председатели в предыдущем, нынешнем и будущем годах. На данный момент это Египет, ЮАР и Демократическая Республика Конго. Как

подчеркнул глава МИД России С.В. Лавров: «По складывающейся традиции саммит Россия – Африка предваряют мероприятия в различных областях сотрудничества. Укреплению академических, культурных и молодежных связей способствовали состоявшиеся в конце прошлого года российско-африканские общественные форумы. Африканскую проблематику предполагается включить в программу предстоящего в июне Петербургского международного экономического форума. ...В ближайшее время имеется в виду разработать дорожные карты российско-африканского сотрудничества в экономической, научной и гуманитарной сферах»¹.

В телеграмме Президента России В.В. Путина в адрес участников Международной межпартийной конференции «Россия – Африка: возрождая традиции» (Москва, 24–25 марта 2021 г.) было отмечено, что Первый саммит придал «мощный импульс развитию дружественных отношений нашей страны с государствами континента». В работе Конференции приняли участие делегаты от 50 ведущих африканских парламентских партий, главы государств и министры, а за дискуссиями наблюдали более 12,5 тысяч человек из 56 государств мира. Участники Конференции обсудили ряд вопросов, которые касаются сохранения мира, безопасности и противодействия вмешательству в суверенные дела государств, партийной поддержки экономического сотрудничества, межпартийных аспектов гуманитарного сотрудничества, включая вопросы борьбы с COVID-19, а также развитие международного межпартийного сотрудничества «Единой России» со странами Африки.

В апреле 2021 г. в Москве прошло первое заседание Наблюдательного совета Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки (НС АЭССА). Председатель НС АЭССА С.А. Сторчак подчеркнул: «Для решения поставленных задач по подготовке и проведению предстоящего Саммита, а также в целях активизации российско-

¹ Лавров сообщил о начале практической подготовки саммита Россия – Африка. 25.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/10993091>

африканского делового сотрудничества требуются полномасштабная координация действий и поступательные шаги. На сегодняшний день требуется создание единой платформы для последовательного вхождения отечественных бизнес-кругов в Африку, учитывая специфику и особенности континента, конкуренцию с другими странами. Посол по особым поручениям МИД РФ, руководитель Секретариата Форума партнерства Россия – Африка О.Б. Озеров подчеркнул общую заинтересованность российского бизнеса в консолидации усилий, направленных на расширение своего присутствия в экономиках стран Африки. АЭССА является «мостом» между отечественным бизнесом и деловыми кругами африканских стран, таких как Мали, Габон, Гвинея, Сенегал, Мадагаскар, Ангола, Эфиопия, Египет, ЮАР и др. Председатель АЭССА А.В. Салтанов отметил решительный настрой деловых кругов России (Росатом, ФосАгро, Газпромбанк и др.) на диалог с африканскими партнерами. АЭССА заключила партнерские соглашения с Фондом Росконгресс и ТАСС.

Говоря о ключевых вопросах подготовки к проведению в 2022 г. Второго Саммита Россия – Африка, директор Института Африки РАН И.О. Абрамова подчеркнула, что для успешного развития экономического сотрудничества с Африкой необходимо выстроить инвестиционную модель взаимодействия, вокруг инвестиционных проектов. В центре обсуждаемых проблем находится и вопрос содействия в борьбе с распространением коронавирусной инфекции. Россия направила в Африку медицинские препараты и средства индивидуальной защиты, специалистов и врачей, ведет активные переговоры о регистрации в африканских странах российской вакцины «Спутник V», ее поставках как на двусторонней основе, так и в рамках сотрудничества с Африканским союзом. Москва с самого начала пандемии протянула руку помощи Африке, что свидетельствует о «всепогодном характере дружбы» со странами континента. Это зримый результат отмеченной в Сочинской декларации 2019 г. обоюдной

решимости России и стран Африки вывести взаимовыгодное сотрудничество на новый уровень, отвечающий вызовам XXI в., обеспечивающий достижение целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Африканского союза – 2063.

25–26 февраля 2021 г. в РУДН состоялась ежегодная X Международная научная конференция «Африка в контексте формирования новой системы международных отношений» на тему «Сотрудничество с Африкой в целях развития в эпоху после COVID». В работе конференции, соорганизаторами которой стали Российский университет дружбы народов, Институт Африки РАН и Université Internationale de Coudy (Кот-д’Ивуар), приняли участие академик РАН А.В. Васильев и известные ученые-африканисты с мировым именем из России, ЮАР, США, дипломаты, преподаватели вузов, молодые исследователи и представители африканской диаспоры. В центре дискуссий этого юбилейного мероприятия, проведенного в рамках празднования 60-летия Года освобождения Африки, оказались вопросы оценки итогов процесса деколонизации, его влияния на эволюцию дипломатии и внешней политики стран Африки, а также на роль и место континента в системе современных международных отношений.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН, Института Африки РАН, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ, экспертов ООО «ОЗГЕО», посвящен актуальным вопросам формирования новой африканской идентичности, проблемам изучения цивилизационного потенциала культурного наследия черной Африки, роли неотрадиционализма и колониального наследия в развитии африканских государств, перспективам международной и региональной экономической интеграции, сотрудничества в области энергетики, освоения природных ресурсов и развития стратегического партнерства.

Н.С. Кирабаев

И.В. Следзевский

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРНОЙ АФРИКИ: ОЦЕНКИ И ПОДХОДЫ

Формирование цивилизационных представлений об истории и культурах народов Африки южнее Сахары (далее – АЮС) отличается большой сложностью и неоднозначностью. Восприятие и оценка культурной истории Африки в образах и терминах цивилизационного видения истории зависит не только от «изначальности», достоверной древности, своеобразия и самобытности африканского культурного наследия, но и от точки зрения на африканца (темнокожего человека), на Африканский мир и африканскую историю в целом, от ценностного к ним отношения. Цивилизационные представления не могут сводиться и никогда не сводились к научному знанию. Наряду с наращиванием и обобщением конкретно исторического знания эти представления имеют весьма значимую идентификационную функцию, прямо противоположную накоплению конкретного исторического знания и заключающуюся в создании жестких бинарных, иерархических схем центров и противочетров мировой истории и культуры по модели цивилизация *versus* варварство.

В африканских условиях роль идентификационной составляющей цивилизационных представлений существенно усиливается на фоне сложности и противоречивости исторических судеб Африканского континента, длительной и

напряженной борьбы африканских народов за сохранение своей культурной идентичности, а также вследствие трудностей проведения достаточно определенного водораздела между «старым» и «новым» культурным наследием Африки, культурных поворотов в развитии исторического сознания населения АЮС в новое и новейшее время [16, с. 151–168]. Исследование роли культурного наследия в развитии независимых африканских государств становится в этих условиях не просто значимой социокультурной и культурно-политической проблемой, но проблемой особой важности. На это в 1985 г. обратил внимание один из основателей отечественной африканистики Л.Е. Куббель, отметив в качестве «одной из особенностей современной Африки» «необходимость включения элементов культурного наследия Африки в новую культуру, национальную по своим функциям и играющую важнейшую интеграционную роль» в заданных колонизацией искусственных политических границах [3, с. 307].

С середины XX в. проблема совмещения культурного наследия и императивов современного африканского развития стала приобретать и более широкий – цивилизационный контекст, выходящий за рамки проблематики национально-государственного строительства в странах АЮС. С началом в последней трети XX в. кризиса африканских национальных государств («африканского кризиса») стало невозможным игнорировать реальные исторические обстоятельства, противоречия вошедшей в практику африканских стран модели догоняющей модернизации. На фоне падения ряда африканских государств, многочисленных и кровопролитных конфликтов в странах АЮС во весь рост встали проблемы поддержания стабильности и единства региона на общей социокультурной основе, баланса развивающихся культурных традиций, близких к ценностям и интеграционным возможностям «осевых» цивилизаций, с одной стороны, а с другой – архаического пласта культуры в духовной жизни, религиозных верованиях и общественном сознании африканцев. Эта новая ситуация в

постколониальном развитии Африки открыла путь к дальнейшему развитию африканской цивилизационной компаративистики, преодолению на основе полицивилизационного подхода узкопрогрессистской и чисто эволюционной, линейной формулы современного африканского развития.

На новый контекст африканской цивилизационной проблематики в 2002 г. обратил внимание заведующий Центром проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова В.Г. Хорос: «Африканские государства сотрясаются межэтническими конфликтами и военными переворотами, значительная часть населения нередко страдает от голода и нехватки элементарных жизненных удобств. Вопрос поставлен прямо и недвусмысленно: способна ли Африка южнее Сахары выбраться из кризиса, сможет ли она выжить?». И далее, уже в контексте преодоления европоцентристской модели африканской модернизации: «Всякий глубокий общественный кризис имеет цивилизационные корни. Это особенно ясно сейчас в эпоху глобализации, когда под давлением Западного мира возникает перспектива унификации различных регионов, их социокультурного “обезличивания”, стирания национальной и цивилизационной специфики. Тропическая Африка является одним из наиболее уязвимых регионов перед таким внешним воздействием» [4, т. I, с. 4].

С конца 1980-х гг., по мере нарастания «африканского кризиса», в предметное поле африканских цивилизационных исследований начала входить заключенная (скрытая) в африканском культурном наследии цивилизационная специфика региона АЮС в целом. Главным предметом африканской цивилизационной компаративистики в ее новом контексте выступили заключенные в этой специфике элементы культурно-цивилизационной общности Черной Африки, а важнейшей задачей стало выявление главных особенностей этой общности, ее «цивилизационной матрицы», опираясь на которую можно было бы определить место региона в пространстве и процессах современного мирового цивилизационного

развития. Решение этой задачи представляется достаточно трудным в силу ее комплексности и тесного переплетения познавательных и идентификационных аспектов межцивилизационных сравнений: Черная Африка – особая и самостоятельная цивилизация или конгломерат культур – периферия мировых цивилизаций? Новое предметное поле не может приобрести необходимой целостности и научной значимости без сопряжения африканского развития с пластами культурного наследия африканских народов, без выявления заключенного в этом наследии исторического опыта самовывживания, самоорганизации, самосознания африканских народов, идентификации этого опыта с позиций африканских ценностей, идеологии Африканского возрождения.

Данная статья посвящена сложившимся и формирующимся в современной африканистике установкам, принципам, методологическим конструктам, выявляющим способность культурного достояния связанных обществ региона с длительными историческими связями к поддержанию стабильности и порядка, сохранению культурной определенности (самобытности) во всех изменениях этих обществ, к созданию крупномасштабных единств в пространстве и времени – всеобщего, универсального как одного из важнейших начал цивилизации [11, с. 206–209, 273, 294–306]. Предмет проведенного исследования – новый ракурс африканской цивилизационной компаративистики, связанный с анализом и обобщенными характеристиками вариантов, пластов, этапов африканского культурного наследия в контексте проблем и перспектив современного африканского развития. Цель исследования – выявление принципов, подходов цивилизационного анализа, включающих в себя тематику и проблематику цивилизационного потенциала африканского культурного наследия.

Архаическое наследие африканских культур: место и роль в цивилизационном развитии региона АЮС

В африканистике – отечественной и зарубежной – накоплен обширный и ценный опыт изучения традиционных африканских культур в качестве самостоятельного предметного поля африканских исследований – культурной истории Субсахарской Африки. Выявлены и подробно представлены важнейшие фундаментальные составляющие этих культур, определяющие конфигурацию африканской культурной истории: местные культы, мифы и ритуалы, институт вождей, фольклор, музыка, изобразительное искусство, специфика проявлений и взаимодействий этих свойств, формы и коды выживания этих культур (система половозрастных классов и групп, почитание предков, нормативность распределения и потребления материальных и культурных благ). Накопление материалов о культурной истории региона тесно связано с развитием методологической основы антропологического (этнографического) подхода в изучении африканских традиций.

Объектом изучения все больше становятся культурные представления и практики населения разнообразных сельских и урбанизированных территорий. Параллельно с культурной и социальной антропологией материалы культурной истории АЮС осваиваются различного рода сравнительными подходами в культурологических, философских и политологических исследованиях. Сложное и разнообразное наследие африканских устных культур при этом переводится на язык письменной словесности (Логоса): сравнение превращается в логический прием подведения содержания этих культур под определенные логические категории, которые способны превращать образ иной, в данном случае – африканской, культуры в объект когнитивных и культурных манипуляций. (Это относится и к понятию «традиционные культуры» в тех случаях, когда оно сводится к логической категории традиции как всего того, что связано с давним прошлым, что не имеет

новизны, неизменно и символично стабильно.) Возникает проблема адекватной оценки культурного наследия – не просто логически ясной и самоочевидной, а опирающейся на постижение чужого миропонимания, его жизненных, ценностно-значимых смыслов.

Эта проблема встает все более явно и открыто перед африканской цивилизационной компаративистикой, по мере того как главным предметом ее интересов становится культурно-цивилизационное своеобразие стран АЮС в целом. Подвергнуть логической категоризации специфику и уровень цивилизационного развития Черной Африки непросто. Определения «первобытная», «отсталая», «варварская» скомпрометировали себя. В то же время категория «традиционная культура» – слишком широкая и расплывчатая, чтобы с ее помощью можно было определить основу, глубинный пласт самобытности африканской культурной истории.

С конца XX в. в рамках цивилизационного подхода для характеристики первичного субстрата общности или сходства традиционных культур АЮС используется категория «архаика»: «субконтинент архаики», «архаическая цивилизация устного слова», «архаическая модель» традиционалистского мировосприятия», «непреодоленная архаика» [46, р. 142; 27, с. 190]. Стратегию национального строительства в странах региона предлагается рассматривать как «непродуктивный симбиоз мутировавших архаических властных установок с деформированными на местной почве ценностями и институтами одновременно демократии и тоталитаризма» [4, т. II, с. 12]. Однако, как чисто логическая категория понятие архаики «работает» исключительно на уровне бинарного (идентификационного) противопоставления смыслов и значений цивилизационного развития. Архаика может быть представлена либо как особый тип цивилизации, либо как ее антиномия – «...до-цивилизационный этап, самый длительный в истории человечества, реализующий синкретиз природного и культурного» [27, с. 6, 261]. Но это образ цивилизационного

развития, созданный наблюдателем извне, на основе позиции когнитивного доминирования, заведомого неравноправия исследующего и исследуемых [12, с. 127]. Можем ли мы быть уверены, что подобная позиция (если она не проблематизируется и не релятивизируется) способна дать достоверное, опирающееся на реальный опыт африканских народов представление о цивилизационном потенциале африканских традиций и заключенного в нем культурного наследия?

Для решения проблемы адекватной оценки африканского культурного наследия (особенно его наиболее древнего, наиболее протяженного во времени пласта) необходимо наличие особого исследовательского поля, в котором культура исследуемых и культура исследователя говорят сами за себя и при этом вступают в диалог друг с другом, осуществляя семиотический перевод ценностно-смысловых конструктов одной культуры на язык другой. В методологии цивилизационной компаративистики необходимость такого диалога обосновывает герменевтика как парадигма гуманитарного/исторического знания (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.).

Что касается практики африканских исследований, то возможность такого диалога обеспечивают исследовательские традиции, школы, направления изучения лексических и символических систем африканских культур и заключенных в этих системах социокодов, через которые могут быть выявлены – в режиме диалога – смыслы, универсалии, принципы, правила, ценности, имеющие прямое отношение к теме цивилизационного потенциала африканского культурного наследия. В последние десятилетия XX в. в этой области исследований были достигнуты важные познавательные результаты. Они позволяют составить представление (на уровне когнитивных карт) о классификациях мира и положения в нем человека в традициях африканских культур, а значит, и о взгляде этих культур на самих себя; это открывает возможности для понимания способности наиболее древнего (архаического) пласта культуры к самосохранению и встраиванию

в духовное пространство цивилизаций локального и универсалистского типов. В зарубежной африканистике герменевтику традиционных культур АЮС заложили работы известных культур-антропологов О. П'Битека, Л. Бьюкеннена, М. Гриоля, Б. Дэвидсона, В. Тернера, Э.Э. Эванс-Причарда, в российской африканистике – В.Р. Арсеньева, В.А. Бейлиса, Д.М. Бондаренко, В.В. Бочарова, А.Н. Мосейко, В.А. Попова, И.Е. Сеницыной.

Благодаря работам этих исследователей африканское культурное наследие впервые предстало как целостная и органичная в своей основе совокупность старинных представлений, ритуалов, мифологических знаний, навыков, имеющих общий мировоззренческий базис и ориентированных на объединение разных групп и поколений людей, их адаптацию к сложной природной среде, на восприятие мира в единой целостной динамике.

Для цивилизационного анализа свойств и особенностей традиционных африканских культур первостепенное значение приобретает вырисовывающаяся на основе этих исследований картина упорядоченного и осмысленного понимания основных начал мироздания, сближающего африканские культурные традиции и заключенные в их наследии высшие социальные и духовные ценности.

Герменевтика традиционных африканских культур говорит о наличии в их наследии общего ценностно-смыслового ядра. Мир представляется в образе единства Космоса (мироздания), социума и жизненного мира человека. Значимость и непоколебимость этого образа обеспечивают символика должных и недолжных состояний человека и общества, восприятие и интерпретация окружающей действительности в смысловой рамке перехода человека от одного жизненного состояния к другому при детальной их (состояний) классификации. Ценностно-регулятивный смысл образа коротко, но емко передает А.Н. Мосейко: «Высшей ценностью, благом считается нерушимый порядок, равновесие жизненных сил.

Злом же, ведущим к непредсказуемым последствиям, оказывается нарушение равновесия, разрыв связей жизненных сил, уничтожение звена в неразрывной цепи жизненных превращений. Убийство человека, неожиданная смерть приводит к незапланированному освобождению его жизненной энергии (дыхания), которая не принимается миром предков и превращается во вредоносную, злую силу, способную мстить людям тем же способом, от которого они погибли сами» [4, т. I, с. 66].

Образы жизненных состояний и переходов выступают и в качестве первоосновы познания бытия, сущего как непреложной истины. На это обращал внимание В.Р. Арсеньев, описывая на основе своих полевых исследований, как приверженные традициям *бамбара* (крупный западноафриканский народ, живущий в западной части Мали) воспринимают в своем сознании предметы и явления окружающего мира: «...Связанные с эволюционизмом предшественники М. Гриоля, скорее всего, были ближе к истине, поскольку ставили во главу угла системы отражения бамбара не “Знание” в его эзотерической “сокровенной” форме, а саму “жизнь”. Надо отметить, что это тоже некоторая “сокровенность”, но она выступает как инвариант всей совокупности реально наблюдаемых пластов жизни бамбара... Образы жизни, образы воспроизводства, в значительной степени сопряженные с образами прокреации, – буквально во всем. Это дает повод говорить о своего рода “архаическом витализме”, как мировоззренческой основе отражающих систем бамбара» [2, с. 200].

Витальному типу восприятия бытия присуща и особая смысловая логика: снятие через «живые единства» смысловых оппозиций мышления, смысловая классификация объектов и явлений на основе их жизненных состояний, а не путем жесткой логической категоризации, т. е. через восхождение от частного к общему и обратно. Отсюда и невозможность отделения всеобщих начал мироустройства от классов жизненных

явлений и состояний. «Особенностью видения (мира в сознании *бамбара*. – И.С.) выступает не привычное для нас восхождение от частного к общему и затем конкретизация абстракции в ее конкретном проявлении. Мысля все живым, бамбара оперирует группами (классами) явлений в их жизненных проявлениях. Существование всей группы, всего класса однополярных явлений непреложно. В то время как отдельные части этого класса могут постигать любые судьбы, любые случайности, любые частности» [2, с. 109]. На ключевое значение в этой смысловой логике образного, а не абстрактного, категориального мышления обращал внимание О. П’Битек: «Когда нилоты сталкиваются с теми явлениями, которые они относят к деятельности джока (дух, объект ритуального действия, средство выяснения причины болезни или несчастья. – И.С.), они всегда имеют в виду определенного джока со своим особым именем и четко выраженным назначением, т.е. конкретный образ, а не какую-то неопределенную силу». Имя собственное относит его к той или иной категории, наделяет социальными функциями. Нилоты никогда не думают одновременно о всех «джоги» (мн. число от слова «джок») ... Джоги не только имеют свои собственные имена, их можно еще и осязать. Землицу с предполагаемой прародины можно держать в руках и переносить с места на место... Можно не только слышать голоса духов умерших предков, но и определить, кому они принадлежат» [17, с. 69–70].

Охватывая весь жизненный мир человека, витальная логика смыслов определяет и конфигурацию ценностей сакрального (высшего) и профанного (социального) порядков. Сакральное в исконном африканском мировосприятии представляет собой не высшее духовное начало, возвышающееся над земной жизнью и принципиально от нее отличное, а особое жизненное состояние человека или группы – «магическое», «расширенное», «недифференцированное», «гармоничное». Для него характерны ограничение (на время) социальных различий, наделение особой магической силой, выход

за рамки социального пространства. (В. Тернер называл такое состояние латинским словом “*communitas*” – неразделимая общность людей – вне структуры и социальных статусов [24, с. 154]). Сакральное и профанное соотносятся между собой непосредственно, в самой социальной системе. Сакральное представляет собой пороговые состояния в обрядах перехода. «Низшие» в одном отношении (в социальной иерархии) могут оказаться «верхними» – в другом (благодаря сопричастности высшим силам в сфере сакрального). Поэтому отсутствует дуализм в восприятии мира – деление его на «верхний» (собственно, духовный, трансцендентный) и «нижний», профанный. Сакральное рядом, включено в социальную иерархию (точнее, в промежутки между ее уровнями и статусами) и потому всегда напоминает о сакральном долге «верхов». Понятно, что «культурное» (высшее) начало в этом случае не может быть противопоставлено природному, витальному. Ценности высшего, нормативно-нравственного порядка, которые оцениваются как «благо», «источники силы и здоровья», «отсутствие смерти», не вытесняют на периферию культуры или в ее подсознание образы, символы, импульсы витальной стихии, а сопрягаются с ними как с низшим типом ценностей с целью укрепления жизненного единства рода, семьи и т.д.

Особым ценностным значением обладают символы и ритуалы. Без них африканские традиционные культуры не могли бы оперировать противоречивыми смыслами крупных жизненных единств, да и сами эти единства, вероятно, превратились бы в эфемерные воспоминания об ушедшем «золотом веке». Символы и ритуалы – это не только воплощение (важнейшее) религиозных представлений и верований. Ритуальная деятельность была и остается первостепенной по важности организующей социальной практикой. В этой практике формируется особая социокультурная действительность или жизненная реальность, которая замыкает на себе Мир как полное жизненное единство. Разрыв с этой реальностью де-

лает «свой» мир «чужим». В ритуально-символической практике окончательно закрепляется связь сакрального и профанного, предметного и субъектного, судьбы как повседневного человеческого бремени и судьбы как выхода за рамки обычного существования. Коллективное в этой сфере неотделимо от индивидуального. Коллективное единство участников ритуала и его действенность невозможно представить без четкой дифференциации их личностных свойств как индивидуальностей. На этом строится психологическая власть над аудиторией ритуальных специалистов, особое положение в системе социальных и культурных отношений африканских гадалщиков и знахарей, с этим связана эффективность ритуальной практики, которая должна обеспечивать урегулирование конфликтов, восстановление тесного единства общинно-родственных коллективов. Предельно индивидуализированы отношения с предками, хотя одновременно это и отношения коллективные. И наконец, ритуально-символическая практика означает особое ценностное восприятие человеческой (жизненной!) активности – активности человека как такового. В системе африканских ценностей, ориентированных на постоянное и креативное «сотворение», ритуальную и символическую гармонизацию жизни, наряду с трудом, не менее, а часто – более значимы и другие виды активности: участие в ритуалах, родовых и общинных праздниках, словесное и художественное творчество (как и вообще воздействие словом), магия, секс.

Особо значима магия, вера в ее могущественную преобразующую силу неотделима от ценностного восприятия жизненной активности человека и жизненных переходов. По словам Э.С. Львовой, «в обществах, мало затронутых городской культурой и товарным производством, все важнейшие этапы жизни человека (рождение, половое созревание, брак, смерть), а также практическая деятельность (охота, земледелие, скотоводство, рыболовство, изготовление орудий, лечение болез-

ней) буквально опутаны магией. Бытовавшие когда-то ритуальное поедание частей тела (губ или кожи лба) могущественного колдуна или достойного уважения врача с целью получить часть его силы, могущества, храбрости или мудрости породило кочевавшее по всей европейской литературе об Африке представление о каннибалах. Большое значение сохраняют талисманы и амулеты, в частности, якобы делающие человека неуязвимым или превращающие пули в воду. Сильна и вера во вредоносную магию, и нередко врачи, работавшие в Африке, с удивлением констатировали, что человека, поверившего, что на него наслана порча колдуном, невозможно спасти от смерти. До сей поры значительная часть африканцев не верит в естественный характер смерти и приписывает ее колдовству и магии...» [14, с. 56].

На вере в жизнеустроительную силу магии и ритуала строится заключенная в африканском культурном наследии особая система познания окружающего мира. Как носитель жизненной силы человек является одновременно и субъектом, и объектом познания [18, с. 154], понимание реальности и истины совпадают [34, р. 102].

Единство Космоса и жизненного мира человека находит свое выражение в социокультурном устройстве общества, приобретая таким образом определенную цивилизационную направленность. В своем регулирующем значении культ жизни привязан к определенной локальной общности и имеет скорее культурно-ситуативное, чем отвлеченное теологическое значение. Однако – и это существенно – всеобщий космический и социальный порядок выстраивается, как правило, в соответствии с универсальным принципом иерархии Жизни, как пирамида сфер жизненной силы по степени ее убывания. Высшую сферу представляет Верховное существо – великий дух (в полидемонических религиях) или верховное божество, бог-созидатель (в политеистических религиях), далее следуют космические духи и локальные духи определенной террито-

рии, люди (включая их предков), животные и растения, минералы. Пронизанность всей иерархии Жизнью как универсальным началом мирового устройства дает человеку ощущение связи с высшим началом и обусловленные этой связью необходимые социальные и духовные ориентиры.

Мы подробно остановились на достижениях герменевтики традиционных африканских культур для того, чтобы полнее оценить ее вклад в развитие собственно исследовательского поля африканской цивилизационной компаративистики, усиление познавательной составляющей этого поля (фактического знания) по отношению к идентификационной. В представления о первичном субстрате африканских культурных традиций, его самобытности и целостности вошло понятие *витальности*, *витализма* как древнейшей и всеобщей ценностно-смысловой доминанты, мировоззренческого базиса этих традиций.

Понятие витальности/витализма не устраняет и не отодвигает на второй план определения традиционных африканских обществ как архаических по типу своего социокультурного устройства и современного их состояния как состояния «непреодоленной архаики». На уровне теоретических обобщений смыслы и ценности африканского традиционного витализма можно вполне свести к категориям «архаические», «древние», не отделившиеся от изначальной природной среды происхождения и обитания человека.

Только в условиях весьма устойчивой и одновременно специфической системы натурального хозяйства, адаптированной к природно-экологическим комплексам тропиков, но вынужденной постоянно балансировать между необходимой для воспроизводства коллектива нормой потребления и лимитированными возможностями роста производства, мог сложиться этот «культ жизни», жизнь как смысл Мира. Поэтому вполне уместно африканский витализм считать явлением экологическим или природно-синкретическим (хотя синкре-

тическими эти культуры выглядят больше со стороны результатов ритуально-символической практики, а не самого ритуального процесса, который акцентирует жизненные и социальные коллизии, переломы).

Но это все «внешние» оценки и интерпретации. С точки зрения современной цивилизационной теории они не являются более истинными и правильными (более жизненными!), чем сам по себе смысл африканских культур и, соответственно, содержание африканских культурных ценностей. Как инвариант разных и преходящих культурных значений, закрепленный в ритуальной культуре, стереотипах мышления, традиционных верованиях, наконец, в естественных языках Африки, он существует и независимо от преходящей социальной действительности, культурное содержание которой само перерабатывается и трансформируется африканской культурной (смысловой) логикой.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что вводимый африканской герменевтикой концепт витального универсализма ценностей и смыслов культур Черной Африки создает, в отличие от скорее идентификационных, чем познавательных, схем – архаика/цивилизация, архаика/модерность, ситуацию диалога, взаимодействия этих оппозиций, как и подобно оппозиции традиции/современность. На феномен поразительного сближения в пространстве витальных ценностей африканской архаики и современной европейской культурно-философской мысли обращает внимание В.Г. Хорос: «Не только архаические верования традиционных этносов, но и современная европейская мысль обнаруживает несомненные черты сходства с мировоззренческим базисом Тропической Африки. Конечно, концепции Бергсона иди Тейяра де Шардена, живших уже в XX в., выглядят более разработанными, опираются на научные данные. Но суть дела от этого не меняется. Та же идея Жизни как особой динамики Космоса. Те же ступени или сферы, в которых Жизнь осуществляет свое движение. Наконец, рационально не постигаемая, но интуитивно

ощущаемая связь Жизни с чем-то высшим – “сверхсознанием”, “точкой Омега”, Божественным началом» [4, т. I, с. 85].

Не открывает ли это возможность цивилизационного диалога между идейными течениями европоцентризма и афроцентризма?

Цивилизационный потенциал традиционных африканских культур в моделях единой африканской цивилизации

Погружение культурной антропологии в глубинный мир смыслов и ценностей африканских культур совпало с подъемом в конце XX в. философии и идеологии афроцентризма на фоне социально-политических потрясений 1980–1990 гг. В этот же период, особенно после публикации нашумевшей книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», резко вырос интерес научной и политической мысли к полицивилизационной модели изменяющегося и все более полицентрического мирового устройства. В новом международно-научном и международно-политическом контексте заметно большую актуальность, чем прежде, приобрел вопрос о существовании отдельной Африканской цивилизации (цивилизации Субсахарской Африки, Тропикоафриканской цивилизации).

Развитие в XX в. европейской цивилизационной компаративистики и стремление научной мысли в Европе противостоять колониализму и укрепляющемуся национализму в странах «третьего мира» подняли на новый уровень интерес к цивилизационному статусу крупнейших государств и регионов мира. Но Черную Африку этот интерес почти не затронул: большинство специалистов по истории мировых цивилизаций отказываются рассматривать этот регион как отдельную цивилизацию. Регион не вошел ни в один из составленных в XX в. нормативных списков цивилизаций, за исключением известного списка Ф. Броделя [7, с. 138–169]. Как «возможный», – определил цивилизационный статус Субсахарской Африки С.

Хантингтон, связав перспективу ее превращения в отдельную цивилизацию с «ростом чувства африканской идентичности» [26, с. 49].

Иначе складывается ситуация в африканистике. Все большее число специалистов по истории и культуре Африки – не только из числа африканских историков и философов – начинают воспринимать как очевидный образ Черной Африки в качестве отдельной самобытной цивилизации, включающей в себя всю совокупность народов, стран и ареалов региона АЮС. Предприняты попытки представить этот образ в виде познавательных конструктов, теоретических моделей, которые создаются путем логического связывания характерных черт и особенностей культур региона в единое мысленное целое. Фактически речь идет о взгляде на культурное наследие африканских народов с позиции определенного методологического подхода – моделирования идеального типа африканской социокультурной реальности.

В 1989 г. Ш.А. Диоп опубликовал книгу «Культурное единство Черной Африки», в которой концептуально воспроизвел в «чистом» виде афроцентристскую модель идеального типа древней африканской цивилизации. Сходство культур народов Черной Африки в этой книге было представлено как выражение основанного на древнеегипетском историческом наследии культурного, лингвистического и расового единства этих народов [30]. (Эта идея стала постоянной темой многочисленных эссе, публиковавшихся Ш.А. Диопом, начиная с середины 1940-х гг.)

В 1990-е гг. в зарубежной и отечественной африканистике появились идеал-типические модели универсальных черт традиционного наследия африканских культур – мифологического мировоззрения, традиционного жизненного мира африканцев, их связей с природой [5; 13; 18; 23].

В 1997 г. известный российский антрополог Д.М. Бондаренко впервые в российской африканистике предложил рассматривать страны и народы Тропической Африки в качестве

особой цивилизации, начавшей складываться еще в древнюю эпоху африканской истории, однако оформившейся лишь в колониальный период в непосредственной связи с осознанием африканцами своего единства в этот период: «Внутри континента можно и следует выделять ряд цивилизационных регионов, обладавших в пределах тропическо-африканской цивилизации значительной степенью специфичности. Она начала – во многом поверхностно – нивелироваться только в колониальную эпоху, когда африканцы (по крайней мере, их образованная часть) осознали свое цивилизационное единство в пределах всего континента» [6, с. 65].

По мнению Д.М. Бондаренко, цивилизация Тропической Африки имеет давние и глубокие черты общего культурного наследия как с точки зрения соответствия особым природно-климатическим условиям Африки, так и в плане принципов и форм взаимодействия между обществами. Основное цивилизационное свойство традиционных африканских культур неотделимо от свойств африканской личности и проявляется в «космизме» исконного африканского мировидения – в «...непреодолящем ощущении соотнесенности, связи... в сознании людского бытия с бытием Вселенной». «В отличие от членов многих, хотя и далеко не всех “традиционных” обществ, – уточняет Д.М. Бондаренко свое видение универсальной основы единства и самобытности африканских культур, – у африканцев отсутствуют представления о человеке как центре мироздания, “мере всех вещей”, “царе природы”, ее преобразователе, так как мир, по их мнению, устроен должным образом. Это проявление “экологизма” общественного сознания, ...свойственного членам многих архаических обществ» [6, с. 66].

Налицо методологическая конструкция идеального типа: основное цивилизационное свойство традиционных африканских культур и их исторического сознания тождественно *архаическому субстрату* человеческого сознания и человеческой культуры, ограничивается рамками древнейших

«до-осевых» социокультурных систем и сохраняет с ними теснейшую связь. В современных условиях существование этого субстрата (т.е., собственно, африканской части наследия) сводится к медленному саморазрушению, вытеснению из современной истории, смысл его современного существования в категориях нормативного цивилизационного дискурса, – «не мешать» обществу цивилизации двигаться вперед, по восходящей линии, уходя все дальше от своего прошлого.

Достаточно быстро – уже к началу нового века – в африканистике определились и основные, наиболее характерные направления (течения) идеально-типического подхода к древнему (архаическому) наследию традиционных африканских культур.

Первое направление развивается в рамках философии и идеологии афроцентризма и имеет в своей основе четко выраженные культурно-идентификационные ориентиры: поиск и укрепление основ африканской идентичности, борьба против культурного доминирования Запада, восстановление поруганного культурного наследия чернокожего населения на разных континентах. Новый уровень осознанию и практической реализации этих задач придала получившая широкую известность в Африке и за ее пределами программа Африканского возрождения (Африканского ренессанса). Программа была предложена в 1996 г. вице-президентом Южно-Африканской Республики Т. Мбеки, сменившим в 1998 г. на посту президента демократической ЮАР первого ее лидера Н. Манделу.

Главной практической задачей программы, бесспорно, являлось укрепление позиций ЮАР в качестве ведущей региональной державы. Однако и в своих ценностных, нормативных установках, и в концептуальном видении перспектив африканского развития программа соответствовала уровню цивилизационного сознания. Нормативно-ценностные установки программы вобрали в себя образы, морально-нравственные ориентиры культурно-политического перехода –

цивилизационного по сути – ЮАР от разделенного по расовому признаку общества к идеальной модели безрасового общества: объединение всех жителей страны в едином, ценностно-возвышенном образе африканца, соединение в новой национальной, культурно-политической идентичности страны разных исторических эпох и социокультурных укладов.

В концепции, а затем и в практическом осуществлении программы идеальный тип единой Африки получил воплощение в претендующей на универсалистский статус моральной философии и идеологии *убунту* («человечность» на языках зулу и коса). Африканское возрождение в этой философии и идеологии представляется как возвращение к исконно африканским, всеобщим для культурного наследия Черной Африки ценностям и правилам коллективизма, солидарности, открытости и человечности по отношению к Другому: «Я существую, потому что мы существуем».

Моделирование отдельной Африканской цивилизации в образах и категориях *убунту* имеет ясно выраженные черты *цивилизационного проекта* повышения объединяющего и преобразующего потенциала африканских традиций и идеалов: продвижение в масштабе всего континента ценностей аутентичного и не умирающего культурного наследия Африки, их противопоставление европейским ценностям, преодоление африканского кризиса и ускорение развития Африки. Смысл и значение проекта хорошо видны из перечня основных задач Африканского возрождения: создание демократических политических систем, обеспечивающих участие народа в управлении государством и сохраняющих специфику африканских форм демократического правления; достижение устойчивого экономического развития, результатом которого стало бы постоянное улучшение жизненных стандартов и качества жизни народных масс; успешная борьба против пандемии ВИЧ/СПИДа; восстановление традиционных культур Африки; поощрение художественного творчества и доступ к передовой науке и технологии [19, с. 47–56].

В программе Африканского возрождения можно уловить и элементы межкультурного диалога: культурное возрождение в образе и понятии европейского Ренессанса, признание светского устройства государства и секулярных ценностей общественного развития. Африканское возрождение, – подчеркивает М.П. Мор (сотрудник Дурбанского университета, ЮАР) – это не «возврат» к исконной «истине» или некоей неискаженной «африканской первооснове», а активизация жизненных и творческих сил африканцев для преобразования их жизни» [41, р. 75]. Тем не менее следует признать – позиция приверженцев модели Африканского возрождения смещена в сторону идеального типа исключительности и жизнеспособности традиционного африканского культурного наследия, что придает ей predetermined, догматизированный характер; быстро обнаруживается стремление создателей модели к вытеснению из познавательного поля африканской истории и культуры исследователей – не-африканцев. «Мы боремся, – признает М.П. Мор, – с интеллектуальным диктатом, культурной гегемонией африканистов, которые не знают Африку и ее проблемы лучше, чем сами африканцы. Мы боремся с чувством превосходства африканистов, постоянно поучающих нас, мы боремся с их скрытым и явным расизмом» [41, р. 107].

В некоторых случаях критика культурного гегемонизма западной африканистики доводится до крайности – полного отрицания способности западно-европейских историков понять африканскую историю и культуру, мир африканцев. До уровня максимального когнитивного превосходства постарался поднять когнитивную модель Африканского возрождения модель цивилизации известный афроамериканский ученый М.К. Асанте: «Греция – это единственная цивилизация, которая по происхождению может считаться европейской. Но сама Греция – продукт взаимодействия с африканскими цивилизациями. Среди древних цивилизаций, которые Африка дала миру, – Эфиопия, Нубия, Египет, Куш, Аксум, Гана,

Мали и Сонгай. В этих древних цивилизациях родились медицина, естественные науки, представления о монархиях, королевствах и о Всемогущем Боге. ...Европейские следы в нашей истории привели к тому, что мы утратили представление о нашей победоносной сущности» [29, р. 38–39, 55; цит. по: 10, с. 63].

Призыв к отторжению западной африканистики и европейской исторической науки очевидным образом продемонстрировал идентификационную, культурно-расовую направленность афроцентристской модели истории. «Антирасистский расизм?» – так, акцентировал внимание к расовым истокам афроцентристской идеологии А.Б. Давидсон [10, с. 51–71]. Вполне закономерным результатом «атаки» на европоцентристские ценности и образы западной цивилизации стала поднимавшаяся в европейской (западной) африканистике волна критики афроцентризма, его претензий на высшее знание мировой истории. Критика постулатов афроцентризма в 90-е гг. стала центральной темой ряда крупных исследований западных африканистов [33; 37; 38]. Несоответствию фактам мировой истории и дробления по расовому и национальному признакам посвятили отдельную работу французские африканисты во главе с Ф. Фовель-Эймаром [32].

Во многом неожиданная для западных африканистов претензия афроцентристов на свое исключительное положение в изучении африканской истории парадоксальным образом породила не ушедшие из европейского исторического сознания стереотипы восприятия африканского культурного наследия как до-цивилизационного, исторически отделенного от первых древних цивилизаций. В результате в контексте критического подхода к идеально-типическому конструкту «первичной» Африканской цивилизации возникло то, что можно назвать «контр-моделированием» этой цивилизации или «реваншем» европоцентризма. Концепт культурного единства Черной Африки был объявлен некорректным, самосознание

африканцев до прихода европейцев представлено как доисторическое, проект Африканского возрождения оценен как пример «политиканства» [42, р. 108]. Сохранился образ Древнего Египта как «семито-хамитской» или «афроазиатской» цивилизации.

Но можно ли рассматривать область идеал-типического конструирования Африканской цивилизации и ее специфики как исключительно поле борьбы за когнитивное доминирование, культурную гегемонию афро- и европоцентризма? Если занять эту позицию, то придется признать, что параллельно с расширением предметного поля африканских цивилизационных исследований произошло снижение или даже падение их продуктивности, эвристической ценности как научного направления. Однако такой взгляд представляется некорректным, односторонним. Примерно в то же время, когда изучение африканской истории с позиций идеального типа культуры/цивилизации начало приобретать характер открытого противостояния идеал-типических конструкций афро- и европоцентризма, возникло еще одно направление моделирования Африканской цивилизации. В отличие от первых двух оно ориентировано в первую очередь на повышение научной продуктивности метода идеальных типов, а не на выяснение того, в «цвет» какой идентичности – «черной» или «белой» окрашен идеальный тип африканской истории.

В африканских странах развитию познавательного направления идеал-типологического подхода способствовал в первую очередь прирост дисциплинарного социологического знания, прогресс «социологической Африки» – специализация африканской социологии на тематике соотношения классической социологии и африканских социологических нарративов, африканского гендера, региональных и национальных традиций социального знания, преподавания социологии в африканском культурном контексте. В европейской африканистике конца XX – начала XXI в. укреплению познавательных позиций метода идеальных типов способствовало все

большее осознание несостоятельности, «неправомерности», в определении Е.Б. Рашковского, афро- и европоцентристских «перекосов» в научных трактовках «африканских материй» [4, т. II, с. 81]. Определение особенностей Африканской цивилизации и ее позиций в мировом полицивилизационном сообществе должно приобретать характер эпистемологической модели, использующей концепт идеального типа исключительно в целях прироста конкретного научного знания.

Ценный практический опыт формирования подобной модели Африканской цивилизации мы находим в материалах конференции, проведенной в ИМЭМО РАН в июне 2002 г. и посвященной «цивилизации Тропической Африки». Конференция была частью научного проекта, инициированного Центром проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН и реализованного в сотрудничестве с представителями других научных центров, в том числе зарубежных. В конференции, посвященной африканской цивилизации, приняли участие российские африканисты: В.А. Бейлис, Л.Ф. Блохин, Д.М. Бондаренко, Ю.Н. Винокуров, Т.М. Гавристова, И.Т. Катагощина, Э.Е. Лебедева, А.Н. Мосейко, М.Д. Никитин, А.Д. Саватеев, И.В. Следзевский, философы, востоковеды, религиоведы, политологи: А.С. Ахиезер, А.А. Кара-Мурза, Е.Б. Рашковский (со-руководитель проекта), экономисты, историки и филологи: Е.А. Брагина, Г.И. Мирский, И.В. Подберезский, А.А. Рогожин, Н.Г. Рогожина, М.А. Чешков, В.Г. Хорос (руководитель проекта).

Познавательную ориентацию проекта и ее предметное поле определяло рассмотрение каждой из включенных в проект «мировых цивилизаций по принципу фокус-групп и в рамках трех проблемно-тематических блоков: 1) базовые ценности и институты конкретной цивилизации (религиозные и метафизические понятия, система общественных отношений, политическая культура, трудовая этика и хозяйственная сфера); 2) историческая динамика цивилизации и особенности

ее модернизации; 3) цивилизация в современном мире в контексте глобализации, ее отношения с другими цивилизациями и шансы на сохранение и утверждение своей идентичности.

Предложение рассматривать цивилизационные свойства африканских традиционных культур и степень их единства исключительно в этих трех тематических ракурсах, несомненно, придало подходу к определению и интерпретации этих свойств характер моделирования африканской цивилизации по заранее определенным параметрам. Важно, что уже с самого начала этой модели был придан характер идеально-типической конструкции. Вся Субсахарская Африка была включена в число мировых цивилизаций, «поставлена в один ряд с другими вариантами цивилизационной эволюции человечества» [4, т. I, с. 4]. Но в качестве отправной точки формирования модели предлагалось взять не чисто логические, идентификационные категории-конструкты (цивилизация природная, архаическая, «до-осевая» и т. д.) и не абстрактное единство культур Субсахарской Африки, а закреплённый в африканском культурном наследии тип взаимодействия – на протяжении длительной истории – народов и обществ региона.

За основу идеального типизирования взаимодействий была взята объединенность африканцев общим витальным мировоззрением (культулом Жизни), а само возникновение такой объединенности как типа цивилизационной общности связывалось с общими природно-климатическими и демографическими условиями существования человека в зоне тропиков, длительными контактами и миграциями африканских народов. «Классическая цивилизация Африки – это цивилизация сравнительно небольших социумов, этносов и племен. Они существовали в специфических природно-экологических и демографических условиях (жаркий климат, скудость почв, чередование сухих и дождевых сезонов, малая населенность и проч.), требовавших от человека упорства и больших усилий по приспособлению к ним. И хотя ученые выделяют четыре основных ландшафта Тропической Африки (саванна, лес,

речные долины, пустыни), этносы, обитавшие там, благодаря контактам и периодическим миграциям, сталкивались с общими проблемами и вырабатывали сходные мировоззренческие построения. Это и позволяет говорить о единстве цивилизации Африки южнее Сахары» [4, т. II, с. 82].

Познавательное значение предложенной модели определяется, во-первых, выведение идеального типа витального африканского мировоззрения из опыта герменевтики традиционных африканских культур; во-вторых, отказ от парадигм «вестернизации» и «модернизации» (цивилизационное развитие рассматривается исключительно как переход от традиционного общества к современному) в определении исторической динамики данной цивилизации; в-третьих, сопоставление модели с конкретными реалиями африканской истории – масштабными испытаниями, которым на разных этапах истории подвергались единство и прочность этого мировоззрения. Инвариант данной цивилизации был сконструирован в рамках диалогового подхода к ценностно-смысловому ядру архаического наследия местных культур – первый проблемно-тематический блок конференции: доклад И.В. Следзевского, выступления В.А. Бейлиса, Л.Ф. Блохина, Д.М. Бондаренко, А.А. Кара-Мурзы, А.Н. Мосейко, И.Т. Катагощиной.

Идеальный тип африканской исторической динамики («как бы врожденной динамичности африканской традиции») был представлен как сочетание «высокой степени консерватизма», обусловленной жизнедеятельностью местных социумов в довольно суровых климатических условиях» и «главным императивом сохранения равновесия со средой и приспособления к ее изменениям», с «гибкостью африканской традиции, ее способностью меняться, трансформировать культурное наследие и осваивать инокультурные инновации, рефлексирова на новые вызовы» [4, т. II, с. 146] – второй проблемно-тематический блок конференции: доклад М.Д. Никитина, выступления А.С. Ахиезера, В.А. Бейлиса, Л.Ф. Блохина, Т.М. Гавристовой, А.А. Кара-Мурзы, И.Т. Катагощиной, А.Н. Мосейко, И.В. Подберезского, И.В. Следзевского.

Серьезные различия между идеальным типом африканского социально-исторического процесса и его действительным ходом выявил анализ многочисленных вызовов, с которым принцип природно-культурного и социокультурного равновесия в традиционном наследии африканских народов сталкивался на протяжении длительных исторических эпох. В перечень вызовов вошли: возникновение небольших царств и империй, которые формировались на торговых путях или под влиянием внешних сил (экспансия Исламской цивилизации) и привносили в традиционный строй небольших общинных социумов определенные новшества; демографический рост – уже к середине XIX в. он начал подвергаться напряжению традиционную систему хозяйства; расцвет в XVI–XIX вв. европейской работорговли – «прелюдии колониализма»; установление европейского колониального господства – сравнительно позднее, но подвергшее «суровому испытанию все структуры, институты и ценности Африканской цивилизации» – третий проблемно-тематический блок конференции: доклад Э.Е. Лебедевой, выступления А.С. Ахизера, В.А. Бейлиса, Л.Ф. Блохина, Е.А. Брагиной, Ю.Н. Винокурова, Т.М. Гавристовой, И.Т. Катагощиной, Е.Б. Рашковского, Н.Г. Рогожиной А.Д. Саватеева, И.В. Следзевского, М.А. Чешкова).

В итоге состоявшейся дискуссии идеальная конструкция целостной и потенциально способной к сохранению своей самобытности Африканской цивилизации подверглась значительной релятивизации и проблематизации, прежде всего, в том, что касается ее взаимоотношений с западной цивилизацией. «Полнокровная, но архаичная Африканская цивилизация, сильная прежде всего своим социокультурным соответствием специфическим тропическим условиям континента, но не выработавшая письменности и научно-технических традиций, не могла не испытать сильнейших трудностей (если не шока) в столкновении с Западной цивилизацией, намного превосходящей ее интеллектуально, технически и организационно. Она мучительно пыталась ответить на новые вызовы.

Но это не получилось – ни в колониальный период, ни после достижения независимости. Не удалось достигнуть культурного синтеза, который позволил бы африканцам сохранить свою цивилизационную самобытность и вместе с тем освоить те достижения иной цивилизации, которые позволили бы им приспособиться к новым временам. ...Последние полтора столетия в эволюции Африканской цивилизации деструктивные процессы явно преобладали над конструктивными. Может быть, сегодня эта тенденция достигла своего апогея» (Заключительное слово В.Г. Хороса [4, т. II, с. 101]).

Современная африканская действительность плохо укладывается (если укладывается вообще) в рамки какого-либо цивилизационного типа как идеальной модели общества, противопоставляющей хаосу, внутреннему разладу и внешнему натиску способность к сохранению жизненно важных ценностей, смыслов и структур или к их трансформации в случае несоответствия масштабам внутренних и внешних вызовов. Слишком велики проявления социального разлада и падения ценности человеческой жизни, массовой нищеты и деградации экологической среды. Но значит ли это, что общества постколониальной Африки практически утратили способность к самосохранению, усложнению и обогащению новыми знаниями, ценностями и идеалами на *собственной основе* – в процессе сохранения или восстановления своей культурной самобытности – значимого проявления тех составляющих культурного наследия, которые необходимы в процессе развития общества для обеспечения его самосохранения и идентичности? Этот вопрос был поставлен при подведении итогов конференции. Предложенные ответы сохранили исходную посылку моделирования Африканской цивилизации, но уже в отношении ее вероятного будущего и возможного положения в глобализирующемся мире. Т.М. Гавристова высказала мнение, что именно тяжелый кризис постколониальной модернизации Африки поможет африканцам обрести собственную идентичность и что важную роль в этом может сыграть

осознание африканскими интеллектуалами своей принадлежности к двум мирам – африканскому и западному. Э.Е. Лебедева, напротив, пришла к выводу о том, что самобытность Африканской цивилизации может сохраниться лишь в условиях ее изоляции от современного мира, что, конечно, невозможно. В качестве конструктивной идеи был представлен предложенный в 1974 г. А. Мазруи проект «продуктивного синтеза» христианства, ислама и местных (этнических) религий [39, р. 32–36]. Правда, последний вариант возможного будущего Африканской цивилизации выходит за рамки идеального цивилизационного типа культур АЮС как успешного опыта адаптации человека к сложной природно-климатической среде тропиков.

В целом, как нам представляется, на сегодняшний день конструирование цивилизационных свойств, особенностей, перспектив африканских культур на основе представления архаического субстрата этих культур в качестве особого и идеального цивилизационного типа достигло максимума своих познавательных возможностей. Нельзя утверждать, что методология идеальных типов потеряла свое значение в африканской цивилизационной компаративистике. Возможно появление новых идеально-типических конструкций прошлого и будущего Африканской цивилизации. Однако с учетом тех потрясений, которые пережили африканские общества, десятки и сотни миллионов жителей африканских стран, конструирование «цивилизационной матрицы» сложного культурного конгломерата южнее Сахары уже трудно считать конструктивным без изучения реального, практического опыта трансформации, *духовного преобразования* архаического пласта африканского культурного наследия. Мы имеем в виду длительное накопление тех компонентов, значимых смыслов, ценностей, образцов культурного опыта, которые неотделимы от самобытных африканских традиций, но в своих высших духовных посланках и устремлениях выходят за пределы архаического субстрата традиционной культуры.

Опыт духовного преобразования наследия африканской архаики

В рамках цивилизационной теории накопление подобного опыта рассматривается как движение в направлении духовности «осевого времени»: «резкого разграничения между космическим (религиозным) и мирским порядками» (вместе с признанием их взаимной соотнесенности и взаимодействия) и одновременно придания особого значения «трансцендентности космического порядка и необходимости сближения или наведения мостов между сферой трансцендентного и мирским порядком» [28, с. 138]. В практике исторических и современных трансформаций африканских духовных традиций речь о гораздо более сложной, не сводимой к каким-либо однозначным оценкам картине *религиозного полиморфизма* – соединения и взаимодействия в разнообразных синкретических вариантах разных пластов культурно-религиозного опыта и его компонентов.

Социальную и культурную жизнь коренного африканца трудно представить без пестрой мозаики традиций первичных (архаических) форм религиозных верований и культов, возникающих из непосредственного поклонения природе и веры в души и духов (фетишизм, анимизм, культ предков, ведовство и чародейство). Не связанные непосредственно с верой в высшее, божественное начало, эти формы верований и культов обычно причисляются к традиционным или этническим формам религии, локальным по масштабам своего распространения и полидемоническим по своей главной духовной составляющей (вера в духов). Особый тип и уровень развития локальных религий представляет африканский политеизм – вера в иерархию местных богов, определяющих жизнь и судьбы человека, общества, природы. Не получившие повсеместного развития в доколониальной Африке и испытывающие давление христианства и ислама, политеистические верования и культы, тем не менее, остаются неотъемлемой частью

культурно-религиозного наследия ряда африканских народов [25, с. 337, 351, 354–357]. Традиции этих верований и культов, уходящие корнями в африканские локальные цивилизации Западного Судана, района Бенинского залива, Буганды, Мадагаскара, стали одной из основ «черного национализма» и в виде синкретических культов вошли в культурное наследие африканской диаспоры в Бразилии, Гвиане, на Антильских островах, в Центральной Америке.

Культурно-конфессиональное пространство АЮС нельзя также представить вне влияния и распространения мировых религий, в первую очередь христианства и ислама, и в значительно меньших масштабах – иудаизма и индуизма. Первым этапом распространения христианства стало появление очагов восточного христианства в Эфиопии во II в. н. э. Второй этап, открывший новую эпоху в христианизации Черной Африки, начался в XVI в., получил широкий размах с XIX в. и был связан с начавшейся культурно-религиозной экспансией Западной Европы – деятельностью европейских миссионеров.

Первые мусульмане переселились с Аравийского полуострова в христианскую Абиссинию в начале VII в. н. э., а собственно культурно-религиозное распространение ислама началось в конце IX в. – первоначально на северо-востоке континента, затем в зоне Сахеля и на побережье Индийского океана [21, с. 85–86]. В Западной Африке интеграция общества и власти на основе ислама способствовала становлению раннефеодальной империи Мали (XIII–XV вв.), укреплению в XV–XVI вв. крупного торгового государства Сонгай, быстрой исламизации ряда народов Западного Судана.

Огромное разнообразие, сложность и подвижность конфессионального пространства Черной Африки, религиозных верований и культов уже давно привлекают внимание специалистов-религиоведов. На первый план при этом выходит характерное для классического религиоведения сравнительное изучение религий в контексте социокультурной эволюции их

основных форм, типов, исторических взаимосвязей, правил и законов функционирования как духовно-культурных и институциональных образований. Во второй половине XIX в. известный английский этнолог и культуролог, лидер школы эволюционизма в английской этнологии и антропологии Э. Тэйлор использовал этнографические сведения о традиционных религиях Черной Африки для создания так называемой анимистической теории происхождения религии, выделяющей в качестве первоосновы всех религий первобытные представления о душе и духовном начале человеческой деятельности. В XX в. большое влияние на западных и африканских религиоведов оказала теория прамотеизма английского религиоведа Э. Лэнга, содержащая постулат о присущей африканским народам, как, впрочем, и другим народам мира, первоначальной вере в единого Бога, позже заслоненной формами и наследием «неправильной» веры: всевозможными суевериями, вредными, греховными обрядами и многобожием.

После окончания Второй мировой войны, в условиях подъема африканского национализма, ослабления и распада европейских колониальных империй на первый план в трактовках мира африканских религий начал выходить поиск в обычаях, обрядах, символах, символических формах и языке этих религий рациональных духовных начал, свидетельствующих о способности африканцев к выработке целостной системы миропонимания на основе собственного высшего, непреложного, философского знания (труды П. Темпельса, М. Гриоля, Я. Яна). Как результат этих изысканий в западном религиоведении возникла важная концептуальная идея о присутствии во всех культурах Черной Африки общей духовной основы, связанной с сакрализацией жизненных сил человека, которые, однако, не могут стать предметом однозначного религиозного поклонения.

Вторая половина XX в. отмечена культурным поворотом в изучении африканских религий и в целом духовно-религиозного мира африканцев. Лидирующие позиции в изучении

религий в Африке стали переходить к самим африканцам и согласовываться с ценностными позициями идеологии афроцентризма. Внимание африканских религиоведов и культурологов начало фокусироваться на содержании и формах автохтонных (традиционных) африканских религий – на характерных для них обрядах, культурах, религиозно-мифологических представлениях. Во многих научно-образовательных учреждениях Африки изучение этих религий получило статус самостоятельной академической дисциплины.

«Традиционализация» африканского религиоведения явилась вполне закономерным ответом африканской интеллигенции на вставшую перед ней задачу заново осмыслить историческое прошлое Африки, ее культурное наследие, осознать истинное место и назначение Черной Африки в мире¹. Наглядным проявлением произошедшего сдвига в интерпретации культурно-исторического значения африканских традиционных религий стал решительный отказ африканских религиоведов от сложившегося в западной науке дискурса отрицания духовной значимости этих религий («первобытные примитивные» религии, «язычество», «идолопоклонство» и т. д.) в общем контексте самоценности африканских традиционных культур и их способности к самообновлению. Один из крупнейших африканских религиоведов, нигериец Б. Идову писал в 1975 г.: «Примитивных религий в строгом смысле этого слова не существует. То, что мы наблюдаем, – ново и современно... Не существует и примитивных людей, ибо эти “примитивные” люди – современники тех, кто их так называет» [35, p. 128].

Стремление к духовному возвышению традиционных африканских религий и их наследия способствовало утверждению в кругах африканских философов и религиоведов идеи

¹ Афроцентристский поворот в изучении традиционных африканских религий получил подробное освещение в советской африканистике 80-х гг. XX в. [25, с. 19–27].

изначального монотеизма африканского религиозного сознания как сути африканской философии, ставящей традиционные верования и культы африканских народов в один ряд с богооткровенными мировыми религиями и, следовательно, с мировыми цивилизациями «осевого времени». Очень быстро идея африканского монотеизма превратилась в одно из наиболее значимых направлений современного африканского религиоведения, африканской теологии и африканского культурно-цивилизационного дискурса. Задачей этого направления, скорее культурно-идентификационной и идеологической, чем научной, стало сближение канонического христианства и наследия традиционных африканских религий – по сути, африканизация «белого» христианства.

Однако догматизация и популяризация исконного единобожия и духовной возвышенности африканских религий (в работах нигерийского религиоведа и религиозного деятеля Е.Б. Идову, руандийского теолога А. Кагаме, кенийского христианского философа и писателя Дж. Мбити и др.) породила новые вопросы, касающиеся возможности сведения полиморфизма традиционных африканских верований, таких как вера в духов и в «низших» богов, в бессмертие предков и силу магии, к вере в единого, всемогущего и благого Бога, а также возведения в принцип «африканского видения Бога» (сотворение Бога «по образу и подобию нашему»). Обозначилась и особая теологическая проблема, неразрешимая рациональным образом: является ли Бог африканцев Богом всего Космоса или же Богом исключительно чернокожих людей?

Вполне закономерным ответом на попытки части африканских теологов и религиоведов рациональным образом доказать глубинное сходство и духовную идентичность африканской и христианской концепций единого Бога стало формирование альтернативной концепции уникальности африканских религий. Создатели этой концепции (и в первую очередь ученый, публицист и поэт из Уганды Окот п'Битек) подчеркивают, что не только конкретные локальные

верования, но вся совокупность африканских духовных представлений о мире и человеке, весь духовный опыт традиционных африканских культур заключены в живых мифах, моральных правилах и ритуалах повседневной жизни и поэтому не могут быть вырваны из африканской культурной среды и африканского самосознания, наделены какими-либо метафизическими качествами и, тем более, поняты с позиций европейской науки и христианской теологии. По словам О. п'Битека, «на протяжении всей долгой истории западной науки африканские религии никогда не были предметом изучения сами по себе. Африканские боги использовались как наемники в сражениях чужеземцев, ни одно из которых не велось в интересах африканских народов... Отцы христианской церкви вовсе не пытались изображать африканских богов такими, какими они были в действительности. Их главной целью было осудить, а затем изгнать “демонов”, чтобы поставить на их место христианского бога... Участь африканских божеств не стала легче, когда они попали в руки философов, поднявших на щит “благородного дикаря”... Если руководители африканских государств искренне считают, что консолидация общества в Африке должна основываться на самобытном мировоззрении африканцев, то необходимо стремиться к выявлению такого мировоззрения» [17, с. 92, 93, 100].

Но культурный поворот в африканском религиоведении стимулировал развитие и собственно научного, проблемно-тематического поля религиоведческих исследований. На первый план в этом поле выдвинулась проблематика сближения и соединения на синкретической основе традиционных африканских и мировых религий. Тема африканского религиозного синкретизма – становление и развитие множества синкретических религий в Африке в XIX–XX вв. на глазах у европейских исследователей – стала самостоятельным и ведущим направлением собственно научных исследований африканской религиозной проблематики, близким к проблемам цивилизационного потенциала африканского культурного наследия.

Важнейшее значение для развития данного направления имели, с одной стороны, стремительное распространение в XIX–XX вв. в странах АЮС христианства и ислама, а с другой – самобытное развитие африканского религиозного синкретизма в лице самостоятельных и сильно отличающихся друг от друга народных религий, афро-христианских сект и независимых церквей, афро-католицизма и африканского евангелизма, народного ислама в Эфиопии, Сомали, странах Восточной, Западной и Центральной Африки. Прежний основной вопрос африканского религиоведения – какие из африканских религий надо считать автохтонными, традиционными, а какие – местными формами мировых религий, отошел на второй план. Вперед вышла проблематика взаимной адаптации в синкретических формах традиционных и мировых религий, разнообразия этих форм и связи их с мировыми религиозно-политическими и цивилизационными процессами и интересами, с ролью африканских синкретических религий и связанных с ними движений в национально-освободительной борьбе африканских народов, во внутренней политике молодых государств АЮС и в процессах культурно-цивилизационной интеграции/дезинтеграции Субсахарской Африки.

Изучение развития африканского религиозного синкретизма значительно усложнило к концу XX в. научные представления о движущих силах и условиях исторического развития Африки. Сохранилось характерное для классического религиоведения представление о сосуществовании в Черной Африке стадийно различных форм религиозного и секулярного сознания как закономерной особенности колониальных и постколониальных обществ, взаимодействия в них современности и самобытности. Однако характерный для классического эволюционизма линейно-стадийный принцип исторического развития постепенно утратил значение всеобъемлющей объяснительной модели региональных культурно-исторических процессов.

Объяснение и понимание современного африканского развития теперь все более вписываются в многомерную картину взаимодействия исторической преемственности и изменений африканских обществ, исторической взаимосвязи и взаимозависимости различных пластов культуры, культурного и религиозного опыта африканских народов, архаических мифоритуальных культурных систем и компонентов, потенциалов духовности «осевого времени». Не менее важное значение начинает придаваться полиморфизму культурных и религиозных традиций Африки как составной части африканской современности, а также духовно-нравственному и культурно-религиозному самоопределению – выбору, который люди делают в условиях распада социокультурного порядка, нарастания конфликтной (деструктивной) динамики социального развития. Трансформация религиозного сознания и заключенный в ней духовный, цивилизационный в своей основе потенциал общественных преобразований приобретают в этих условиях значение политических, культурных, цивилизационных проектов, ориентированных на идеалы «истинной веры» и конкурирующих за обладание «высшей» истиной.

Огромное разнообразие африканских религиозных направлений и течений, их широкая и подвижная синкретическая основа тесно связаны с восприятием и усвоением богооткровенных истин мировых религий. И разнообразие, и сам синкретизм становятся открытым ресурсом, социальным и культурно-цивилизационным потенциалом выбора альтернатив и вариантов общественного развития, изменения жизни людей и общества через осознание несовпадения, разрыва между высшим и мирским порядками. Остается открытым вопрос о степени востребованности и уровне мобилизации этого ресурса в конкретных условиях и ситуациях существования человека, группы, общества. Актуальность, научную и практическую значимость этому вопросу придают глубокие и быстрые трансформации, которые произошли в религиозной

жизни и религиозно-конфессиональном пространстве Черной Африки за последние десятилетия.

К важнейшим изменениям, имеющим как региональное, так и глобальное значение в контексте мировых конфессиональных и глобальных цивилизационных трансформаций, надо отнести перемещение в Черную Африку демографических центров главных мировых религий – христианства и ислама, существенный прирост адептов христианства в населении африканских стран, в частности образование в различных частях региона устойчивых центров распространения протестантизма (Нигерия, Кения, ЮАР). Благодаря сохраняющейся высокой динамике роста населения в странах АЮС (по сравнению с другими регионами развивающегося мира) повышается доля африканцев в глобальной структуре крупнейших конфессий мира. Перемещение демографических центров христианства и ислама в регион АЮС позволяет африканским христианским и мусульманским общинам наращивать свое влияние в глобальном конфессиональном пространстве. Особое значение при этом приобретает геокультурное смещение центров мирового христианства из стран «глобального Севера» в страны «глобального Юга», что ослабляет или даже разрушает сложившуюся за многие века европейскую локализацию цивилизационных центров этой мировой религии.

Новое цивилизационное значение в этой связи приобретает и религиозный полиморфизм, его структурные особенности, динамика изменений и потенциал заключенных в этих изменениях духовных преобразований исконной африканской архаики. В начале XX в. мозаичность конфессионального пространства региона определялась ярко выраженным доминированием автохтонных религий, тогда как мировые религии – ислам и христианство как значимые пласты африканского религиозного наследия – были представлены исключительно локальными очагами самобытного христианско-африканского и исламо-африканского синкретизма: христианство – в Эфиопии, Сомали, в приморских районах Кении,

низовьях р. Конго, на Мадагаскаре, в Намибии, на островах Зеленого Мыса; ислам – на современных территориях Северной и Центральной Нигерии, Мали, Нигера, Камеруна, Чада [15, с. 85–102; 20, с. 385–514; 25, с. 83–98]. В современном конфессиональном пространстве региона приверженцы автохтонных религий (12,3 % населения региона, по данным 2010 г.) уже не занимают доминирующие позиции, уступая лидерство адептам христианства и ислама (57,2 % христиан и 29,6 % мусульман)². Пестрая мозаика локальных (этнических) религий в геокультурной и геоконфессиональной картине АЮС отходит на второй план по сравнению с разделением конфессионального пространства всего региона на зоны доминирования христианства и ислама и «буферную зону» со сложным религиозным составом населения (Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар, Сьерра-Леоне, Бенин, Гана, Нигерия, Камерун, Того, Чад, ЦАР, Эфиопия, Мозамбик, Танзания) [9, с. 122–123].

Культурно-историческое значение этих сдвигов в регионе усиливается повышением уровня религиозности – распространением догматов христианства и ислама (при сохранении в религиозно-культурной практике элементов традиционных верований), и религиозной мобилизации населения в рамках харизматических движений и сект, превращением религиозных идей и догматов христианства и ислама в мобилизующие и объединяющие жизненные смыслы, духовные ценности и модели поведения широких африканских масс [1, с. 62–73; 8, с. 5–29; 22, с. 74–114]. При этом религиозный опыт

² Количественные показатели перераспределения в регионе адептов этнических религий, христианства и ислама подробно рассчитаны и представлены в российской конфессиональной географии, прежде всего в работах С.А. Горохова и И.А. Захарова. Для расчета географических центров основных конфессий в Тропической Африке они использовали специальную международную программу определения постоянных «опорных точек» этих религий и изменения траекторий их распространения в пространстве региона за последние 100 лет на основе материалов переписей населения стран Тропической Африки и исследований конфессиональной структуры населения мира [8, с. 5–29; 9, с. 113–128].

африканцев, заключенный в давних и самобытных культурных традициях местных народов, не только не теряет своего значения, но и становится во многих случаях узловой стратегической точкой, триггером духовных по своей направленности социокультурных перемен. Агентами духовных новаций, обычно выходящих далеко за рамки архаического мирознания, выступают главные носители живого религиозного опыта – харизматические духовные лидеры – пророки и складывающиеся вокруг них группы последователей-харизматиков, берущих на себя роль обладателей и выразителей новых творческих состояний человеческого духа и наглядных выходов за пределы становящейся все более тяжелой и неприемлемой данности земной жизни. Выходы в потустороннюю реальность могут заключать в себе близкое к духовности «осевого времени» позитивное начало восстановления и поддержания единства общества – обычно в рамках нового религиозного направления, но могут приводить к подрыву и разрушению существующих социальных институтов, распространению девиантных форм поведения, идущих вразрез с ценностями и этикой встраивания своего поведения и своей судьбы в Высшее и Всеобщее Начало в религиях «осевого времени». Таким образом, цивилизационный потенциал религиозного опыта может приобретать различные и противоположные значения, обуславливать и цивилизационную консолидацию общества, и ослабление или распад духовных скреп социокультурного единства.

С конца XX в. масштабы и динамика религиозных перемен в странах АЮС привлекают внимание исследователей-африканистов, африканской общественной и научной мысли. Африканский кризис дал толчок активизации и прямому вмешательству в социально-политические процессы африканских церковных кругов, африканских богословов, лидеров и активистов исламистских и афро-христианских движений. Одновременно изучение африканских религий поднялось до уровня нового междисциплинарного научного направления,

включающего в себя такие гибридные специальности, как конфессиональная география, политология, социология и психология религий, религиозная антропология. В рамках этого направления выделяются и анализируются процессы «религизации» развития африканских постколониальных обществ [31; 36; 40; 43–45]. Предметом научных исследований и дискуссий становятся вопросы тесного переплетения религии, политики и экономики: расширяющейся религиозной интерпретации политики африканских государств, превращения сферы политической и экономической власти в новое религиозно-культурное пространство (культы правителей, ведущих политиков и бизнесменов).

Вместе с тем явно недостаточное внимание уделяется африканскому религиозному опыту, его изучение в мировой африканистике пока не приобрело целенаправленного и систематического характера. Как самостоятельное направление изучения африканского культурного наследия и современных религиозных, социокультурных трансформаций африканских обществ эта область исследований формируется в отечественной африканистике (Л.А. Андреева, А.В. Воеводский, Н.А. Добронравин, О.Д. Кавыкин, А.Н. Мосейко, А.Д. Саватеев, Х.М. Турьинская и др.) [20]. Одной из ключевых проблем развития этого направления становится вопрос о цивилизационном потенциале африканского культурного наследия. На этот новый аспект цивилизационного подхода к культурам и обществам Черной Африки в 2012 г. обратил внимание видный российский африканист – историк и религиовед, автор концепции исламо-африканской цивилизации А.Д. Саватеев: «Деревня, город, племя, государство создают свои модели культурного общения, но под воздействием религиозного опыта пророчествующей личности складываются особые, всеохватывающие духовные системы, которые перекрывают своими смыслами ограниченные локальные модели бытия, трансформируя и отчасти вбирая их. Распространяясь, эти духовные системы, идеи, концепции особым

образом организуют общество и все сферы его бытия, они обретают всеобщий характер. В рамках этого универсализма все большие и малые человеческие общества становятся лишь частными проявлениями цивилизации как совокупности наиболее общих закономерностей развития в духовной, экономической и даже эколого-демографической областях» [20, с. 254–255].

* * *

Идущие уже не одно столетие процессы цивилизационного развития африканских народов соотносят, со-организуют разные пласты традиционных африканских культур и их исторического наследия – от древнейших, отражающих «со-природное» существование человека, до близких культурам «осевого времени», выдвигающим на первый план проблематику духовного изменения человеческой личности и ее поведения в соответствии с принципами высшего морального и ценностного порядка. В этом контексте представляется довольно узким и догматическим взгляд на традиционный африканский социум как на исключительно «со-природное», «застывшее» в своих локальных, «до-осевых» характеристиках культурно-цивилизационное образование. Цивилизационный потенциал африканского цивилизационного развития имеет значительно более широкий культурно-исторический контекст. В условиях современного неустойчивого и неопределенного мира, кризиса африканской постколониальной модели догоняющей модернизации этот контекст во многом определяется условиями и возможностями культурно-религиозного самоопределения африканских народов.

Литература

1. Андреева Л.А. Христианская религиозность в Африке в начале XXI века в цивилизационном аспекте // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. I. Ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016.

2. Арсеньев В.Р. Бамбара: От образа жизни к образам мира и произведениям искусства: опыт этнографического музееведения. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии РАН, 2000.
3. Африка. Культурное наследие и современность. М.: Наука, 1985.
4. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции. Т. I–II. М.: ИМЭМО РАН, 2006.
5. Бейлис В.А. Традиция в современных культурах Африки. М.: Наука, 1986.
6. Бондаренко Д.М. Цивилизация Тропической Африки и ее судьбы в доколониальные эпохи // Цивилизации. ИВИ РАН. Вып. 4. М.: МАЛП, 1997.
7. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с франц. М.: Весь мир, 2008.
8. Горохов С.А. Векторы развития конфессионального пространства Африки в эпоху глобализации // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. I. Ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016.
9. Горохов С.А., Захаров И.А. Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX – начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. II. М.: ИАФР РАН, 2017.
10. Давидсон А.Б. Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 51–71.
11. Ерасов Б.С. Социальная культурология. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996.
12. Ионов И.Н. Теории цивилизаций // Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград: Учитель, 2014.
13. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М.: Наука, 1982.
14. Львова Э.С. Культуры народов Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. М.: Логос, 1996.
15. Мосейко А.Н. Мадагаскар. Особенности культурно-цивилизационного развития. М.: ИАФР РАН, 2018.
16. Мосейко А.Н., Харитоновна Е.В. Формирование цивилизационной идентичности в современной Африке (проблемы и противоречия) // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. I. Ч. 1. М.: ИАФР РАН, 2016.

17. П'Битек О. Африканские традиционные религии: Религии Африки в освещении западных и африканских ученых / пер. с англ. М.: Наука, 1979.
18. Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология Тропической Африки / пер. с итал. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001.
19. Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г. Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. М.: ИАФР РАН, 2001.
20. Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологический и социокультурный аспекты. М.: ИАФР РАН, 2012.
21. Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: ИАФР РАН, 2006.
22. Саватеев С.А. Исламский цивилизационный проект: суфийский вариант // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. I. Ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016.
23. Тернбул К.М. Человек в Африке / пер. с англ. М.: Наука, 1981.
24. Тернер В. Символ и ритуал / пер. англ. М.: Наука, 1983.
25. Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука, 1986.
26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2003.
27. Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009.
28. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999.
29. Asante M.K. Afrocentricity. Trenton (USA): Africa World Press, 1996.
30. Diop Ch. A. The Cultural Unity of Black Africa. London: Kaak House, 1989.
31. Dozon J.-P., Augé M. La cause des prophètes: politique et religion en Afrique contemporaine, suivi de la leçon des prophètes par Marc Augé. Paris: Seuil, 1995.
32. L'Histoire des Africaines entre Egypte et Amerique. Paris: Khartala, 2000.
33. Howe S. Afrocentrism. Mythical Pasts and Imagined Homes. London, New York., Verso, 1998.

34. Idinboye D.E. Truth and Reality in African Thought // African Philosophy. Addis Ababa: Addis Ababa University, 1981.

35. Idowu E. B. African Traditional Religion. A Definition. New York: Orbis, 1975.

36. Laburthe-Tolra P. La Conversation au catholicisme en Afrique noire // Afrique contemporaine. 1996. No. 178. P. 30–39.

37. Lefkowitz M., Rogers G.M. Black Athena revisited. Chapel Hill (USA): University of Northern Carolina Press, 1996.

38. Lefkowitz M. Not out of Africa. How Afrocentrism became in Excuse to teach Myth as History. New York.: Basic books, 1996.

39. Mazrui A.A. World Culture and the Black Experience. Seattle: University of Washington Press, 1974.

40. Mbembe A. Afriques indociles: christianisme, pouvoir et etat en societe postcoloniale. Paris: Karthala, 1988.

41. More M.P. African Renaissance: The Politics of Return // African Journal of Political Science. 2002. Vol. 7. No. 2. P. 65–80.

42. Obenga TH. Le Sens de lutte contre l'afrocentrisme eurocentrisme. Gif-sur Yvette: Khepera, 2001.

43. Ranger T.O. Religious Movements and Politics in Sub-saharan Africa // African Studies Review. 1986, No. 2. P. 1–62.

44. Religion et modernite politique en Afrique noire. Paris: Karthala, 1993.

45. Religion et transition démocratique en Afrique. Paris: Karthala, 1998.

46. Vancina J. Oral Tradition and its Methodology // UNESCO General History of Africa. Vol. I. Methodology and African Prehistory. Paris: UNESCO, London: Heinemann, Berkeley: University of California Press, 1981.

DOI: 10.22363/

В.И. Гусаров

«ОДИН ГОЛОС ЗА НАШУ ПЛОТИНУ» – ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛОЗУНГ ЭФИОПИИ, ИЛИ КАК ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГЭС В ЭФИОПИИ ВЫЗВАЛО КРУПНЕЙШИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ В АФРИКЕ

2 августа 2020 г. в столице Эфиопии Аддис Абебе состоялись торжества, посвященные завершению строительства ГЭС «Возрождение». Десятки тысяч человек с транспарантами и эфиопскими флагами заполнили улицы. Автомобилисты издавали сигналы клаксонами, на площадях музыканты играли громкую музыку, на площадях люди танцевали, выражая свой восторг.

Заместитель премьер-министра Эфиопии Демеке Меконен в своем выступлении призвал народ поддержать завершение создания ГЭС. Эфиопские новостные агентства призвали эфиопов, проживающих во всех странах мира, оказать поддержку крупнейшему национальному проекту.

Торжества, получившие название «Один голос за нашу плотину», стали возможны после того, как эфиопские официальные лица заявили 22 июля 2020 г., что первый уровень водохранилища заполнен благодаря выпавшим сильным дождям. Они сообщили, что полностью водохранилище будет заполнено в 2023 г.

После этого ГЭС «Возрождение» обеспечит энергией 65 млн людей из почти 110 млн человек, населяющих страну, что позволит им выбраться из нищеты. ГЭС сделает Эфиопию главным экспортером энергии в Африке.

Место для строительства ГЭС «Возрождение» было выбрано между 1956 и 1964 гг. во времена правления императора Хайле Селассе под воздействием создания Асуанской

плотины в Египте. Из-за государственного переворота 1974 г. проект строительства был приостановлен. В октябре 2009 г. и августе 2010 г. эфиопское правительство вернулось к рассмотрению проекта.

Асуанская плотина им. Гамалы Абдель Насера была сдана в эксплуатацию летом 1970 г. По объему выполненных работ, в ходе которых было перемещено 40 млн куб т грунта, эта плотина соответствует 17 пирамидам Хеопса.

«Семь чудес света» известны были в древности. «Восьмым чудом света» египетский народ назвал Асуанский гидроэнергетический комплекс. И не только из-за гигантских масштабов работ. Главное в том, что Асуан дает жизнь иссушенной солнцем земле пустыни, позволяя экономике страны сделать огромный шаг вперед.

Несмотря на размах строительства, которое продолжалось немногим более 10 лет, День начала работ в Асуане – 9 января 1960 г. – в дальнейшем стал ежегодно отмечаться в ОАР как национальный праздник – День индустриализации.

Если сооружение пирамид велось вручную, то на Асуанской стройке работали сотни всевозможных машин и механизмов: экскаваторы, краны, тракторы, автомобили, суровые станки, бульдозеры, насосы и т.д.

На строительстве Асуанской плотины в период наибольшего размаха работ трудилось до 40 тыс. египетских рабочих, 1880 советских специалистов. Около 300 предприятий СССР поставляли оборудование на берега Нила. За период сооружения комплекса было подготовлено с помощью друзей из Советского Союза около 20 тыс. квалифицированных рабочих и мастеров. Тысячи вчерашних феллахов овладели сложными современными профессиями.

15 января 1971 г. состоялось торжественное открытие Асуанского гидроэнергетического комплекса. В этих торжествах принял участие Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. В Асуан приехали также главы государств и правительств ряда арабских и африканских

стран. Это было большое и радостное событие для народов всего черного континента, знамение великих перемен на африканской земле.

В совместной «Декларации о завершении и вводе в действие Асуанского гидроэнергетического комплекса», подписанной 15 января 1971 г. руководителями СССР и ОАР в частности, отмечалось: «...Советский народ протянул руку дружбы египетскому народу и оказал братскую помощь без каких-либо политических или иных условий в осуществлении проекта Асуанского гидроэнергетического комплекса...»

В этот знаменательный для народа ОАР день обе стороны заявляют, что дружба и сотрудничество, сложившиеся между народами Советского Союза и Объединенной Арабской Республики, имеют глубокие корни и носят непреходящий характер. Они зиждутся на прочной основе общности борьбы за всеобщий мир, свободу народов и прогресса».

Высотная Асуанская плотина преобразила лицо Египта. Асуанская ГЭС способна вырабатывать 10 млрд квт-ч. На базе энергии гидроузла построено несколько предприятий – алюминиевый завод мощностью 100 тыс. т металла в год, заводы суперфосфата, ферросплавов; металлургический комбинат в Хелуане, также построенный с помощью СССР. Линии высоковольтных электропередач протянулись от Асуана через всю страну. Видная с плотины синяя гладь водохранилища «Наср», сливающаяся на горизонте с небосводом, очерчивает лишь небольшую часть второго в мире по величине искусственного пресноводного озера, протянувшегося на 500 км. Запасы воды озера позволят напоить влагой многие тысячи гектаров земли.

Ежегодная прибыль от эксплуатации Асуана составляет 235 млн ег. фунтов.

Ровно полвека спустя в апреле 2011 г. началось строительство Великой эфиопской плотины «Возрождение» в 15 км к югу от границы с Суданом. Главной целью ее создания

является получение электроэнергии для ликвидации ее дефицита в стране и экспорта в соседние государства. 20 июля 2020 г. состоялась сдача плотины в эксплуатацию. Согласно опубликованным данным, общая стоимость строительства составила 4,8 млрд долл. США. Основным собственником ГЭС является компания «Эфиопиан Электрик Пауэр».

Водоохранилище должно быть заполнено водами Голубого Нила. Высота плотины – 155 м, длина – 178 м. Высота гребня – 665 м. Объем наполнения – 10 200 000 м³. Тип водосливов – 6-секционные ворота. Мощность всего водослива – 14 799 м³/с.

ГЭС «Возрождение» общей мощностью 6,45 ГВт будет крупнейшей в Африке и седьмой по мощности в мире. После завершения строительства потребуются от 5 до 15 лет для заполнения водой водохранилища в зависимости от гидрологических условий и соглашений, достигнутых между Эфиопией, Суданом и Египтом.

31 марта 2011 г. на следующий день после опубликования проекта правительство Эфиопии выделило 4,8 млрд долл. на строительство ГЭС, а 2 апреля 2011 г. премьер-министр Эфиопии Мелес Зелава заложил памятный камень в фундамент плотины.

Египет, расположенный на 2500 км вниз по течению, всегда выступал против ГЭС «Возрождение», считая, что она сократит объем воды, поступающей из Нила в его распоряжение. Мелес Зелава, в свою очередь, полагает, что ГЭС не снизит объем воды вниз по течению, а будет регулировать ее объем для ирригации. Согласно параметрам Мирового банка дефицитом воды считается случай, когда в том или ином регионе мира на душу человека приходится меньше 1 тыс. м³ свежей воды в год. В Египте, по данным правительства этой страны, на душу населения приходится 550 м³ свежей воды в год.

В мае 2011 г. было объявлено, что Эфиопия будет согласовывать планы регулирования строительства ГЭС с Египтом, которые всегда могут быть проверены.

Рис. 1

Первоначально ГЭС называлась «Проект X», а после заключения контракта ее назвали «Плотина тысячелетия». 11 апреля 2011 г. Совет министров переименовал ГЭС в «Великую эфиопскую плотину «Возрождение».

Эфиопия имеет потенциал гидроэнергии в объеме порядка 459W (ГВт). Строительство ГЭС финансировалось за счет правительственных облигаций и частных вкладов.

Рис. 2

Создание ГЭС поддерживали такие страны, как Китай, Италия и в то время Судан, который обвинил Египет в разжигании конфликта вокруг плотины. Эфиопия отрицая, что плотина окажет негативное воздействие на страны, расположенные вниз по течению Голубого Нила, наоборот, утверждает, что произойдет увеличение потока течения воды в Египет за счет сокращения испарения на озере Насера. Египет же требует увеличить свою долю в объеме вод Нила с 66 до 90%. В октябре 2019 г. представители Египта заявили, что переговоры с Суданом и Эфиопией о создании ГЭС зашли в тупик. В ноябре 2019 г. госсекретарь США по финансам в администрации Трампа Стивен Мнучин начал прилагать усилия по смягчению условий переговоров между тремя странами.

Эфиопское правительство заявило, что оно намерено финансировать строительство ГЭС за свой счет, чтобы избежать ситуации, когда иностранные государства под давлением Египта отзовут свою обещанную поддержку. На этот случай эфиопское правительство выпустило облигации для граждан Эфиопии внутри страны и за рубежом. Турбины и необходимое электрооборудование общей стоимостью 1,8 млн долл. США финансировались за счет китайских банков. Остальные 3 млн долл. выделены эфиопским правительством по другим каналам.

Проект ГЭС менялся неоднократно между 2011 и 2017 гг. Изменения касались как энергетических параметров, так и параметров хранения. ГЭС включает в себя две плотины, которые имеют три водослива. Для их строительства было использовано 18 тыс. куб. бетона. Все три водослива рассчитаны на общий поток 38 500 куб. м/с. Вся вода поступает в Голубой Нил перед тем, как он достигнет территории Судана. Среднегодовой поток воды Голубого Нила, используемый для генерации энергии, ожидается в объеме 1547 куб. м. что может позволить генерировать 16153 ГВтч.

Турбины типа «Франсиз» внутри энергоблоков установлены вертикальным образом на высоте 7 м над уровнем

грунта. Первая стадия наполнения резервуара для передачи энергии была завершена 20 июля 2020 г.

Главной выгодой сооружения ГЭС является производство гидроэнергии как для городов, так и сельской местности. Она явится основой энергетической сети страны, особенно в сезон дождей, когда производимый излишек может экспортироваться в соседние страны. Кроме того, ежегодно в гидроохранилище могут вылавливаться до 7 тыс. т рыбы.

Постоянные противоречия из-за вод Нила с Египтом и Суданом, которые Эфиопия в прошлом неоднократно пыталась разрешить путем переговоров, на этот раз зашли слишком далеко и вызвали резкие заявления со всех сторон, в том числе со стороны США.

25.10.2020 г. эфиопский премьер-министр заявил, что его страна «не поддастся агрессии любого вида», в то время как чуть ранее тогдашний президент США Д. Трамп предположил, что Египет может разрушить плотину на Ниле.

Президент Д. Трамп сказал, что Египет не сможет жить с плотиной и может ее взорвать. Эфиопия считает, что США поддерживают Египет в споре о плотине. США заявили в сентябре 2020 г., что сократит помощь Эфиопии после того, как водохранилище плотины стало наполняться водой в июле. Министр иностранных дел Эфиопии потребовал от посла США прояснить позицию США.

Судан, расположенный выше по течению Нила, тоже обеспокоен нехваткой воды.

Президент Трамп говорил по телефону с премьер-министром Судана г-ном Абдаллой Хандоком и израильским премьер-министром Беньямиком Натаньяху, выступая перед корреспондентами в Белом доме. Поводом было установление дипломатических отношений между Суданом и Израилем.

Г-н Трамп и г-н Хандок выразили надежды на мирное решение между тремя странами. Но г-н Трамп также сказал: «Это очень опасная ситуация, потому что Египет не хочет идти этим путем». Он продолжил: «Я это сказал

и говорю это громко и ясно, что Египет может взорвать плотину или они сделают еще что-нибудь.

Аналитик по безопасности Рашид Абдел сказал, что размышления США о плотине ухудшили напряженность между Египтом и Эфиопией.

Эфиопия усилила меры безопасности вокруг плотины средствами ПВО.

Он сказал, что г-н Трамп неправильно истолковал позиции. Поэтому он предоставил Министерству финансов США играть ведущую роль в переговорах между тремя странами, под патронажем США, хотя внешняя политика вырабатывается государственным департаментом.

Мистер Мур – старший политический советник в Центре США по глобальному развитию сказал, что решение администрации Трампа встать на сторону Египта было неудивительным, поскольку это наиболее достойная цель – сближение между Израилем и Лигой арабских стран.

Поскольку Египет имеет давние дипломатические отношения с Израилем, администрация Трампа не была настроена против них, в то время как она нуждалась в помощи президента Египта в установлении отношений с Израилем, сказал г-н Мур. «Итак, администрация встала на сторону Египта в споре о плотине», – сказал он.

Поскольку Египет имеет давние дипломатические отношения с Израилем, что устраивало администрацию Трампа, США встали на сторону Египта в споре о плотине.

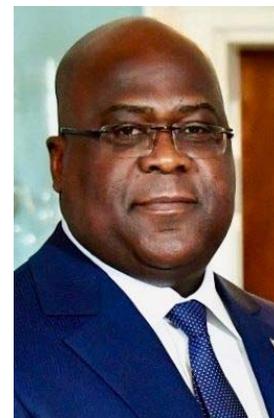
При этом Вашингтон пошел на снижение напряженности в отношении Судана, добиваясь решения Конгресса на исключение Судана из списка стран.

Вопрос о регулировании отношений с Израилем глубоко расколол суданское общество. Он стал дестабилизирующим фактором в то время, как правительство имело свои собственные выводы по вопросам безопасности.

Тем временем патронаж по тройственным переговорам от США перешел к Африканскому Союзу, который незадолго до

этого, 6 февраля 2011 г., возглавил Феликс Чисекеди – президент Демократической Республики Конго¹.

К моменту завершения данной статьи в середине февраля 2020 г. острота политической риторики между Эфиопией, Суданом и Египтом продолжала обостряться несмотря на то, что в США сменился президент. Но, по нашему мнению, дальше риторики дело все-таки не пойдет. Перейти грань от

Феликс Чисекеди

риторики к действиям, особенно боевым, было бы не в интересах ни одной из полемизирующих стран и противоречит их национальным интересам.

Всеми силами предотвратить разрастание конфликта из-за открытия ГЭС стремится и Африканский Союз. Поэтому считаем, что со временем острота риторики стихнет и экономическая жизнь по обоим берегам Нила постепенно вернется в обычное русло.

¹ Феликс Чисекеди в конце 2008 г. назначен Национальным секретарем СДСП по внешним связям. В ноябре 2011 г. получил место в Национальной ассамблее, представляющей город Мбужи-Майию Тем не менее не занял его, заявив, что «не может быть и речи о том, чтобы сидеть в учреждении, являющихся результатом фальсифицированных выборов». Его мандат вскоре признали недействительным за «абсентеизм». В мае 2013 г. отказался от должности докладчика в Независимой национальной избирательной комиссии (ННИК), сказав: «Я не хочу ставить свою политическую карьеру в скобки» (статья 17 ННИК исключает членство для тех, кто является членом политической организации). В октябре 2016 г. стал заместителем генерального секретаря СДСП. 31 марта 2018 г. избран руководителем СДСП после смерти своего отца, основателя партии Этьена Чисекеди 1 февраля 2017 г. В тот же день избран кандидатом в президенты от СДСП на всеобщих выборах, назначенных на декабрь 2018 г. На этих выборах одержал победу, набрав 38,57% голосов. Конституционный суд ДРК утвердил итоги президентских выборов, и 24 января 2019 г. Чисекеди официально вступил в должность президента (*Прим. авт.*).

Литература

1. Поспелов В.К. Асуан. Вымыслы и действительность. М., 1981. 136 с.
2. Гусаров В.И., Семин Н.С. Страны социализма – верные друзья арабских народов. М., 1971. 112 с.
3. Африка: энциклопедический справочник. М., 1987. Т. II. С. 672.
4. UN News, 19.05.2020/9.06.2020.
5. BBC NEWS. 31.07.2020. Nil dam row: Egypt fumes as Ethiopia celebrates.
6. Al Jazeera America 6.02.2014 Egypt and Ethiopia spar over the Nile.
7. Grand Ethiopian Renaissance Dam – Wikipedia 31.07.2020.
8. AFP New AU Chair Tshisekedi seeks end to Ethiopia dam dispute 08.02.2021.
9. Reuters Ethiopia warns Sudan. It is running out of patience over border dispute. 25.01.2021.

DOI: 10.22363/

*Vladimir I. Belov,
Ndongo N.J. Martial*

COLONIAL LEGACY OF ANGLOPHONE PROBLEM IN CAMEROON

Introduction

Observing African politics clearly shows that the continent is plagued by conflict. These conflicts range from political protests to wars that erupt inside and outside countries between countries sharing a common border. However, most of the conflicts that have occurred have been limited by national borders. A conflict that occurs within the borders of a country often has the peculiarity that one or more groups argue for reasons of natural wealth or region, unilaterally deciding to end their association with the government due to ideological or political differences. The controversial but enduring legacy of European colonialism left in Africa was national borders. The division of such a large continent into small sovereign states helped to create a unique identity among peoples who became powerful symbols of national pride and interest. At the same time, the random way of creating Nations caused irredentist urgings from groups on other groups, which could have been minimal had the colonialists taken greater care clustering groups into countries.

The last offensives and the Allies' Victory in 1918, Cameroon, which was ruled by Germany, was a distinct territory. After they had lost the first stage of the war altogether, France and Britain, through the League of Nations ruling timeframe, assumed the control of Cameroon after Germany [Schnee, 2013]. History has it that the French and British colonial reigns in Cameroon have boiled down to a persistent problem known as “the Anglophone Problem” which was deemed so vital for the decolonised

Cameroon that it required the institutionalisation of a stable national state. This problem rose in 1961 when, after colonialism, the multilingual political corps from both the French-speaking and English-speaking parts of Cameroon (Map 1) were unanimous on the idea of making a federal state [15]. Unfortunately for English-speaking Cameroonians, federalism failed to make a clear balance as regards their cultural legacy which they considered as their identity [15]. It was observed that the federalist state was a mere shift that consisted in embedding the English-speaking regions into a major and self-centred state. As time went by, this problem pricked the Anglophone consciousness over their “exclusion from society”, “exploitation” and “assimilation” by the government which high mainly made up of Francophones [9]. It is however important to have a glimpse of the origin of the Anglophone Problem in Cameroon.

1. The Remote Causes of the Anglophone problem

Historically, most secession struggles in Africa (Katanga in Congo, Biafra in Nigeria etc. as examples) have been linked to the presence of natural resources. The contested territory is endowed with a plethora of natural resources. It can be argued that presence of the natural resources remains a major driving force of those fighting for an independent Ambazonia [6]. The genesis of the English-speaking group as a minority stemmed from the defeat of Germany in Cameroon [25] which resulted in the Anglo-French union. Facts have it that Cameroon Republic, otherwise known as the former French Cameroon UN Trust Territory that got independent on January 1, 1960, is a compelled territory of the British Southern Cameroons which was known as the UN Trust Territory controlled by the British administration. Also, there is an inexistence international treaty which extends the borders of independent French Cameroon. From the day this part of the country got its independence up till now, no treaty has ever reshaped the frontiers to include Southern Cameroons. Four-fifths

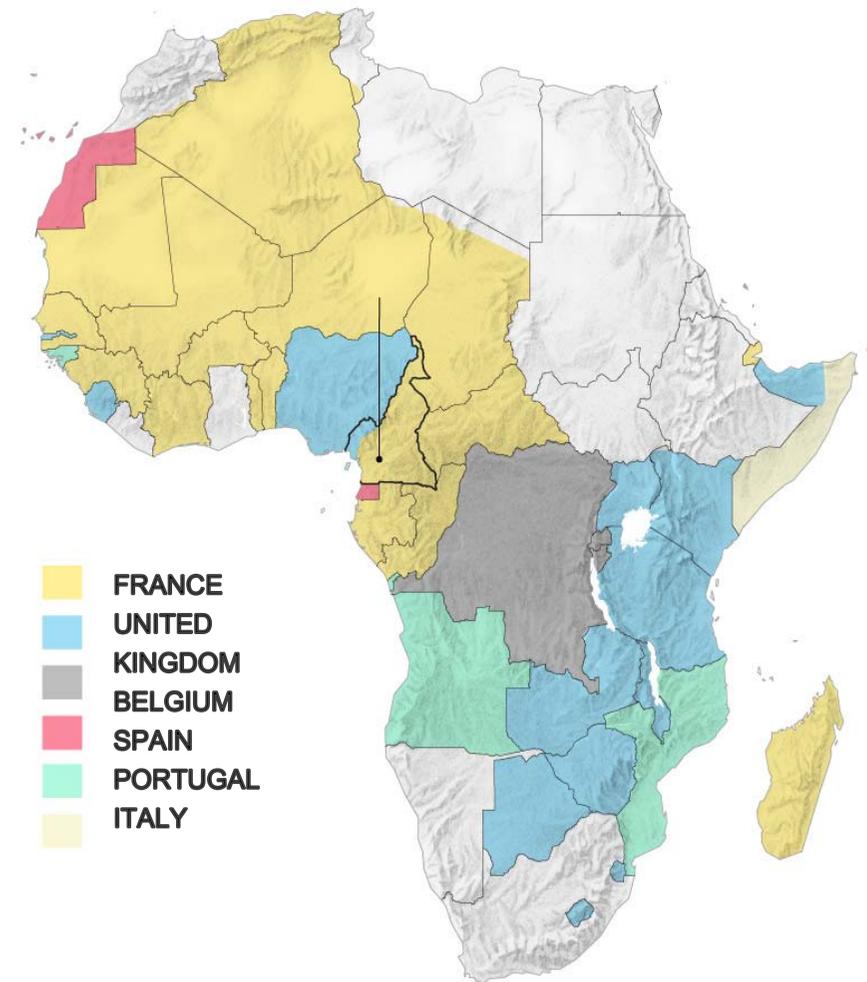

Fig. 1. European colonization of Africa in 1957. **Cameroon**

Note: 2019 political boundaries shown
Source: [29].

of the territory and two western parts were shares of France and the United Kingdom respectively. These shares represent French and British Cameroon respectively. The special status of the territories under mandate prescribes that Paris and London be controlled by the League of Nations and report once a year to the permanent Mandate Commissions to see to it that they fulfil the missions they were entrusted. One of these missions was to ensure the well-being [28] and development of native populations.

As regards some remote causes of the Southwest and Northwest problem in Cameroon, a flashback on colonial events shows that the various colonial masters in Cameroon were the instigators. As the World War I went on, France and Britain took hold of deprived Germany of the Cameroonian territory and they settled in the northern and southern regions, respectively. For the whole Trusteeship population, it looked unacceptable that the Administrating Authority keep treating the population of the British Trust Territory as entity and the movement of unification as an unapproved minute movement. It was also unacceptable that the administrating authority keep on preserving the status quo in the borders [4]. Moreover, the decolonisation process was observed throughout the African continent after the World War II. In Cameroon, decolonisation resulted with France retracting from northern Cameroon and granting her independence on January 1, 1960 whereas the British northern and Southern territories were either to be attached to Nigeria or to Cameroons, hence the plebiscite of February 11, 1961 [2].

After the first plebiscite of 1959 in the British Cameroons, there was a vote over the separation from Nigeria and the postponement to a later date of a decision related to the future of the territory. Ahidjo felt he could be victorious over the annexation plan and put forth some hope that did not live long. On 11–12 February 1961, the Northern Cameroons went for a second plebiscite aiming at joining Nigeria “as an integral part of the Northern Province of that Cameroon. the Southern Cameroons rather voted “to achieve independence by joining” Cameroun

Republic based on the earlier agreements of the federal status of two states all equal in status. It is therefore not surprising that the Anglophone takes into account not only the historical and linguistic compositions of Cameroon, but also deceptive speeches.

1.1. Foumban Conference: The source of deceptive speeches

The Anglophone problem, undoubtedly, draws its main source from the Foumban Conference (1961). This conference constituted a significant event in the union Anglophones name “a fool marriage”. This name was coined because, according to the Anglophone community, the Foumban Conference was a trap set by Ahidjo. So, all things were to start afresh so as to ensure respect of balance forces [22].

The clauses that were unanimously signed at Foumban on July 21, 1961 favoured the foundation of a separate and strict management of the two federated states. A good number of historians doubt the consensual nature of the constitution that resulted from the Foumban Conference. First and foremost, Pierre Messmer, a high commissioner of the French Republic of Cameroon, opined that president Ahidjo had a powerful position then because he had been drafting his constitution for months with the aid of French lawyers. According to [7], there was a failure in the implementation of the United Nations General Assembly Resolution 1608 of April 21, 1961 and this also boiled down to the conclusion that there was no debate over the federal constitution by the two different parliaments and, of course, no signing of law by their respective elect leaders. In other terms, neither John Ngu Foncha (representative of the Southern Cameroons) nor A. Ahidjo (representative of La Republique du Cameroon) has signed any act for the formation of the Federal United Republic of Cameroon. besides, Nfor cited some Anglophone personalities such as John N. Foncha, S. T. Muna, E. T. Egbe, to name a few, who clearly state that there is no legal document that compels the Southern Cameroons to be bound to La Republique. Self-determination

struggle in the Anglophone territories of Cameroon is a proof that the process of having the southern Cameroon decolonised was not effective. The inexistence of a treaty bearing proof of the union between the Southern Cameroons and the Republic of Cameroon is a sign that the UN and the British administering authorities did not succeed in preparing the English-speaking territories for definite independence. Thus, the boomerang effect of this incomplete process for the preparation of independence plunged the whole territory into the on-going war between Anglophone separatists and the soldiers of Cameroon.

1.2. Lack of Democracy as a Prelude to the Cameroon Spring?

Since October 2016, Cameroon has been going through a political crisis. The issue of oil has become one of the most pressing in all countries. Its significance is such that even the strongest political alliances in the world are subject to it. Thus, oil is probably the most obvious influence on the propensity to conflict [17]. A new active phase of the crisis began in the spring of 2016 with demonstrations by lawyers, students and English teachers after a three-month disconnection of the Internet. At the initial stage of the protests, tactics of civil disobedience were used and attempts were made to rely on diplomatic support. In September 2017, the Ambazonia Defense Forces was formed and declared war on the Cameroonian authorities.

Researchers name among the main reasons for the crisis “a historical sense of marginalization” in the English-speaking regions of the country. The reason for this was the policy pursued by the country’s leader P. Biya (Prime Minister in 1975–1982, President of Cameroon since 1982), the author of the concept of “communal liberalism” (*libéralisme communautaire*), which in fact did not take into account the factor of the English-speaking population of Cameroon, deciding issues of governance, education and order, in fact ignoring the Constitution of the country, in which equal rights are guaranteed to English-speaking and French-

speaking. As a result, instead of the first appreciated federation of two states (1960), the country has two English-speaking administrative regions out of ten. Over the decades, a certain tradition of the center’s attitude to the problem of Anglophony and the requirements put forward by various forces from the Anglophone regions has developed. The existing practice of hushing up the problem, indiscriminate accusations of separatism, threats of reprisals aggravate intercommunal tensions, forces the protesters to appeal to the principles of democracy and act by methods of protecting their democratic rights (holding demonstrations, etc.). Since 2017, clashes have erupted in the southwestern and northwestern regions of Cameroon, home to an English-speaking minority, triggered by gangs from Nigeria. More than 1,500 people were killed.

2. Regional responses

The geographical position of the English-speaking Cameroonian regions plays a crucial role in the evolution of the current crisis and constitutes part of Cameroon’s land and maritime frontiers. In addition to the historical perspective, this aspiration is equally driven by the availability of natural resources, strategic geographical location, and a reasonable population, which can guarantee the status and survival of an independent nation [19]. Meanwhile, the government of Cameroon, on the other hand, continues to strongly defend the country’s territorial integrity. On the Nigerian border and including the Bakassi peninsula, the two English-speaking regions are in a position to cower and terrorise not only Cameroon but also Nigeria and many other countries. As the tone of the policies becomes dramatic [24], the chance of a peaceful exit from the crisis has been receding since the summer of 2018, not only affecting Cameroon. Nigeria and the Cross-River [23] in particular are hit hard by the two-level anglophone crisis. First of all, Nigeria sees the insecurity of its territories in the East growing: the increase in the trafficking of arms and mercenaries as

well as the arrival since 2016 of more than 20,000 Cameroonian refugees on its territory are the main causes, but Nigeria is also affected and observes the English-speaking struggle through the prism of its own experience. The English-speaking protest is reminiscent of the Biafra war, which took place in neighboring areas of Ambazonia. In addition to weakening an area of community tensions, the anglophone crisis could disrupt relations between Nigeria and Cameroon. Although the two countries seem to cooperate on several levels [27] and their relations remain intact despite the instability on the edge of their common border, it is likely that the English-speaking crisis Awakens the old demons of the Bakassi peninsula. For the stability of the area as well as for its inhabitants, a clarification of the legal regime was needed to prevent certain rebel groups, Nigerian or Cameroonian, from taking advantage of the situation to continue their oil and arms trafficking. In July 2019, the pledge that Nigeria made during a security meeting was reassuring for the Cameroonian authorities because the pledge condemned the training of separatist soldiers on the Nigerian land and the transport of their weapons through Nigeria.

Chad contributed to alleviate this crisis by agreeing to avail her soldiers in order to fight separatists on the Anglophone land. A report of 2018 [1] had it that Chadian soldiers had effectively been in the war front in the Anglophone provinces for a couple of weeks, but this claim was backed up by no tangible evidence. In March 2019, the Head of State of Chad asked for the help of other African countries in putting an end to the crisis. It was while he was presiding over the 14th summit of African heads of states and the governments of the CEMAC sub-region in Ndjamená that I. Deby addressed his collaborators on the need to find solutions to the war that had been entangling the Cameroonian nation for about three years then. He highlighted that stability in Cameroon is an asset to the sub-region, so it will be profitable to all of them if peace gains back the Anglophone regions of Cameroon [13].

3. The Western powers to African Response

The current Anglophone war in Cameroon has not left nations in the world indifferent even though no international coordinated retort has been made. A good number of nations and international organisations have made pronouncements calling for dialogue, respect of human rights and the national integrity of Cameroon. Some of these countries and organisations were the United States, the United Nations Centre for Human Rights and Democracy in Central Africa, and the African Union commission. Recently, the secretary general of the UN stressed the importance of dialogue and he offered some mediation.

Organisations centred on human rights related issues as well as Amnesty International and the African Bar Association, have not approved government actions. Despite the numerous messages that filled twitter to draw the attention of the international community on the ongoing acts of violence in Cameroon, the UN and the United Kingdom have offered a lethargic response after a period of quietness of about six months. On May 30, 2018, the UN announced a humanitarian crisis in Southern Cameroons and ignited aids [3]. By this announcement, the UN promised to guarantee the safety of civilians in Southern Cameroons by intervening between both fighting territories. Also, the UN advocated objective investigations of existing human rights violations in Southern Cameroons. Both fighting parties were blamed by the UN on November 20, 2018: separatists for abducting, attacking schools and killing policemen, and the government for making extrajudicial capital punishments [12].

The UK flashed back to the historical link she has with Cameroon and appreciated the latter for making room for refugees from the sub-regions. The Ambazonian leadership firmly believes that UK, as a former colonial power, retains responsibility for what happens to its former subjects. In this way, they hoped that Britain would complete the process of decolonizing its former territory of British southern Cameroon, promoting the recognition of

Ambazonia's independence. But then the "successive British governments have resisted this point of view" [8, p. 13].

Being a great geoeconomic and geopolitical asset for a number of nations, Cameroon is strengthening her relations with powerfully emerging nations such as Russia. The strengthening of the relation between Cameroon and Russia stems from a tradition primarily based on historical legitimacy, which Russia put in place for her aid in the independence battles of many African territories, and from the support for non-democracy, interference and neutrality as founding principles of the partnership with Africa. In 2001, Igor Ivanov, the Russian Foreign Minister declared, "*our country has played a leading role in the decolonization of Africa and has helped several countries in their struggles for independence. African leaders today remember this very well*" [14]. In March 2018, part of Sergei Lavrov's view, culled from an interview he had on the side lines of his African tour, said, "Russia actively contributed to the independence of African countries and the development and strengthening of their states" [21].

Conclusion

Cameroon has been in a deepening secession crisis for more than three years, due to the challenge of unilateralism in the epoch of globalisation. The militants in its English-speaking regions try to break away from the country's French-speaking majority and create their own Ambazonia state. After the reunification, Cameroon has been a country fraught with sporadic identity quests aiming at protecting the two-fold cultural legacy of the nation. Moreover, Cameroon's ability to pull itself together depends on the government's willingness to sit down with the right negotiators on both sides, take into account the deep historical roots of English-language grievances, and seriously address English-language proposals to end the crisis. So far, the Cameroonian state has focused on restoring the pre-conflict status quo with minimal concessions on issues central to the unrest: language policy,

education, legal reform and Anglophone representation in government. However, the escalation of violence in English-speaking areas of Cameroon has revealed several non-state armed separatist groups. These separatist groups are determined to completely separate the North-Western and South-Western regions of Cameroon from the rest of the country and form their own state, called "Ambazonia". They supported their claims by relying on the logistical and ideological support of Cameroonians from the Diaspora, who played and continue to play an influential role in the emergence, escalation and maintenance of the current English-speaking regime crisis. It can therefore be argued that despite the deterioration of the crisis, Cameroon remains a chessboard on which the great powers continued to manifest their interest through bilateral and multilateral cooperation.

References

1. All Africa. Cameroon: Chad Deploys Military to Southern Cameroons as Crisis Persists. 2018. URL: <https://allafrica.com/stories/201802050551.html> (accessed: 19.04.2021).
2. Awasom N.F. Negotiating federalism: How ready were Cameroonian leaders before the February 1961 United Nations plebiscites? // Canadian Journal of African Studies/Revue canadienne des études africaines. 2002. T. 36. № 3. P. 425–459.
3. Bareta News. United Nation Declares Humanitarian Crisis // "Anglophone Cameroon" 2018. URL: <https://www.bareta.news/united-nation-declares-humanitarian-crisis-anglophone-cameroon/> (accessed: 10.04.2021).
4. Confidential Memorandum from the British Consul General in Brazzaville, French Equatorial Africa, 24 January 1952, Foreign Office file No. F.O. 371/10/390 TNA-PRO.
5. Europa. EU Maritime Security Factsheet: The Gulf of Guinea. 2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/52490/EU%20Maritime%20Security%20Factsheet:%20The%20Gulf%20of%20Guinea (accessed: 28.03.2021).

6. Ekah R.E. The Anglophone Crisis in Cameroon: A Geopolitical Analysis // Available at SSRN 3529815. 2020. URL: <https://doi.org/10.19044/esj.2019.v15n35p141> (accessed: 28.03.2021).

7. Nfor N.N. UN resolution 1608 and the struggle for the restoration of British Southern Cameroons statehood. 2013. URL: <http://www.scncforsoutherncameroons.net/new/index.php/component/k2/item/35-un-resolution-1608-and-the-struggle-for-the-restoration-ofbritish-southern-cameroons-statehood>

8. Lunn J., Brooke-Holland L. The Anglophone Cameroon crisis: April 2019 update // Briefing Paper. 2019. № 8331. P. 13.

9. International Crisis Group Report n°250 / Africa. Cameroon's Anglophone Crisis at the Crossroads. 2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/cameroon/250-cameroons-anglophone-crisis-crossroads> (accessed: 30.03.2021).

10. International Crisis Group Report n°272 / Africa. Crise anglophone au Cameroun: comment arriver aux pourparlers. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/central-africa/cameroon/272-crise-anglophone-au-cameroun-comment-arriver-aux-pourparlers> (accessed: 30.04.2021).

11. Journal du Cameroun. Cameroon: Nigerian state donates land, money to Anglophone refugees. 2020. URL: <https://www.journalducameroun.com/en/cameroon-nigerian-state-donates-land-money-to-anglophone-refugees/> (accessed: 30.03.2021)

12. Journal du Cameroun. 2018. URL: UN condemns mass killings, kidnappings in crisis stricken Cameroon (accessed: 30.01.2021).

13. Journal du Cameroun B. Cameroon: Chadian President calls for return of normalcy in Anglophone regions. 2019. URL: <https://www.journalducameroun.com/en/cameroonchadian-president-calls-for-return-of-normalcy-in-anglophone-regions/> (accessed: 25.04.2021).

14. Giles Keir. Russian Interests in Sub-Saharan Africa. Strategic Studies Institute and US Army War College Press, 2013.

15. Konings P.J.J. The Anglophone struggle for federalism in Cameroon // Federalism and decentralization in Africa: The multicultural challenge, 1999.

16. Konings P. The “anglophone problem” and chieftancy in anglophone Cameroon // African Chieftancy in a New Socio-political Landscape, LIT Verlag, Hamburg, 1999. P. 181–206.

17. Kurecic P. Geoeconomic and geopolitical conflicts: Outcomes of the geopolitical economy in a contemporary world // World Review of Political Economy. 2015. T. 6. №. 4. C. 522–543.

18. Land And Maritime Boundary Between Cameroon And Nigeria Cameroon V. Nigeria: Equatorial Guinea Intervening (Merits). URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/94/13803.pdf> (accessed: 30.03.2021).

19. Lohkoko E. Cameroon: A Conflict Profile // Conflict Studies Quarterly. 2012. V. 1. P. 3–23.

20. Ekah R.E. The Anglophone Crisis in Cameroon: A Geopolitical Analysis // Available at SSRN 35298152020.

21. MID.RU. Foreign Minister Sergey Lavrov's interview. 2018 // URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/za/-/asset_publisher/mNKyBR4ugevQ/content/id/3106421 (accessed: 30.04.2021).

22. Ngoh Victor Julius. History of Cameroon since 1800. Presbook, 1996.

23. Nwabueze Benjamin Obi. A constitutional history of Nigeria. Addison-Wesley Longman Limited, 1982.

24. RFI. Crise au Cameroun anglophone: le Nigeria sécurise sa frontière. 2018. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20181025-crise-cameroun-anglophone-nigeria-securise-frontiere-sourire-crocodile> (accessed: 30.04.2021)

25. Schapper U., Kirmse S. Entanglements and Interactions Within a Plural Legal Order: The Case of the German Colony of Cameroon, 1884–1916 // One Law for All. 2012. P. 243–64.

26. Schnee Heinrich. German Colonization Past and Future. The Truth About The German Colonies. Read Books Ltd, 2013.

27. The Guardian Cameroon anglophone separatist leader handed life sentence. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/aug/20/cameroon-anglophone-separatist-leader-ayuk-tabe-handed-life-sentence> (accessed: 30.04.2021).

28. Thomas Bat J.P. Thomas Deltombe, Manuel Domergue et Jacob Tatsitsa, Kamerun! Une guerre cachée aux origines de la Françafrique (1948–1971) // Afrique contemporaine. 2011. № 1. P. 149–152.

29. CIA map via Library of Congress. 1957.

М.Р. Авдалян

КАК ПРОШЛИ ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В УГАНДЕ В 2021 ГОДУ

«Самый большой политический парадокс нашего времени состоит в том, что выборы проходят чаще, чем когда-либо прежде, однако мир становится все менее демократичным [2]», – так начинается книга профессора, исследующего вопросы демократии в Университете Бирмингема, Ника Чизмана и Брайана Клааса, доцента кафедры глобальной политики Университетского колледжа Лондона. И с этим высказыванием сложно не согласиться.

То, что произошло в Уганде в январе 2021 г., лишь формально можно назвать выборами. Де-факто это было «мероприятие избирательного типа», при котором политические действия мало соотносятся с желаниями граждан и имеют своей целью попытку узаконить свой статус-кво.

На выборы в 2021 г. в Уганде баллотировалось 11 кандидатов, среди которых можно отметить даже одну женщину, Нэнси Калембе [3]. Чтобы избежать второго тура выборов, кандидату необходимо набрать 50 % плюс 1 голос. Среди всех кандидатов особенно выделялись два претендента, а именно Йовери Кагута Мусевени и главный оппозиционер Роберт Киагуланьи Ссентаму.

Генерал Йовери Мусевени – один из старожилов на посту президента в Африке. Впервые он пришел к власти в Уганде в 1986 г., свергнув правительство авторитарного режима Милтона Оботе. В 2005 г. были внесены поправки в Конституцию Уганды, в которых было отменено ограничение на пребывание на посту президента в два срока. А в 2017 г. Й. Мусевени подписал закон, отменяющий возрастной ценз для кандидатов на пост президента в 75 лет. Эти изменения

позволили баллотироваться ему на свой шестой срок. Хотя Й. Мусевени проводил довольно успешную политику в некоторых областях, благодаря чему заручился поддержкой большей части населения, особенно в сельской местности, он сталкивается с сопротивлением, в особенности со стороны молодежи, из-за растущего в Уганде неравенства и слишком долгого пребывания у власти, сопряженного с жестким контролем над страной.

Роберт Киагуланьи Ссентаму, известный под сценическим псевдонимом Боби Вайн, обрел популярность еще в 2000-х гг. в качестве музыканта. В 2017 г. он пришел в политику, заняв место в угандийском парламенте. Еще до того, как он баллотировался на выборы в 2021 г., Боби Вайн подвергался нападкам со стороны действующих властей как один из самых ярких оппозиционных членов парламента. Именно он является олицетворением борьбы с 35-летним правлением Йовери Мусевени. Боби Вайну удалось мобилизовать молодежь Уганды, которая ранее не была активно вовлечена в политику, посредством своего музыкального творчества. «Нынешнее поколение жаждет перемен, и я здесь, чтобы их осуществить [4]», – заявлял он *The Africa Report*.

Кандидаты от оппозиции заранее находятся в невыгодном положении. Под контролем Й. Мусевени полностью находятся полиция, армия и избирательная комиссия. Помимо прочего кандидатам от оппозиции, в отличие от кандидатов от правящей партии, зачастую отказывают в доступе к СМИ во время предвыборных кампаний. В этом году, например, не повезло Патрику Амуриату: несколько радиостанций отказались проводить с ним ток-шоу, при этом ведущие оправдывались запугиваниями со стороны правительства [5].

Согласно расследованию *Human Rights Watch*, еще с момента начала избирательной кампании в ноябре 2020 г. силы безопасности преследовали членов оппозиции и журналистов, многие были неоднократно арестованы, в том числе и сами кандидаты в президенты, а именно Патрик Амуриат и Роберт

Киагуланьи [6]. Арест Боби Вайна вызвал оживленный протест со стороны граждан, в ходе которого погибло по меньшей мере 54 человека [7].

При этом Европейский Союз, также в ноябре 2020 г., заявил, что не направит миссию наблюдателей за президентскими выборами в Уганде, поскольку ни одна из их рекомендаций, направленных на повышение независимости избирательных органов, устранение чрезмерного применения силы, а также повышение прозрачности подсчета голосов не были выполнены [8]. США также отменили наблюдение за данными выборами, но уже по причине того, что большинство их запросов на аккредитацию просто-напросто было отклонено [9]. Местные же наблюдатели, должно быть, находились в тяжелом положении, поскольку были слишком напуганы столь жестким контролем со стороны государственного аппарата.

В одной из передач Кристиан Аманпур, главная международная ведущая CNN, сообщила Й. Мусевени, что Боби Вайн выступил с предложением, чтобы Международный Уголовный Суд провел расследование на предмет нарушений прав человека. Было составлено резюме, длиной в 41 страницу, где сообщалось, что полиция и военные широко применяли стрельбу на поражение, избивание и другие виды насилия. На ее вопрос, даст ли генерал Мусевени согласие на такое расследование, президент Уганды ответил: «Разумеется!.. нам нечего скрывать, ...и нам не нужны лекции от кого бы то ни было, потому что мы знаем, что делаем» [10].

В преддверии самих выборов, которые должны были состояться 14 января, силы безопасности Уганды усилили свое присутствие в Кампале. Полиция и солдаты использовали бронетранспортеры для патрулирования нескольких районов. Подобные операции, по словам официальных властей, были направлены на предотвращение насилия [11].

Й. Мусевени решительно настроен сохранить свою власть, поэтому не пренебрегает использованием скрытых

действий со стороны правоохранительных органов, угроз гражданским деятелям и СМИ, а также применением силы со стороны полиции и вооруженных сил по отношению к инакомыслящим.

Поскольку противостояние действующего президента Й. Мусевени и Боби Вайна активно обсуждалось в СМИ и социальных сетях, правительство Уганды заблокировало доступ сначала к социальным сетям и мессенджерам, а затем и полностью ограничило выход в Интернет.

13 января Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе ассоциаций написал в своем официальном аккаунте Твиттер: «Я получаю тревожные сообщения об отключении Интернета и блокировке доступа к социальным сетям в преддверии завтрашних всеобщих выборов в Уганде. Доступ к информационно-коммуникационным средствам имеет решающее значение для честных, прозрачных и мирных выборов» [12]. Группа интернет-мониторинга NetBlocks 13 января подтвердила, что «данные сети в режиме реального времени показывают спад общенациональной связи на 33 % от обычного уровня» [13], а 14 января, в день голосования, дополнила информацию, сообщив, что «общенациональная связь составляет лишь 18% от обычного уровня» [14].

Ввиду отключения Интернета многие избирательные участки были вынуждены обрабатывать всю информацию вручную (внесение голосов, их подсчет и т.д.), поскольку биометрические машины не могли зарегистрировать бюллетени.

Однако такие меры внесли изменения не только непосредственно в процесс голосования, но и в жизнь обычных граждан, особенно владельцев бизнеса в Уганде, которые осуществляют свою работу через приложения для мобильных устройств, в которых клиенты заказывают товары для доставки, а также оплачивают их. Подобный шаг также лишил граждан возможности оплачивать свои счета, совершать денежные переводы и перемещаться на такси. По подсчетам

NetBlocks пятнадцатидневное отключение интернета обошлось экономике Уганды примерно в 9 млн долл. США [15].

В день голосования, 14 января, контроль и наблюдение за лидером оппозиции продолжались. В своем официальном аккаунте в Твиттере Боби Вайн сообщил, что его телефон и телефон его жены были заблокированы, и он не может общаться со своими агентами и координаторами [16]. В тот же день он сообщил репортерам: «Наши агенты, координаторы и ассистенты на избирательных участках находятся в бегах, потому что их, словно преступников, окружают и преследуют полиция и военные» [17].

На следующий день появились слухи, что около дома Боби Вайна находятся военные подразделения, но атак замечено не было. Однако позднее в тот же день обнаружилось, что военные вторглись в дом оппозиционера, и как минимум один сотрудник подвергся нападению и был арестован. Дом оказался окружен военными и находился в осаде [18]. С тех пор Боби Вайн и его семья находились под домашним арестом 11 дней. Только 25 января вышло постановление Высшего суда Кампалы, по которому данное задержание признавалось незаконным и представляло собой «посягательство на личные свободы» [19].

По финальным результатам выборов победу одержал Й. Мусевени, получив 58,38 % голосов, а Роберт Киагуланьи занял второе место с 35,08 % голосов. Общая явка избирателей составила 59,35 % [20]. Таким образом, давний лидер Уганды был вновь переизбран на свой шестой срок в результате голосования, который его главный соперник и международное сообщество сочли сфальсифицированными.

Председатель Избирательной комиссии заявил, что голосование было мирным, и призвал Боби Вайна обнародовать доказательства его обвинений в фальсификации [21]. Сейчас Боби Вайн делает все возможное, чтобы оспорить результаты голосования. Один из представителей от партии Роберта Киагуланьи сообщил, что, «хотя мы знаем, что судьи назначаются

Мусевени и они всегда выносили решения в его пользу, мы сможем использовать [суд] как платформу для разоблачения фальсификации этих выборов... У нас есть неопровержимые доказательства [фальсификации результатов голосования], чтобы суд мог обосновать свой вердикт» [22].

Выборы, прошедшие в Уганде в 2021 г., – первые из запланированных на этот год президентских выборов в Африке. Следить за этим событием было важно, поскольку оно может задать общий тренд на криминализацию оппозиции и нарушение прав человека со стороны действующих властей по всему региону.

Литература

1. По названию популярного в период выборов в Уганде хэштега (#WeAreRemovingADictator) в социальных сетях.

2. Cheeseman N., Klaas B. P. How to rig an election. Yale University Press, 2018.

3. Uchaguzi – веб-приложение, предназначенное для облегчения доступа к информации о предстоящих всеобщих выборах в Уганде в 2021 году. Эта платформа гражданского просвещения является проектом Министерства ИКТ в сотрудничестве с Избирательной комиссией Уганды. URL: <https://www.uchaguzi.go.ug/candidates/for-president> (дата обращения: 12.01.2021).

4. Evelyn Lirri. Uganda: “This generation is yearning for change and I am here to deliver it” – Bobi Wine // The Africa Report. – 12.01.2021. URL: <https://www.theafricareport.com/57607/uganda-this-generation-is-yearning-for-change-and-i-am-here-to-deliver-it-bobi-wine/> (Дата обращения: 13.01.2021).

5. Soroti radios deny Amuriat access, cite gov't intimidation. // The Observer. – 13.11.2020 URL: <https://observer.ug/news/headlines/67366-soroti-radios-deny-amuriat-access-cting-gov-t-intimidation> (дата доступа: 14.01.2021).

6. Human Rights Watch. Uganda: Elections Marred by Violence URL: <https://www.hrw.org/news/2021/01/21/uganda-elections-marred-violence> (дата обращения: 23.01.2021); NTVUganda. Presidential campaigns: FDC's Patrick Amuriat arrested in Mpigi. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=gOyL2GW6H4s> (дата обращения: 23.01.2021); WION. Uganda opposition candidate Bobi Wine arrested, police fire tear gas at protesters // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WsXKVckq3sg> (дата обращения: 23.01.2021).

7. Uganda: Stop killings and human rights violations ahead of election day // Amnesty International. – 14.01.2020 URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/12/uganda-stop-killings-and-human-rights-violations-ahead-of-election-day/> (дата обращения: 17.01.2021).

8. Elias Biryabarema. EU says won't monitor Uganda elections, limiting poll's international scrutiny // Reuters. – 16.11.2020 URL: <https://www.reuters.com/article/us-uganda-politics-idUSKBN27W1H1> (дата обращения: 15.01.2021).

9. U.S. cancels its observation of Uganda's presidential election // Reuters. – 13.01.2021 URL: <https://www.reuters.com/article/us-uganda-election/u-s-cancels-its-observation-of-ugandas-presidential-election-idUSKBN29I1C0> (дата обращения: 15.01.2021).

10. Официальный аккаунт телеведущей Кристиан Аманпур в Твиттер. URL: <https://twitter.com/camanpour/status/1349080404897230850?s=12> (дата обращения: 14.01.2021).

11. Fred Ojambo. Ugandan Authorities Step Up Security Ahead of Fraught Elections. // Bloomberg. – 13.01.2021 URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-13/ugandan-authorities-step-up-security-ahead-of-fraught-elections> (дата обращения: 17.01.2021).

12. Официальный аккаунт Клемента Вуле в Твиттер URL: <https://twitter.com/cvoule/status/1349308270058614784> (дата обращения: 13.01.2021).

13. Официальный аккаунт NetBlocks в Твиттер URL: <https://twitter.com/netblocks/status/1349401343765721091> (дата обращения: 15.01.2021).

14. Официальный аккаунт NetBlocks в Твиттер URL: <https://twitter.com/netblocks/status/1349463264464412673> (дата обращения: 15.01.2021).

15. The NetBlocks Cost of Shutdown Tool URL: <https://netblocks.org/cost/> (дата обращения: 19.01.2021).

16. Официальный аккаунт в Твиттер. URL: <https://twitter.com/HEBobiwine/status/1349740734333612036> (дата обращения: 15.01.2021).

17. Rodney Muhumuza. The world is watching: Ugandans vote in tense election // AP News. – 14.01.2021. URL: <https://apnews.com/article/bobi-wine-yoweri-museveni-east-africa-kampala-elections-1183009d3fec4232f36b8cf9bd9dd589> (дата обращения: 15.01.2021).

18. Brent Swails, Stephanie Busari, Emmet Lyons. Ugandan presidential candidate Bobi Wine says his home is “under siege” // CNN. – 15.01.2021 URL: https://edition.cnn.com/2021/01/15/africa/bobi-wine-home-siege-intl/index.html?utm_source=fbCNNi&utm_campaign=africa&utm_medium=social (дата обращения: 16.01.2021).

19. Uganda ordered to end Bobi Wine's house arrest // BBC News. – 25.01.2021 URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55756838> (дата обращения: 26.01.2021).

20. Избирательная Комиссия Республики Уганда. URL: <https://www.ec.or.ug/news/publishing-final-results-presidential-elections-2021> (дата обращения: 03.02.2021).

21. Uganda: Veteran leader Yoweri Museveni declared election winner // BBC News. – 17.01.2021 (дата обращения: 18.01.2021).

22. Samuel Okitor. Uganda opposition leader Bobi Wine calls on court to nullify election result // The Guardian. – 01.02.2021 (дата обращения: 03.02.2021).

Е.В. Лобашова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИГЕРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Нигерия – самая густонаселенная страна Африки, с крупнейшей экономикой континента и один из ведущих производителей нефти в мире. Согласно Отделу народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН, на 20 марта 2021 г. население Нигерии составляет 210 185 968 человек (7-е место в мире) [8], и, согласно Управлению энергетической информации (США), на данный момент Нигерия занимает 11-е место в мире по добыче нефти (1948 баррелей ежедневно) [9]. К 2050 г. Нигерия будет готова стать третьей по численности населения стран в мире (410 млн человек).

Нигерия также богата различными природными ресурсами (кроме нефти на территории государства имеются природный горючий газ, каменный уголь, руды железа, олова, ниобия, тантала, природные строительные материалы, также месторождения и проявления руд вольфрама, молибдена, свинца, цинка, меди, золота, урана, марганца, бурого угля, химического и индустриального сырья) [10] и имеет выгодное географическое положение, находясь у выхода к открытому океану. Страна играет важную политическую и экономическую роль в Африке и оказывает значительное влияние в таких региональных организациях, как Африканский союз или Экономическое Сообщество Западноафриканских Государств (ЭКОВАС).

Финансовый центр страны, Лагос, входит в число крупнейших городов мира с ежегодным экономическим объемом производства, превышающим аналогичные показатели многих других африканских стран. Немногие государства в

Африке могут продемонстрировать столь сильное и политическое, и экономическое влияние на континенте.

При стечении вышеупомянутых факторов Нигерия, после обретения независимости в 1960 г., начала стремиться к позиции лидера на континенте, и ее политический курс исторически стал направленным на увеличение своего внешнеполитического веса не только в регионе, но и на международной арене. Основными направлениями данного курса стали:

- политическое взаимодействие с африканскими странами и вклад в решение военно-политических проблем внутри континента;
- политические отношения со странами Европы, США и Китаем;
- позиции по ключевым вопросам международной повестки дня, особенно по проблемам терроризма, миграции и защиты окружающей среды;
- борьба за лидерство на континенте, политические отношения с ЮАР [1].

Африка всегда оставалась главным вектором во внешней политике Нигерии ещё со времен обретения независимости. Первым направлением внешнеполитической деятельности данного государства являются отношения с африканскими странами, особенно западноафриканскими. Исторически сложилось, что Нигер, Бенин, Чад, Камерун и Нигерия связаны и культурой, и традициями, и даже родственными племенами, а язык «хауса» (язык одноименного народа, живущего на севере Нигерии) используется в качестве языка межэтнического общения в Западной Африке. Однако так сложились обстоятельства, что эти страны имеют между собой ряд прений, также связанных с историей. Так, в колониальный период страны были разделены между собой весьма спорными границами, и Нигерия уже в постколониальный период не раз сталкивалась с конфликтами, образовавшимися на почве

территориальных споров сопредельных стран (например, конфликт с Чадом в 1983 г.).

Подобный аспект привел к очень настороженной политике соседних стран по отношению к быстроразвивающейся Нигерии, чьё богатство природными и человеческим ресурсами неоспоримо велико. Отстающие в некоторых областях «соседи», несмотря на сложившиеся исторические дискуссии, всё же стремятся к выгодному политическому и экономическому сотрудничеству с «большим братом», что даёт Нигерии больше возможностей для занятия позиции «гегемона» на континенте. Страны также связаны между собой и на региональном уровне, а также в сфере безопасности и военного сотрудничества. В частности, с подачи Нигерии был создан «ЭКОВАС», благодаря этой организации данные страны могут регулировать в своём регионе многие аспекты взаимодействия и сотрудничества между собой, был подписан ряд взаимовыгодных соглашений в сфере торговли. Следует учитывать и её важную роль в Африканском союзе, где с мнением и весом Нигерии считаются все страны-участницы. Нигерия также по мере возможности предоставляет своим развивающимся соседям материальную поддержку и даже регулирование внутренних конфликтов.

Данный момент требует отдельного внимания, так как Нигерия, ещё на своём начальном этапе постколониального периода, решила строго следовать ряду принципов во внешней политике, и один из них является «принцип невмешательства», когда государство осознанно отказывается от вмешательства во внутренние дела другого государства. Тема миротворчества для Нигерии играет важную роль в политике с момента постановки амбициозной цели стать лидером континента. Как известно, поддержание миропорядка является прерогативой сильнейших акторов на международной арене, **присоединится к которым стремится** и Нигерия. Желание стать неотъемлемой частью «голубых касок», занять место в Совете Безопасности ООН и быть признанным африканским

лидером во всем мире – является одним из главных направлений внешней политики Нигерии. Миротворчество повышает её авторитет не только в мире, но и у себя на континенте.

Однако это не отменяет того факта, что подобной деятельностью Нигерия подрывает один из своих основополагающих принципов внешней политики. Так, она вмешалась во внутренние конфликты Либерии, Сьерра-Леоне, Ливии, Уганды и т.д. Но, вместе с тем, она всячески поддерживала антипартеидные движения в ЮАР, отстаивая права и свободы африканцев. Также у миротворчества Нигерии существует и обратная сторона медали. Повестка дня, заданная темой занятия места африканским государством в СБ ООН, выявила проблему отсутствия представительства Африки в Совете, в отличие от других регионов мира. Африканский Союз поднял вопрос о реформе СБ ООН, где должны даваться два постоянных места (включая право вето) и пять непостоянных мест в Совете Безопасности. Данное соглашение, подписанное членами АС в 2005 г. в долине Эзулвини (центральная часть королевства Эсватини), приобрело название «Консенсус Эзулвини». Данный документ носит важный характер, так как демонстрирует яркий пример объединения африканского сообщества, которое претендует на участие в деятельности миропорядка [5].

Внешнеполитические отношения Нигерии не заканчиваются на одном континенте. Так, страна взаимодействует на международной арене и с западными странами, особенно с Великобританией. Своеобразие их стабильных отношений носит исторический характер – это связь бывшей митрополии и развивающегося актора. До сих пор в военной сфере данные государства активно сотрудничают. Например, согласно соглашению 1975 г., Великобритания оказывает поддержку в обучении офицеров с нигерийской стороны. Также интересен факт, что часто у стран схожи позиции в тех или иных аспектах на международной политической арене (например, урегу-

лирование кризиса в ЮАР, поддержка Нигерии по защите интересов транснациональной компании Royal Dutch Shell, депортация из Англии обвиненных в коррупции нигерийских политиков и т.д.).

Если брать другие западноевропейские страны, то отношения с Францией, например, носят научно-технический характер (сотрудничество в сфере образования), а также сотрудничество в военно-политическом аспекте (поставки вооружения и техники из Франции в Нигерию). Но, говоря о развитии внешнеполитической деятельности Нигерии со странами Запада, прежде всего имеется в виду позиция Нигерии по вопросу членства этой страны в СБ ООН и её роли в «консенсусе Эзулвини», о котором писалось ранее.

Политические отношения с США меняются. Так, оба государства получили основной толчок во взаимодействии ещё в 1970-х гг., когда США были заинтересованы в экономическом обмене с Нигерией по добыче нефти. Создание производственных объектов Chevron Corporation на территории штата Дельты реки Нигер привело к укреплению политических и экономических отношений, однако со временем данная ситуация повлекла за собой иные последствия.

Ответственность за загрязнение окружающей среды и снижение уровня жизни людей в данном регионе отчасти легла на американскую нефтяную компанию, отчего внутриполитическая ситуация в Нигерии была усугублена продолжающимся до сих пор вооруженным конфликтом в районе дельты реки Нигер. Однако, несмотря на сложившуюся ситуацию, нигерийское правительство продолжает защищать интересы нефтяной компании, предоставляя ей национальные вооруженные силы с целью охраны её производственных объектов. Также между странами существует ряд соглашений в области безопасности и даже борьбы с наркобизнесом (создание агентства по борьбе с наркоторговлей “NDLEA” или “National Drug Law Enforcement Agency” или «Национальное агентство по обеспечению соблюдения законов о

наркотиках»). На данный момент США называют Нигерию «одним из важнейших стратегических партнеров», однако в самой Нигерии граждане страны негативно воспринимают политическое взаимодействие двух государств, зная о катастрофических последствиях экономического сотрудничества, коснувшихся штата Дельты реки Нигера.

Распространение влияния Китая по всему Африканскому континенту затронуло в том числе и Нигерию. Однако КНР изначально использовал подход с позиции «мягкой силы» в отношении стран африканского региона, объявив о пяти принципах мирного сосуществования (основанные на пяти принципах буддизма «Панча Ши́ла»):

- взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- ненападение;
- невмешательство во внутренние дела;
- равенство и взаимная выгода;
- мирное сосуществование [6, с. 136].

Китай уже доказал, что не заинтересован в выстраивании отношений в сфере политики со всем регионом, его интересует экономическая область данного взаимодействия. Однако Китай выразил намерение поддержать кандидатуру Нигерии в получении места постоянного члена СБ ООН.

Существующие сегодня международные повестки дня затрагивают каждое государство, будь оно развитым или развивающимся. Нигерия, будучи важным актором внешнеполитического международного процесса, занимает определенные позиции по актуальным проблемам глобального характера в современном мире. Так, Нигерия сталкивается с такими вызовами современности, как терроризм, изменения климата и ухудшение окружающей среды и связанные с этим миграционные процессы.

Похищение людей и террористическая деятельность стали одной из главных повесток дня для Нигерии ещё в конце

XX в., особенно в связи с обострившейся ситуацией в районе дельты реки Нигера, характер которой носил скорее экономический характер, когда две транснациональные нефтяные компании в 1960-х гг. Royal Dutch Shell и Chevron Corporation установили в данном регионе свои производственные объекты, что вызвало недовольство населения и затем катастрофические последствия (масштабное загрязнение окружающей среды, возникшие социальные проблемы, снижение уровня жизни местного населения и возникающие периодически на этом фоне вооруженные конфликты). Так, в 2006 г. образовалась антиправительственная христианская повстанческая группировка MEND (The Movement for the Emancipation of the Niger Delta или Движение за освобождение дельты Нигера), ответственная за вооруженные конфликты в данном регионе. Этот продолжительный конфликт резко снизил общий объем добычи сырой нефти [4]. Однако террористическая деятельность в дельте Нигера со временем сократилась благодаря действиям правительства Муса Яр'Адуа, которое реализовало в регионе программу амнистии.

Однако Нигерия по-прежнему сталкивается с внутренней угрозой со стороны террористической группировки Боко Харам, а также межэтнических столкновений между кочевниками и земледельцами, но в контексте данной темы особенно актуален терроризм в северо-восточных штатах Нигерии (особенно в штатах Йобе, Борно, Адамава, Кано, Баучи и Джигави), а также на границе с Камеруном, Нигером и по берегам озера Чад. Террористическая организация возникла в 2002 г. под предводительством Мохаммеда Юсуфа, и в 2015 г. присягнула Исламскому государству (ИГ, ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в РФ), став «Западноафриканской провинцией Исламского государства». За последние десять лет террористических действий группировки более 27 000 человек были убиты и тысячи похищены. Правительство Нигерии продолжает борьбу с Боко Харам, но ситуация до сих пор не стабилизировалась. Под грузом

существующих других проблем в государстве, таких как высокий уровень коррупции, бедность, вооруженные конфликты и изменение климата, правительство с трудом сдерживает натиск террористической организации.

Нестабильный внутривластный климат приводит к упадку экономики страны, а также сокращению инвесторов из зарубежных стран, что также негативно влияет на экономическую сферу. Это также ослабевает позиции Нигерии на внешнеполитической арене мира. Африканские организации, такие как ЭКОВАС и Африканский Союз, стараются помочь правительству Нигерии урегулировать её внутривластный климат, но даже с их поддержкой ситуация остаётся неизменной.

Приведенные примеры стали последствием ещё одного вызова для Нигерии и международного сообщества – масштабной миграции населения. Не раз человечество в истории сталкивается со скачком миграционного процесса по причине террористической деятельности таких организаций, например как Аль-Каиды или ИГИЛ (запрещены на территории РФ). Огромные человеческие потери в ходе терроризма и ряд других фактов привел к масштабному перемещению нигерийского населения и внутри страны (миграция происходит чаще всего в южные штаты Нигерии), и за её пределами (международная миграция). В контексте темы статьи важно проанализировать международную миграцию. Так, Боко Харам вынудил многих жителей северо-востока Нигерии бежать в страны ближнего зарубежья. Например, по берегам озера Чад рассеяно 239 667 нигерийских беженцев, в соседнем Нигере 118 868 человек, Камеруне 104 884 и непосредственно Чаде – 15 915 беженцев [3]. Также традиционно эмиграция в Нигерии была направлена в западноафриканские регионы. Однако с 1980-х гг. увеличилась эмиграция в Европу. Например, только в 2018 г. 25 755 нигерийских мигрантов подали прошение о предоставлении убежища во всей Европе [11]. Нелегальная эмиграция из Нигерии в Европу достигла небывалых масштабов, что не может не тревожить мировое сообщество. Данные

Международной организации по миграции, федеральных правительственных агентств и опросов показывают, что более половины всех нигерийских нелегальных эмигрантов в Европу приезжают из города Бенин-Сити, штата Эдо, который часто называют коридором в Европу. Помимо штата Эдо многие нелегальные эмигранты также прибывают из штата Дельта. По состоянию на март 2019 г., среди нигерийских репатриантов из Ливии 52 % были из штата Эдо и 17 % из штата Дельта. Большинство нелегальных эмигрантов из Нигерии переправляются через Бенин-Сити, затем Кано, Агадес, потом через пустыню в Ливию и лишь затем в Европу. В течение нескольких лет самым доступным маршрутом было Центральное Средиземноморье, откуда легко добраться до Италии или Мальты. Ныне самым популярным маршрутом является Западное Средиземноморье в сторону Испании. Нелегальная эмиграция негативно влияет не только на экономический и политический климат Нигерии, но и на состояние принимающих стран ЕС. Также происходит серьезная утечка высококвалифицированных специалистов, а именно образованной части населения. Особенно остро это ощущается в сфере медицины. В результате Нигерия, ежегодно выпуская тысячи студентов с медицинским образованием, имеет нехватку специалистов в данной сфере в медицинских учреждениях.

Генеральная Ассамблея ООН по вопросу международной миграции и МОМ (Международная организация по миграции) всячески пытаются урегулировать вместе с правительством Нигерии данный миграционный процесс. Одним из главных методов решения данной проблемы является усиление пограничного контроля, однако в пределах региона ЭКОВАС передвижения контролируются менее строго, чем в Европе, и в такой ситуации в первую очередь необходимо сотрудничество всех стран – участниц ЭКОВАС. На данный момент существует ряд программ для реализации данного проекта. Но в конечном итоге позитивный результат возможен только

в одном случае – если уровень жизни населения и безопасности будет выше в данном регионе и для этого необходимо устойчивое экономическое развитие.

Изменение климата является одной из важнейших повесток дня в современных реалиях мирового сообщества. Нигерия, будучи одной из самых уязвленных стран мира по отношению к этому процессу, старается активно взаимодействовать по данному вопросу с международным сообществом. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата, уязвимость Африки, в том числе и Нигерии, к изменению климата обусловлена рядом факторов, в том числе слабой адаптационной способностью, высокой зависимостью от природных ресурсов для получения средств к существованию (неконтролируемая вырубка лесов, загрязнение воздуха и выброс диоксида в атмосферу посредством частого использования дизельного топлива практически во всех сферах жизни и т.д.) и менее развитыми системами сельскохозяйственного производства (подсечно-огневое земледелие, неправильное использование удобрений).

Решение данной проблемы требует адаптации в регулировании экосистемных услуг и систем сельскохозяйственного производства в Нигерии. Серьезными последствиями самого процесса изменения климата являются опустынивание земель, засухи и эрозия почв, что ведёт к неминуемому кризису в сельском хозяйстве и дальнейшему голоду. Северная часть Нигерии уже столкнулась с данной проблемой. Изменение климата тоже является одной из причин миграционного процесса. Однако правительство Нигерии активно сотрудничает с международными организациями по решению данного вопроса. При содействии ЭКОВАС, Африканского союза и Китая был воссоздан проект «Зеленый пояс» шириной 20–30 км. Этот проект подразумевает высаживание миллионов деревьев по границе пустыни, чтобы остановить опустынивание земель. Также Нигерия сотрудничает с Green Climate Fund (GCF) (фонд Рамочной конвенции ООН об изменении

климата) по вопросу нехватки питьевой воды в стране. Фонд помогает финансово реализовать некоторые программы по защите окружающей среды. Этот фонд вложил немало средств в улучшение инфраструктуры колодцев, систем сбора дождевой воды и резервуаров для хранения чистой воды [7; 12]. Вместе с тем при столь активном взаимодействии со странами на международной арене правительство Нигерии по вопросам защиты окружающей среды внутри страны действует менее результативно. Известно, что большая часть населения Нигерии не осведомлена о последствиях изменения климата, многие не задумываются о существующей проблеме по причине незнания происходящих процессов. В данной ситуации необходима скорейшая деятельность государства в области популяризации данной проблематики среди населения. И это один из факторов, почему природа Нигерии находится в столь критическом состоянии.

Таким образом, можно наблюдать инициативную деятельность Нигерии по вопросам взаимодействия с международным сообществом на тему общемировых повесток дня и её готовность действовать в контексте данных проблем.

Возвращаясь к направлениям внешней политики Нигерии, важно подчеркнуть её стремление занять лидирующую позицию на континенте. Обладая необходимыми для этого ресурсами, Нигерия претендует на роль «гегемона» континента, соперничая с такими странами, как Египет, Кения или Ангола, но самым актуальным и серьезным на данный момент соперником в дискурсе является Южная Африка. Это две крупнейшие экономики Африки, которые по очереди занимают лидирующие позиции в экономической сфере. Исторически их политические отношения берут своё начало с того момента, как Нигерия сыграла ключевую роль в оказании политической поддержки движению против апартеида. И оба актора, с богатейшими запасами ресурсов и выгодным географическим положением, постепенно стали соперниками на региональном уровне. Однако, несмотря на негласную борьбу

в данном вопросе, оба государства вместе предприняли ряд шагов по улучшению экономического климата континента, поэтому ряд специалистов обращает внимание на их порой противоречащие отношения – от соперничества до сотрудничества.

В частности, Олусегун Обасанджо (президент Нигерии) и Табо Мбеки (президент ЮАР) в 2002 г. проявили инициативу в создании Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) – программы экономического развития Африканского Союза [2]. Оба политических лидера имели похожие интересы по объединению и развитию Африки и решили объединить свои усилия в данном вопросе. Также в 2009 г. страны создали Двусторонняя Национальная комиссия (Bi-National Commission) с целью сотрудничества в области государственных предприятий, добычи природных ресурсов, торговли и т.д. Хотя между странами и существует проблема торгового баланса (из-за крупного импорта нефти из Нигерии), страны продолжают экономические взаимоотношения.

Несмотря на тесную связь в области экономики, на международной политической арене не обходится без конфликтов между Нигерией и ЮАР. Например, существует серьезная проблема ксенофобии нигерийцев в ЮАР по различным причинам – начиная от занятия мест эмигрантами из Нигерии на рынке труда Южной Африки и заканчивая негативным образом «типичного нигерийца» как наркоторговца или бандита. Наркоторговля в обоих государствах носит критический характер, что вынудило их создать Национальное агентство по обеспечению соблюдения законов о наркотиках (NDLEA) в 1990 г. Кроме ксенофобии, страны имели разные позиции по вопросу урегулирования внутривосточного климата в Кот-д'Ивуаре в 2011 г. и в Ливии во время правления Муаммара Каддафи. Если же брать внешнеполитический статус стран, то на данный момент Нигерия уступает ЮАР, так как последняя имеет членство в БРИКС и G-20, но при этом Южная Африка на данный момент переживает упадок

в экономике, в то время как Нигерия только набирает обороты. Поэтому на данный момент ни одна из стран не занимает столь желанное место руководителя континента, которое может поднять уровень «имиджа» и авторитета в мировом сообществе.

Подводя итог, следует отметить, что Нигерия со времен обретения независимости достигла огромных успехов в области осмысления своей роли и занятия позиции «тяжеловеса Африканского континента» на международной политической арене. Определив насущные национальные интересы и принципы, государство стремится к их реализации. Однако в каждом направлении внешнеполитической деятельности можно наблюдать ту или иную проблематику, указывающую на **принципы, приоритеты внешнеполитической деятельности. Нигерия ищет ответ на вызовы современности.**

Литература

1. Dr. Joseph C. Ebegbulem. The Evolution of Nigeria's Foreign Policy: From the Pre-Independence and Post-Independence Perspectives // International Journal of Research in Humanities and Social Studies. 2019. University of Calabar, Nigeria.
2. Oluwaseun Tella. Advances in African Economic, Social and Political Development. Nigeria-South Africa Relations and Regional Hegemonic Competence, Institute for Pan-African Thought and Conversation. University of Johannesburg, 2019.
3. Kwaku Arhin-Sam. The Political Economy of Migration Governance in Nigeria. University of Freiburg, 2019.
4. Apenda Isaac Tersoo & Tough Benjamin Terzungwe. «Terrorism and Boko Haram: A Reconsideration of Impacts on World Peace», 2015.
5. James Martin. Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes. 2011.
6. Забелла Анастасия Александровна. Особенности внешней политики Китая в Африке (на примере государств гвинейского

залива: Нигерии, Габона и Анголы в период с 2000 по 2017 г.): дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2018.

7. Cedric de Coning & Florian Krampe. Multilateral cooperation in the area of climate-related security and development risks in Africa. Norwegian Institute of International Affairs, 2020.

8. United Nations Department of Economic and Social Affairs: Population Division. URL: <https://countrymeters.info/ru> (accessed: 05.02.2021).

9. World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-production-by-country> (accessed: 05.02.2021).

10. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/2265305> (accessed: 05.02.2021).

11. The European Union and the African Union – A statistical portrait – 2019 edition. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-books/-/ks-fq-19-001> (accessed: 05.02.2021).

12. Green Climate Fund. URL: <https://www.unep.org/about-un-environment/funding-and-partnerships/green-climate-fund> (accessed: 05.02.2021).

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.22363/

И.В. Кокушкина

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ АСЕАН С АФРИКОЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Введение

В условиях современного этапа глобализации государства мирового сообщества становятся все более интегрированными в международные экономические процессы. Вследствие этого возникают и развиваются международные связи между новыми участниками, отношения между которыми ранее не существовали или играли незначительную роль для обеих сторон. При этом взаимосвязи активно формируются не только на межгосударственном, но и межрегиональном уровне, в том числе между межправительственными организациями. Новые векторы развития отношений между государствами и региональными организациями формируют новые актуальные направления исследования. К ним, безусловно, относится изучение становления и развития внешнеэкономических связей между Африканским союзом и АСЕАН в силу значимости обоих субъектов для мировой экономики и международных отношений.

В XXI в., как и в предыдущие эпохи, Африка по причине наличия огромных запасов разнообразных природных ресурсов является целью экономической экспансии для многих

более развитых стран. Особенности и современные характеристики политико-экономического развития большинства африканских стран делают их более слабыми партнерами в международных экономических отношениях.

Экономическое развитие стран Африки в XX веке

Подлинное экономическое возрождение Африки началось только во второй половине XX в. В декабре 1959 г., по решению ГА ООН, 1960 г. был объявлен «Годом Африки». В течение только этого года независимость получили сразу 17 африканских стран. Можно сказать, что 1960 г. стал переломным в развитии Африки: с этого времени в большинстве стран стали формироваться системы внутренних и внешних политических и экономических отношений, основанные на новых для этих стран принципах.

Колониальный период, как известно, оказал значительное и разностороннее влияние на развитие Африканского континента. В частности, слишком быстрое вовлечение их традиционных экономик в товарное производство, навязывание монокультур, отчуждение земель под промышленные нужды (плантационное хозяйство и добыча полезных ископаемых), бесконтрольный вывоз природных ресурсов, истребление флоры и фауны привели к отрицательным последствиям хозяйственного, этнического и демографического развития Африки, а также способствовали возникновению серьезных экологических проблем. К положительным последствиям колониального периода относят развитие новых социальных отношений, рост городов и формирование центров политической, экономической и культурной жизни, создание новых предприятий, строительство инфраструктурных объектов.

Таким образом, можно отметить, что к середине XX в., к моменту обретения независимости, африканские страны имели сложившиеся экономические системы, основанные на

специализации территории, характере экономических отношений с метрополией и уровне вовлеченности колонии в международную торговлю.

Однако, став независимыми, молодые африканские государства автоматически не стали богатыми и процветающими, большинство оказались в числе беднейших стран мира. В связи с этим многие из них попали в еще большую экономическую зависимость от бывших метрополий. Значительное влияние на политико-экономическое развитие отдельных из этих стран оказывал и СССР, с идеологических позиций предоставлявший экономическую, военную и иные виды помощи странам, заявившим о выборе «социалистически ориентированного» пути развития. Постоянные и многочисленные политические, межэтнические и религиозные конфликты на континенте, а также общая отсталость экономик большинства новых независимых государств способствовали тому, что практически всем этим африканским странам постоянно требовалась финансовая и иная помощь, что, в свою очередь, поддерживало устойчивое влияние европейских держав и СССР на страны региона вплоть до 1990-х гг.

С начала 1990-х гг., как отмечает А.М. Андреев [1], национальные экономики африканских стран перешли к современному этапу своего развития, чему поспособствовали следующие факторы:

1) распад СССР, который привел к отказу от идеологического подхода при формировании внешнеэкономических связей и прекращению значительной безвозмездной разнообразной помощи развивающимся странам;

2) динамичное развитие в странах Африки рыночных форм хозяйствования;

3) демократизация во многих странах процессов управления, в том числе в экономике;

4) вынужденный переход в 1990-е гг. от получения безвозмездной помощи к развитию кредитных отношений, что задало новый вектор развития африканских экономик.

При этом до настоящего времени в африканских странах продолжают развиваться разнообразные реформы, которые, однако, не привели пока к масштабной модернизации и индустриализации: в XXI в., по данным ООН [10], крупнейшими секторами экономик большинства стран Африки являются сельское хозяйство, торговля и добыча природных ресурсов.

Текущее экономическое положение стран Африки

В соответствии с классификацией Экономической комиссии ООН [10] Африка включает в себя пять субрегионов: Северная Африка, Западная Африка, Центральная Африка, Восточная Африка и Южная Африка. Все регионы кроме Северной Африки часто объединяют термином «Африка южнее Сахары» (АЮС), где расположены 48 из 55 стран континента.

Наименее развитыми остаются страны Центрального и Южного субрегионов, исключая ЮАР (Бурунди, Демократическая Республика Конго / ДРК, Джибути, Нигер, Эритрея, Эфиопия, Мадагаскар, Южный Судан и др.). Всего в Африке, по данным Доклада о наименее развитых странах мира ЮНКТАД [5], расположены 34 из 48 наименее развитых стран мира.

Согласно Докладу Африканского банка развития (АБР) «О перспективах развития экономики африканского региона в Восточной Африке» [15], этот регион – самый быстрорастущий на континенте: рост реального ВВП в среднем составит, по прогнозам, 6,1 % в 2020 г. (в период с 2010 по 2018 г. рост составлял в среднем почти 6 %, причем в Джибути, Эфиопии, Руанде и Танзании были зафиксированы показатели выше среднего). В целом по Африке в 2019 г. рост составил 3,4 %, и на 2020 г. прогнозировалось его повышение до 3,9 % [16].

Наиболее экономически развитыми странами континента в конце второго десятилетия XXI в. (по критерию размера ВВП), по данным африканского новостного портала The

African Exponent [21], в 2019 г. являлись обладающие природными ресурсами Нигерия (Западная Африка), ЮАР (Южная Африка), Египет, Алжир (Северная Африка) и Ангола (Центральная Африка). При этом, по данным «Глобального прогноза 2019-2024/Африка» [13], на долю Нигерии, Анголы и ЮАР приходится в конце второго десятилетия XXI в. около 60% совокупного ВВП всех африканских стран южнее Сахары. По Индексу человеческого развития ООН [25], в пятерку ведущих африканских стран на 2019 г. включались: Сейшельские острова, о. Маврикий (Восточная Африка), Тунис, Алжир (Северная Африка) и ЮАР (Южная Африка).

Доклад Всемирного Экономического Форума за 2017/2018 г. [9] показывает, что лучшая дорожная инфраструктура находится в Намибии: по данным на 2018 г., страна набрала 5,2 балла из 7 возможных. В топ-50 стран также вошли ЮАР, Руанда и о. Маврикий. При этом, согласно «Глобальному прогнозу 2019–2024 Африка» экспертов РСМД [13], устойчивое развитие, поддерживаемое инвестициями прежде всего в инфраструктуру, ожидается в 2020-е гг. в странах Западноафриканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС), в Эфиопии и Руанде (Восточная Африка).

Как видно даже из этого краткого обзора, африканский регион отличается крайней неравномерностью развития, на каждый субрегион приходится по 1–3 страны, которые демонстрируют относительно высокие показатели. При этом даже самые развитые из них по обобщающему показателю размера ВВП находятся, согласно Докладу Всемирного банка «Валовый внутренний продукт – 2019» [27], за пределами 3-го десятка: Нигерия – 31-е место, ЮАР – 34-е, Египет – 45-е, Алжир – 55-е и Ангола – 63-е.

Инвестиционный климат практически всех стран континента признается привлекательным только по отдельным составляющим (в подавляющем большинстве это наличие минерально-сырьевых и других природных ресурсов), при этом негативные его характеристики (общая нестабильность,

вооруженные конфликты, низкие демографические показатели и др.) зачастую «перевешивают» положительные. И в то же время очевидно, что Африка обладает колоссальным потенциалом будущего развития, и наиболее дальновидные представители бизнеса, в том числе из стран АСЕАН, стараются закрепиться на континенте.

Несмотря на огромное разнообразие стран, на континенте существуют различные региональные и межрегиональные организации. Крупнейшей межправительственной и межрегиональной организацией в Африке является Африканский союз (АС), объединяющий 55 государств Африки, правопреемник Организации африканского единства (ОАЕ). Он был образован 9 июля 2002 г.

В январе 2015 г. Ассамблея Африканского союза утвердила Повестку дня на период до 2063 г., направленную на построение «объединенной, процветающей и мирной Африки, управляемой своими гражданами и выступающей в качестве динамичной силы на мировой арене» [19]. 19 апреля 2017 г. в ходе первой ежегодной Конференции ООН и Африканского союза Генеральный секретарь ООН и Председатель Комиссии АС подписали Совместный рамочный документ «Об укреплении партнерства в области мира и безопасности». Стратегическое взаимодействие между двумя организациями направлено также на решение региональных проблем Африки и обеспечивается наличием консультативных механизмов по решению указанных проблем. 9–10 февраля 2020 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) состоялась очередная, 33-я, сессия Африканского союза. В числе прочих проблем обсуждались вопросы совершенствования структуры организации, усиления межрегионального взаимодействия, повышения эффективности сотрудничества и разделения обязанностей между Африканским союзом, региональными и другими континентальными организациями и государствами-членами [19].

АСЕАН и Африканский союз

Несмотря на свои относительно небольшие размеры (по сравнению с другими регионами мира), Юго-Восточная Азия, страны которой полностью входят в АСЕАН, занимает существенное место в мировой экономике. Если рассматривать их национальные экономики в совокупности, то АСЕАН занимает 7-е место в мире по размеру ВВП, и по некоторым оценкам, его доля составит к концу 2020 г. 6,57 % мирового ВВП. В рейтинге Глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума–2019 [6] Сингапур занимает 1-е место (как и годом ранее), Малайзия – 27-е, Таиланд – 40-е и Индонезия – 50-е из 141 страны. *АСЕАН* – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (англ. ASEAN) – «политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация», одна из крупнейших в мире такого рода, включает 10 стран-членов, расположенных в Юго-Восточной Азии, образована 8 августа 1967 г. в Бангкоке **после подписания** «Декларации АСЕАН», известной также как «Бангкокская декларация».

Следует отметить, что формирование организации (с 5 первоначальных учредителей до 10 членов) продолжалось до 1999 г. (вступление Камбоджи) [17]. Правовой базой взаимоотношений в организации выступают три Декларации согласия АСЕАН (1976, 2003 и 2011 гг.), Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор, 1976 г.), которым с 1987 г. допускается возможность присоединения внерегиональных государств, а также Устав АСЕАН (2008 г.). К концу 2019 г. к Ассоциации в разных форматах присоединились 37 государств. Взгляды Ассоциации на внутренние и внешние взаимосвязи постоянно корректируются, а механизмы взаимодействия совершенствуются. В последнее десятилетие в АСЕАН приняты такие важные документы, как «Перспектива 2020» и «Дорожная карта 2025», где в 5-м разделе «Глобальная АСЕАН» говорится о необходимости

углубления его интеграции в мировое сообщество и оптимизации взаимоотношений с внешнеэкономическими партнерами [12].

Таким образом, и в ЮВА, и в Африке существуют объединяющие практически все страны данных регионов организации. Рассмотрим особенности их взаимодействия.

Из вышеизложенного краткого описания двух организаций можно видеть, что между ними существуют и некоторые сходные черты и различия.

К сходствам можно отнести следующие характеристики.

1. Обе организации включают в себя практически все страны региона: в АСЕАН входит 10 из 11 стран ЮВА (Восточный Тимор имеет статус наблюдателя), в Африканский союз входят все страны континента, кроме Марокко (вышло в 1984 г.) – всего 55 государств (по состоянию на январь 2020 г.).

2. Имеет место межправительственный характер объединения стран.

3. Совпадение в целом ведущих декларируемых целей деятельности обеих организаций – разностороннее сотрудничество между странами-членами, обеспечение развития и безопасности в регионе.

4. Основная направленность деятельности на решение внутренних проблем.

5. Развитие сотрудничества с внерегиональными государствами.

6. Активное взаимодействие с международными организациями, прежде всего с ООН, и декларируемая в их документах приверженность принципам международного сосуществования, установленным основополагающими документами ООН.

К принципиальным отличиям относятся:

1. *Длительность существования и ведения деятельности:* АСЕАН ведет свою деятельность гораздо дольше, к тому

же без существенных структурных преобразований, что делает организацию более стабильным и надежным партнером в международных отношениях.

2. *Структура*: в АСЕАН входят страны, хотя и различные по многим особенностям, но из одного сравнительно небольшого географического региона и в относительно небольшом количестве, а Африканский союз объединяет множество стран (55) из пяти регионов, существенно различных по своим природно-географическим, политическим, экономическим, демографическим и иным характеристикам.

3. *Членство*: АСЕАН расширяет диалог, вовлекая в партнерство новые страны, АС – организация закрытого типа. Более того, членство некоторых государств приостанавливалось в связи с нестабильной политической обстановкой внутри этих стран (например, ЦАР в 2013 г.).

4. *Экономические связи*: АСЕАН имеет более устойчивые экономические связи не только в самом регионе, но и за его пределами. Африканские страны все еще в меньшей степени интегрированы во взаимные внутренние экономические процессы, и приоритет отдается в первую очередь развитию внешнеэкономических связей, посредством которых они получают оборудование и финансовые ресурсы, необходимые для обеспечения экономического роста.

Кроме того, исследователями подчеркивается, что низкий уровень взаимного доверия, а также политического и экономического взаимодействия, наличие широкого круга этнических, религиозных и иных противоречий выступают факторами, препятствующими развитию как отдельных регионов Африки, так и континента в целом [13].

Вышеперечисленные различия позволяют констатировать, что АСЕАН на данный момент представляет собой региональную организацию с более высоким уровнем интеграции, чем АС, а учитывая и экономические показатели Ассоциации, и с гораздо более высоким внешнеэкономическим потенциалом.

Внешнеэкономические связи стран Африки и Юго-Восточной Азии

Даже кратко показанные выше экономические и иные характеристики стран Африки и ЮВА, а также обеих региональных организаций определяют объективную целесообразность развития внешнеэкономических связей и других видов сотрудничества между ними в рамках рассматриваемых региональных межправительственных организаций.

Следует отметить, что существует значительное количество факторов, препятствующих расширению сотрудничества африканских стран не только со странами АСЕАН, но и со всеми другими государствами:

1. Крайне низкий уровень развития внутренней экономики подавляющего числа стран региона, следствием чего являются слабые экспортные возможности (или их полное отсутствие), препятствует полноценному развитию внешнеэкономического обмена с другими регионами.

2. Практически полное отсутствие современной инфраструктуры в большинстве стран Африки, что является серьезным препятствием для роста и развития и определяет низкий уровень внутриафриканской торговли и торговли с другими регионами [4]. В Африке в конце второго десятилетия XXI в. проживает 17% населения мира [10], но ее доля в мировом ВВП составила в 2018 г. по данным Всемирного банка примерно 2,8 % [27], а ее доля в мировой торговле в 2010-е гг., по разным оценкам, составляет примерно 3 % [13]. По мнению экспертов, именно неудовлетворительное состояние инфраструктуры ежегодно сокращает ВВП стран континента на 2 %, а также снижает производительность труда на 40 % [2].

3. Нестабильная политическая ситуация во многих странах континента. Наличие многочисленных «горячих точек» во всех регионах Африки.

Из-за действия указанных факторов дипломатические и экономические связи Юго-Восточной Азии с Африкой в XX в.

были незначительными. В первые десятилетия после обретения независимости африканскими странами единственной страной, которая поддерживала с ними экономические связи, была Индонезия. В XXI в. торговые и инвестиционные связи между странами регионов постепенно набирают обороты. Заметно растущее присутствие в Африке кроме Индонезии также Малайзии, Сингапура и Таиланда.

Однако доля стран ЮВА во внешней торговле большинства стран Африканского континента остается очень небольшой (или вовсе отсутствует). При этом оценка масштабов экономического сотрудничества затруднена – большую проблему представляет отсутствие достоверных данных как о взаимодействии стран, входящих в Африканский союз, со странами АСЕАН как с единой организационной структурой, так и между обеими организациями. Исследователи связывают это с большим экономико-социальным разнообразием стран региона ЮВА и Африки. Например, индийская исследовательница В. Вайдьянатан [8], оценивая состояние торговли и инвестиций между странами АСЕАН и странами Африки отмечает, что в то время как такие страны, как Малайзия и Сингапур, уже готовы предложить африканским странам инновационные проекты сотрудничества, Таиланд, Вьетнам и Индонезия только начинают переходить от традиционных торговых отношений к другим формам сотрудничества, а информацию о наличии экономических связей между странами Африки и такими странами – членами АСЕАН, как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Бруней, вообще не представляется возможность установить. Поэтому торгово-экономические отношения между странами Африки и странами АСЕАН целесообразно рассматривать не в контексте кооперации между региональными организациями, а сегментированно, то есть выделяя страны, которые поддерживают наиболее тесные двусторонние контакты.

С этой позиции можно выделить несколько стран, которым удалось сформировать прочные двусторонние отношения в области внешней торговли.

В 2010-е гг. Таиланд, Сингапур, Индонезия и Малайзия были основными торговыми партнерами стран Африки из стран региона ЮВА. Южная Африка, Египет и Нигерия являлись основными импортёрами товаров (продуктов питания, текстиля, отдельных видов оборудования, потребительских товаров и др.) из стран АСЕАН в 2015–2017 гг. [3]. Однако объемы торговли пока еще невелики: так, торговля со странами Африки составляла в 2017–2018 гг. всего 3 % от суммарного объема торговли Индонезии со всеми странами мира. При этом Индонезия в эти годы занимала 4-е место среди всех торговых партнеров Африки после Китая, Индии и Японии [14; 31–33]. По данным Министерства торговли, в 2017 г. общий объем экспорта страны в африканские страны составил 4,86 млрд долл. (4,16 млрд долл. в 2016 г.) [18]. Структура экспорта Индонезии в Африку включает полуфабрикаты, некоторые виды оборудования, пальмовое масло, одежду, напитки и др. Из африканских стран в основном импортируются различные минерально-сырьевые ресурсы, какао-бобы, хлопок, химикаты и др.

В XXI в. ведущие страны АСЕАН становятся важными источниками прямых иностранных инвестиций (ПИИ) как в своем регионе, так и за его пределами. Значительные инвестиции в Африку осуществляют Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия. Прямые инвестиции Малайзии географически распределены по всей Африке, в том числе во многих наименее развитых странах (НРС), таких как Чад, Гамбия, Малави, Мозамбик, Бенин, Бурунди и др. За последние два десятилетия малайзийские компании и политики создали значительное присутствие в Африке. В 2011 г. с ПИИ в 19 млрд долл. США Малайзия опережала КНР и Индию. Крупными инвесторами в Африке являются такие малайзийские фирмы, как нефтегазовая компания Petronas и торговый конгломерат Sime

Darby Berhad (владеет крупнейшими в мире плантациями масличной пальмы). Petronas, национальная нефтяная компания Малайзии, начал свою экспансию в Африке с инвестиций в Судане [23].

Малайзия – страна, в которой более 63% населения составляют мусульмане [30]. Это выступает важным фактором, способствующим укреплению положения Малайзии в Африке, прежде всего сотрудничеству с исламскими странами континента как в Северной Африке (Алжир), так и в Африке южнее Сахары (АЮС) – Бенином, Ботсваной, Мали, Сенегалом, Буркина-Фасо и др. Значительной является ее деятельность в специфических исламских секторах торговли и инвестиций. К ним относятся мировой рынок сукук (специфических исламских облигаций), а также халяльные товары и услуги. Малайзия также является одним из крупных центров исламского банкинга. По некоторым оценкам, примерно 45–50 %, или около 500 млн человек, из 1,2-миллиардного населения Африки исповедуют ислам [30].

Динамично развивающееся в конце 2010-х гг. партнерство *Сингапура* с Африкой отражает национальную стратегию по диверсификации внешнеэкономических связей. Temasek, Фонд суверенного богатства Сингапура, начал активную деятельность в регионе в 2011 г. Инвестиции Temasek в Африке в 2015 г. составляли уже 266 млрд долл. США, тогда как ее первоначальный вклад в Tana Africa Capital, совместное предприятие с E Oppenheimer & Son (ориентировано на сельское хозяйство и производство потребительских товаров), в 2011 г. составил 150 млн долл. [28]. В последующие годы влияние Temasek росло благодаря сделкам в энергетическом секторе, включая 150 млн долл. в Seven Energy, нефтегазовую группу в Нигерии [22], а также 1,3 млрд долл. в разработку нескольких газовых месторождений в Танзании, контролируемых Ophir Energy [20]. По данным «World Investment Report 2019» [7], в 2013 и 2017 гг. Сингапур был самым крупным инвестором из АСЕАН в странах Африки.

В начале второго десятилетия XXI в. *Таиланд* начал активно сотрудничать с Африкой. В рамках политики «Взгляд на Запад» в 2013 г. была начата реализация тайско-африканской инициативы по расширению взаимодействия. «В настоящее время Таиланд является крупнейшим трейдером АСЕАН в Африке и крупнейшим поставщиком риса на континент... С точки зрения инвестиций это третий по величине инвестор АСЕАН в Африке», – заявил министр иностранных дел Таиланда [24]. В последние годы значительно выросли тайские инвестиции в Мозамбик благодаря участию РТТ Exploration and Production Public Company Limited **инвестициям, или РТТЕР, в сектор** добычи природного газа Мозамбика. Тайские компании также инвестируют в строительство здесь железнодорожного и морского порта, при этом общий объем инвестиций Таиланда в энергетику и строительство в Африке в ближайшие 10 лет составит более 20 млрд долл. [24].

Индонезия значительно активизировала свое присутствие в Африке с 2014 г. В 2018 г. правительство страны организовало первый форум Индонезии и Африки на Бали. Результатом форума стали подписанные соглашения об экономическом сотрудничестве на общую сумму примерно 600 млн долл. США в различных отраслях: инфраструктуре, финансах, текстильной и горнодобывающей промышленности, торговле товарами и услугами. Продолжением развития процесса сотрудничества стало мероприятие «Индонезия-Африка: диалог по инфраструктуре» (2019 г.), куда было приглашено 53 страны Африки. По результатам переговоров правительство Индонезии подписало ряд соглашений о сотрудничестве в сферах инфраструктуры и транспорта с несколькими странами континента на общую сумму свыше 800 млн долл. (в том числе на строительство морского порта в Танзании, инфраструктурных объектов в Сенегале и Нигере и др. [14; 31–33].

С позиций данного исследования примечательно, что Индонезия является страной с крупнейшим в мире мусульман-

ским населением – это более 200 млн чел., что составляет почти 90 % населения самой Индонезии и 12,6 % всех мусульман мира [30]. Этот факт, так же как и для Малайзии, является одним из определяющих в выборе партнеров среди африканских стран.

Так, Индонезия активизирует и расширяет сотрудничество с Республикой Нигер в области торговли, инфраструктуры и техники: фирма WiKa (железобетонное оборудование и строительные работы) подписала контракт на строительные работы и реконструкцию президентского дворца в столице страны Ниамее. Также в Нигере планирует строительство металлургического завода горнодобывающая компания PT Timah – мировой лидер 2019 г. по производству олова (по данным Международной ассоциации олова-ИТА) [14; 31–33].

Из других стран АСЕАН можно отметить *Вьетнам*, который начинает развивать отношения с Африкой. В 2018 г. на страны Ближнего Востока и Африки приходилось примерно 3,5 % товарооборота Вьетнама, что явно не соответствует стратегии внешнеэкономического развития Вьетнама [29]. В целях активизации африканского направления сотрудничества в Ханое в декабре 2019 г. были проведены две конференции: первая «Встреча послов стран Ближнего Востока и Африки» и «Сотрудничество Вьетнам–Африка: опыт управления рисками в экономическом сотрудничестве с африканскими странами».

Участники отмечали, что хотя на настоящее время уже видны некоторые положительные результаты сотрудничества, предстоит еще большая совместная работа по решению таких проблем, как недостаток информации о деловой среде, инвестиционном климате стран, рисках, а также неразработанность правовых механизмов сотрудничества [11]. В июле 2020 г. Вьетнам передал в дар нескольким африканским странам – Алжиру, Анголе, Мозамбику, Нигерии и ЮАР, медоборудование (различные медицинские маски, тесты на

коронавирус вьетнамского производства) для борьбы с COVID-19 на сумму 250 тыс. долл. [34].

Таким образом, 4 государства АСЕАН в настоящее время осуществляют и расширяют внешнеэкономические отношения со странами Африканского союза. У остальных стран Ассоциации такие связи либо весьма незначительны, либо отсутствуют.

Выводы

Экономические отношения ЮВА с Африкой, несмотря на заметный рост к концу второго десятилетия XXI в., все еще находятся на довольно низком уровне развития и, как мы видим, только несколько стран выделяются в качестве «пионеров» в усилиях по их сближению. Сотрудничество в сфере инвестиций и строительства крупных инфраструктурных объектов также находится на невысоком уровне.

Вышеизложенное позволяет сделать общий вывод, что АСЕАН как региональная организация в ЮВА имеет большой потенциал для развития более тесных межрегиональных связей с Африканским союзом, но существующие препятствия – главным образом сложная социально-экономическая ситуация в большинстве стран континента, недостаточно развитая инфраструктура, отсутствие общих культурных исторических элементов и концентрация на других партнерах, которые считаются стратегическими, – замедляют процесс развития их внешнеэкономических отношений.

Литература

1. Андреев А.М. Развитие национальных экономик стран Африки: основные этапы, современное состояние и перспективы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. № 2. С. 33–39. [Andreev A.M. Development of the National Economies of African Countries: Main Stages, Current

State and Prospects. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, No. 2, pp. 33–39. (In Russian).]

2. Подбиралина Г.В., Азиагба Д.Ч. Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 38–54. [Podbiralina G.V., Asiagba J.C. (2018). Factors of Economic Growth in Sub-Saharan Africa: Current Trends. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo, Vol. 11, No. 5, pp. 38–54. (In Russian).]

3. Рогожин А. А. Юго-Восточная Азия и Африка – торговые и инвестиционные связи в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 200–218. [Rogozhin A.A. (2018). Southeast Asia and Africa – Trade and Investment Links in the 21st Century. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Vol. 11, No. 5, pp. 200–218. (In Russian).]

4. Фогель Д.В. Улучшение состояния транспортной инфраструктуры Африки как фактор стимулирования деятельности иностранных инвесторов // Экономические отношения. 2018. Т. 8. № 4. С. 589–603. [Fogel D.V. (2018). Improving the state of Africa's transport infrastructure as a factor in stimulating the activity of foreign investors // Ekonomicheskie otnosheniya. Vol. 8, No. 4, pp. 589–603. (In Russian).]

5. ЮНКТАД (2019). Конференция ООН по торговле и развитию. Доклад о наименее развитых странах за 2019 год. Общий обзор. Женева: Организация Объединенных Наций. [UNCTAD (2019). United Nations Conference on Trade and Development. The Least Developed Countries Report 2019. General review. Geneva: United Nations. (In Russian).]

6. Schwab K. (ed.) The Global Competitiveness Report 2019. Geneva: World Economic Forum, 2019.

7. UNCTAD. World Investment Report 2019. Geneva: United Nations, 2019.

8. Vaidyanathan V. Exploring Trade and Investment Patterns of ASEAN in Africa: Are they limited by the Bigger Asian Powers? // Institute of Chinese Studies Occasional Paper. 2016. No. 13.

9. ВЭФ. Рейтинг стран по качеству дорог. 2019. [WEF (2019). Quality of roads ranking. (In Russian)]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/quality-roads> (дата обращения: 12.02.2021).

10. ООН. Народонаселение. 2020 [UN (2020). Population. (In Russian)]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/> (дата обращения: 12.02.2021).

11. Вьетнам и Африка укрепляют сотрудничество в сфере экономики. НЯНЗАН – центральный орган Коммунистической партии Вьетнама. 6 декабря 2019. URL: <https://nhandan.com.vn> (дата обращения: 12.02.2021).

12. РСМД. АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России. Российский совет по международным делам. 2016. [RIAC (2016). ASEAN. A new round of integration and Russia's position. Russian International Affairs Council. (In Russian)]. URL: www.russiancouncil.ru/asean-russia (дата обращения: 12.02.2021).

13. РСМД. Глобальный прогноз РСМД 2019-2024. Африка. Российский совет по международным делам. 2019. [RIAC (2019). RIAC Global Outlook 2019–2024. Africa. Russian International Affairs Council. (In Russian)]. URL: <https://russiancouncil.ru/2019-africa>. (дата обращения: 12.02.2021).

14. Индонезия продолжит развивать экономические связи с Африкой. 21.12.2018. REGNUM – сайт российского информационного агентства и интернет-издания. URL: <https://regnum.ru/news> (дата обращения: 12.02.2021).

15. AFDB. East Africa Economic Outlook 2019. African Development Bank Group. 2019. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/REO_2019_-_East_Africa_.pdf (accessed: 12.02.2021).

16. AFDB. African Economic Outlook 2020. African Development Bank Group. 2020. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2020> (accessed: 12.02.2021).

17. ASEAN. ASEAN official website. 2020. URL: <http://www.asean.org> (accessed: 12.02.2021).

18. ASEAN Today. Indonesia strengthens its presence in Africa through deeper economic ties. ASEAN Today. March 21, 2019. URL: <https://www.aseantoday.com/2019/03/indonesia-strengthens-its-presence-in-africa-through-deepening-economic-ties/> (accessed: 12.02.2021).

19. AU. African Union official website. 2020. URL: <https://au.int/en> (accessed: 12.02.2021).

20. Blas J., Grant J. Temasek widens its Africa footprint. The Financial Times. 2014. URL: <https://www.ft.com/content/376372ba-c3e9-11e3-b2c3-00144feabdc0> (accessed: 12.02.2021).

21. Ebatamehi S. Top 10 Most Developed Countries in Africa 2020. The African Exponent. February 7, 2020. URL: <https://www.africanexponent.com/post/7014-10-mostdeveloped-countries-in-africa-2020> (accessed: 12.02.2021).

22. Seven Energy. Gas to light up Nigeria. Corporate presentation. 2016. URL: <http://www.sevenenergy.com/~media/Files/S/Seven-Energy/reports-and-presentations/2016/corporate-presentation-june2016.pdf> (accessed: 12.02.2021).

23. Steinecke T. Malaysia – Africa’s Silent Partner. The Diplomat. May 30, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/05/malaysia-africas-silent-partner/> (accessed: 12.02.2021).

24. Tarrosy I. Thailand’s Engagement With Africa. The Diplomat. February 28, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/thailands-engagement-with-africa/> (accessed: 12.02.2021).

25. UN. 2019 Human Development Index Ranking. United Nations Development Programme. 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (accessed: 12.02.2021).

26. UN. The United Nations official website. 2020. URL: <http://www.un.org> (accessed: 12.02.2021).

27. World Bank. Gross Domestic Product 2019. World Development Indicators database, World Bank, July 1, 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (accessed: 12.02.2021).

28. Ventures Africa. TEMASEK: Africa’s Emerging Economic Ally. Ventures Africa, August 15, 2014. URL <http://venturesafrica.com/temasek-africas-emerging-economic-ally/> (accessed: 12.02.2021).

29. Вьетнам и страны Ближнего Востока и Африки: большой потенциал сотрудничества. 09.09.2019. VOVWORLD – сайт радио «Голос Вьетнама». URL: <https://vovworld.vn> (дата обращения: 12.02.2021).

30. WPR. Muslim Population By Country 2020. World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country> (accessed: 12.02.2021).

31. Индонезийско-африканский диалог по развитию инфраструктуры пройдет на Бали. 12.08.2019. REGNUM – сайт российского информационного агентства и интернет-издания. URL: <https://regnum.ru/news> (дата обращения: 12.02.2021).

32. Индонезия поощряет участие Африканского союза в диалоге по инфраструктуре. 13.08.2019. REGNUM – сайт российского информационного агентства и интернет-издания. URL: <https://regnum.ru/news> (дата обращения: 12.02.2021).

33. Индонезия и страны Африки подписали соглашения на сумму \$822 млн. 21.08.2019. REGNUM – сайт российского информационного агентства и интернет-издания. URL: <https://regnum.ru/news> (дата обращения: 12.02.2021).

34. Вьетнам таймс. 31.07.2020.

А.Ю. Шарова

ИНВЕСТИЦИИ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКУ АФРИКИ В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД

Обеспечение всеобщего доступа к энергии является одним из мировых вызовов современности и входит в число 17 целей ООН в области устойчивого развития (ЦУР) и преобразования нашего мира к лучшему [1]. Страны Африки, и в особенности страны Африки южнее Сахары (АЮС), значительно отстают от других регионов мира по количественным показателям охвата населения электроэнергией и ее потребления. Несмотря на то что с 2013 г. численность населения Африки, не имеющего доступа к электроэнергии, начала снижаться (в основном за счет достигнутых успехов в Кот-д'Ивуаре, Эфиопии, Гане, Кении, Судане и Танзании), темпы этого снижения недостаточные. С 2000 г. доступ к электроэнергии получили 200 млн человек, что немногим больше естественного прироста населения за тот же период.

По данным на 2017 г., более 600 млн человек в Африке, или 48 % всего населения, не охвачены электроэнергией, что делает этот континент наименее электрифицированным регионом мира (для сравнения: в развивающихся странах Азии этот показатель достиг 91 %, на Ближнем Востоке – 92 %, в Центральной и Южной Америке – 96 %). Более 80 % неохваченных электроэнергией африканцев проживают в сельской местности, где электрифицировано только 36 % населения, в то же время в городе этот показатель составляет 74 %. В Тропической Африке эти показатели еще ниже: 28 и 67 % соответственно [2].

Безусловно, страны Африки и ее субрегионы достаточно сильно дифференцированы по рассматриваемому показателю. Наиболее благополучными являются страны Северной

Африки, где обеспечен 100%-ный доступ в городах, и 99%-ный – в сельской местности. Аналогичные показатели в 2017 г. были зафиксированы на Маврикии и Сейшельских островах. Более 80 % населения было электрифицировано в Экваториальной Гвинее, Габоне, Гане, Кабо-Верде, ЮАР, в то время как в остальных странах охват населения электроэнергией не превышал 50 %. Наиболее сложная ситуация сложилась в Центральной Африканской Республике (ЦАР), Чаде, Южном Судане, Гвинее-Бисау, Либерии.

Не менее острой на Африканском континенте остается проблема доступа населения к чистым и экологически безопасным источникам топлива для приготовления пищи (*clean cooking access*): в 2017 г. только 17 % африканцев имели такой доступ. Более 890 млн человек используют твердую биомассу (дрова, древесину, сельскохозяйственные отходы, древесный уголь) ежедневно для приготовления пищи. Быстрые темпы роста населения (примерно 2,5 % в год) привели к тому, что почти на 275 млн больше африканцев, чем в 2000 г., в настоящее время не имеют доступа к чистым источникам топлива [3]. Сложившаяся ситуация наносит вред здоровью населения: ежегодно приблизительно 600 тыс. преждевременных смертей наступают в результате загрязнения воздуха в домах, а также являются причиной вырубки лесов: в период с 1990 по 2015 г. площадь африканских лесов сократилась на 12 %.

Отсутствие доступа к электроэнергии является не единственной проблемой в этой отрасли в Африке южнее Сахары. В то время как около двух третей населения не имеют доступа вообще, оставшаяся треть, получившая его, страдает от ненадежности энергоснабжения и его низкого качества: нередки случаи отключения электроэнергии и перебои в электроснабжении в строго определенные часы в течение суток. Более 30 африканских государств испытывают постоянные перебои с подачей электроэнергии, что вынуждает предприятия устанавливать дорогостоящие и зачастую неэффективные

дополнительные источники питания. Перебои также влекут за собой серьезные потери, связанные с повреждением оборудования, нарушением производственной деятельности, нереализованной продукцией, оцениваемые в 6–16 % годового оборота компаний, не имеющих резервного источника снабжения [4]. Доступ к электроэнергии и ее качество, определяемое рядом показателей, имеет важное значение не только для коммерческого и коммунально-бытового секторов, но и промышленного развития стран и регионов мира [5]. Общие экономические издержки также велики: согласно подсчетам специалистов, отключения электроэнергии могут снижать ежегодные темпы роста душевого ВВП на не более **чем** 4 процентных пункта [6].

В среднесрочной перспективе проблема нехватки электроэнергии на Африканском континенте полностью не разрешится, а возможно, будет иметь тенденцию к усугублению при существующих подходах. Это обусловлено тем, что два важнейших фактора, влияющих на увеличение спроса на электроэнергию, – рост населения и развитие экономики – продолжатся в ближайшем будущем.

В 2018 г. спрос на электроэнергию в Африке достиг ориентировочно 705 млрд кВт·ч (что эквивалентно пятой части спроса на электроэнергию в Европе в том же году), увеличившись почти на четверть по сравнению с 2010 г. (560 млрд кВт·ч), и составлял чуть более 3 % мирового показателя, при том что на континенте проживает почти пятая часть населения мира. На страны Северной Африки и ЮАР приходилось почти три четверти регионального спроса на электроэнергию, 42 и 30 % соответственно. Спрос на электроэнергию в Африке растет, однако темпы роста в среднем в два раза ниже, чем в развивающихся странах Азии: среднегодовые темпы составляли 3 % в период 2010–2018 гг. [7]. Ожидается, что спрос на электроэнергию на Африканском континенте возрастет в 2 раза в период с 2010 по 2030 г. и почти в 3 раза в период с 2030 по 2050 г. Чтобы удовлетворить

прогнозируемый спрос, установленные мощности должны увеличиться на 35–50 МВт к 2020 г., 110–160 МВт к 2030 г., 270–400 МВт к 2040 г. и 500–900 МВт к 2050 г. [8].

Ключевым фактором в удовлетворении прогнозируемого растущего спроса на электроэнергию в Африке является финансирование. Именно от его объемов, механизмов привлечения и эффективности использования во многом зависит перспектива преодоления проблем энергодефицита на континенте, экономической отсталости и улучшения жизни населения. Учитывая серьезность сложившейся ситуации и объем необходимых инвестиций, международное сообщество признало необходимость совместных действий по вопросу электрификации **Африканского** континента. В настоящее время функционирует не менее 60 международных инициатив, направленных на развитие его энергетического сектора [9]. Международные институты, такие как международные организации, многосторонние банки развития, национальные агентства развития, а также отдельные государства играют решающую роль в финансировании и повышении электрификации государств АЮС.

Объем вложенных инвестиций в энергетический сектор¹ Африки в 2018 г. достиг 43,8 млрд долл. США, что является самым большим показателем в истории и на 67 % больше усредненного показателя за 2015–2017 гг. Среди всех отраслей инфраструктуры энергетика привлекла наибольший объем капиталовложений – 44 % суммарного показателя, обогнав транспорт (обычно указанные два сектора делят между собой первые два места). Рост рассматриваемого показателя почти в два раза по сравнению с предыдущим годом (24,7 млрд долл. США в 2017 г.) произошел за счет резкого

¹ В приводимых статистических данных под энергетическим сектором понимается производство, передача и распределение электрической энергии и газа, однако газовая отрасль привлекает не более 10 % суммарного показателя, поэтому с небольшой долей условности показатели по энергетическому сектору можно приравнять к показателям по электроэнергетике.

увеличения инвестиций из Китая (18,3 и 9 млрд соответственно), которые были направлены в том числе на два крупных проекта в области электроэнергетики: строительство гидроэлектростанции (ГЭС) «Мамбила» (*Mambila*) в Нигерии мощностью 3050 МВт [10], финансируемое за счет кредита КНР в размере 5,8 млрд долл. США, и угольной теплоэлектростанции (ТЭС) «Хамравейн» (*Hamrawein*) в Египте мощностью 6600 МВт и стоимостью 4,4 млрд долл. США [11]. После сдачи в эксплуатацию эта электростанция станет второй в мире по мощности угольной станцией (после ТЭС «Тогто» (*Tuoketuo*) в Китае мощностью 6700 МВт).

В 2018 г. Китай стал крупнейшим инвестором в энергетический сектор Африки, его доля составила почти 42 %. Далее следовали члены международного Инфраструктурного консорциума для Африки, ИКА (*Infrastructure Consortium for Africa*) – 23 % (10,1 млрд долл. США), африканские национальные правительства – 17,5 % (7,7 млрд), частные инвесторы – 14,3 % (6,3 млрд), прочие дву- и многосторонние соглашения – 3,2 % (1,4 млрд).

Нестрогое сравнение динамики объемов инвестиций в энергетический сектор Африки за 2013–2018 гг. с аналогичными показателями за 1990–2013 гг. [12] позволяет сделать ряд важных выводов: 1) смена основных источников инвестиций – в предыдущем периоде важнейшим инвестором в энергетический сектор Африки выступали национальные правительства (до 50 %); 2) частный капитал играл более значительную роль в развитии энергетической инфраструктуры (до четверти всех инвестиций); 3) колоссальный рост китайских инвестиций, начатый в 2001 г.

В 2018 г. все основные инвесторы в энергетический сектор Африки, за исключением прочих источников финансирования, увеличили объем капиталовложений по сравнению с предыдущим годом: частные инвесторы в 3 раза, Китай и члены ИКА – в 2 раза, национальные правительства – почти на 40 %. Объем суммарных инвестиций в энергетику Африки

также демонстрирует устойчивый тренд к росту за последние 5 лет, и, тем не менее, вопрос о его достаточности для преодоления энергетической отсталости континента остается открытым и дискуссионным. Согласно оценкам специалистов Инфраструктурного консорциума для Африки, для обеспечения 100%-ного доступа к электроэнергии в городах и 95%-ного в сельской местности не хватает от 5 до 50 млрд долл. США инвестиций ежегодно [13]. По расчетам МЭА, разрыв в объеме вложенных и необходимых в 2018 г. инвестиций в производство электроэнергии в Африке составил не менее 30 млрд долл. США [14]. Представленные прогнозы и оценки ставят под серьезное сомнение достижение Седьмой цели ООН в области устойчивого развития, а именно обеспечение всеобщего доступа к чистым источникам энергии.

Среди членов ИКА основными инвесторами в энергетический сектор Африки являются: группа Всемирного банка – в 2018 г. ее капиталовложения достигли почти 4,7 млрд долл. США, или 10,7 % суммарного показателя; Африканский банк развития – 1,4 млрд, или 3,2 %; Франция и Германия – по 1 млрд, или 2,3 %. В этой группе можно также выделить Европейский инвестиционный банк, ЮАР, Японию и США. Прочие источники финансирования включают в себя различные международные организации, фонды и банки, такие как Арабская координационная группа (*Arab Coordination Group*), Европейский банк реконструкции и развития, Фонд международного развития ОПЕК, Новый банк развития БРИКС, Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк (*Asian Infrastructure Investment Bank*) и др., а также двусторонние соглашения с Голландией, Норвегией, Бельгией, Австрией и т.д. [13].

Таким образом, развитие электроэнергетики Африки во многом зависит от внешних источников финансирования, и борьба между различными заинтересованными участниками за перспективные рынки Африки усиливается в последние годы. Однако масштаб проблемы энергетической отсталости

континента, а также небольшой прогресс, достигнутый в ее решении, свидетельствуют о том, что рассматриваемый рынок насыщен неполностью и что у России есть еще шансы занять на нем свою нишу. На данный момент наиболее заметным проектом РФ в Африке является строительство АЭС «эд-Дабаа» в Египте мощностью 4800 МВт и стоимостью 30 млрд долл. США при участии российской корпорации «Росатом». При благополучном сценарии развития и взвешенной политике Россия могла бы расширить и упрочить свои позиции на Африканском континенте.

Пандемия коронавирусной инфекции *COVID-19*, объявленная в 2020 г., безусловно, скажется на мировых финансовых потоках и, следовательно, заметно отразится на развитии энергетического сектора Африки, сильно зависящего от внешнего финансирования. В настоящее время ситуация с распространением вируса до сих пор находится в высокой степени неопределенности (т.н. «вторая волна», возвращение карантинных мер, возобновление международного авиасообщения, восстановление экономик, меры государственной поддержки и т.д.), однако уже сейчас можно и необходимо дать первые прогнозы относительно влияния *COVID-19* на перспективы развития электроэнергетики Африки.

Мировые энергетические рынки в постковидный период будут значительно отличаться. Характер и направленность этих изменений варьируются в зависимости от технологии производства электроэнергии, источника энергии (ископаемое топливо или возобновляемые источники), также имеются страновые особенности, связанные с режимом карантина, его длительностью и осуществляемыми мерами поддержки компаний.

В период самоизоляции спрос на электроэнергию в среднем сократился на 20 % (и более в ряде стран), несмотря на его повышение в коммунально-бытовом секторе, являющемся основным потребителем электроэнергии в большинстве государств. Однако этот прирост был заметно меньше сокращения

спроса со стороны вынужденных приостановить свою деятельность коммерческих и промышленных потребителей. Падение спроса оказало косвенное влияние на соотношение мощностей в топливно-энергетических балансах. Доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в генерации электроэнергии увеличилась, поскольку их выработка в большей степени зависит от других факторов (в первую очередь от погодных условий), нежели от спроса. Доля других источников энергии, включая уголь, газ и атомную энергию, сократилась. Ожидается, что к концу 2020 г., по результатам всего года, доля ВИЭ в структуре генерации значительно увеличится, и за ВИЭ окончательно закрепится лидирующая позиция в мировом производстве электроэнергии, зафиксированная в 2019 г.

В условиях падения спроса на электроэнергию в мире и из-за суммарной избыточности генерирующих мощностей на многих мировых рынках сокращение инвестиций в отрасль становится естественным и даже необходимым ответом рынка. При этом влияние на объемы капиталовложений происходит на двум направлениям: снижение доходов и соответственное снижение расходов; практическое нарушение инвестиционной деятельности, вызванное ограничениями на перемещение людей и товаров, сбоями в поставках оборудования и нарушениями производственных цепочек.

Скорость и масштабы падения инвестиционной активности в электроэнергетике в первой половине 2020 г. беспрецедентны. Согласно прогнозам, суммарный объем инвестиций в отрасли сократится примерно на 10 %. В начале же года ожидалось, что рассматриваемый показатель увеличится на 2 % и станет самым высоким с 2014 г. Инвестиции в энергетические проекты на ископаемых видах топлива будут более уязвимыми и продемонстрируют большее падение, нежели проекты ВИЭ. Вложения в угольные электростанции в 2020 г. сократятся на 11 % (в основном за счет проектов в Азиатском регионе), в газовые – на 15 %, в возобновляемую энергетику –

на 10 %, в энергетические сети и системы – приблизительно на 9 % по сравнению с предыдущим годом [15]. Тем не менее представленные прогнозы еще не делают 2020 г. переломным моментом для перераспределения инвестиций в сторону возобновляемой энергетики и полного перехода на экологически чистую энергию. Вложения в ВИЭ, несмотря на развитие технологий и снижение стоимости, до сих пор не обладают всеми характеристиками, необходимыми инвесторам для такого перераспределения, с точки зрения рыночной капитализации, дивидендов и общей ликвидности.

Снижение инвестиций будет наиболее ощутимо в развивающихся странах, в том числе в государствах Африки, где электроэнергетика имеет в основном вертикально-интегрированную структуру, а предприятия отрасли находятся в государственной собственности и испытывали финансовые трудности уже до мировой пандемии (например, компания *Eskom* в ЮАР).

Тем не менее спад инвестиционной активности, наблюдаемый уже в первой половине 2020 г., может оказаться непропорциональным шоку спроса и будет иметь отложенный эффект, связанный с долгосрочным характером осуществления энергетических проектов. Влияние сегодняшнего сокращения капиталовложений станет более ощутимым через несколько лет, когда мир достигнет стадии восстановления и столкнется с масштабной нехваткой генерирующих мощностей.

Кроме того, даже до кризиса, вызванного пандемией, во многих регионах мира наблюдался дефицит инвестиций в электроэнергетику, и Африка – яркий пример такого региона, что было показано ранее. Кризис может еще сильнее углубить данный разрыв, что ставит под еще большее сомнение достижение Седьмой цели ООН в области ЦУР, а именно обеспечения всеобщего доступа к чистым источникам энергии.

Политика правительств будет играть решающую роль в смягчении кризиса, вызванного пандемией COVID-19, а именно том, в какой степени инвестиции в электроэнергетику

и проблемы устойчивости этого важнейшего сектора хозяйства включены в меры по постковидному восстановлению. Переживаемый в настоящее время мировой кризис может как усугубить ситуацию в отрасли, так и вывести ее на новый виток развития.

Литература

1. Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development A/RES/70/1 // UN General Assembly. 2015. URL: <http://www.refworld.org/docid/57b6e3e44.html> (accessed: 25.06.2020).
2. Energy Access Outlook 2017: from Poverty to Prosperity // International Energy Agency (IEA) Publications, Paris, France. 140 p.
3. Sustainable Development Goal 7: Access to clean cooking // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/sdg/cooking/> (accessed: 25.06.2020).
4. Nawaal Gratwick K., Eberhard A. An analysis of independent power projects in Africa: understanding development and investment outcomes // Development Policy Review. 2008. Vol. 26, Issue 3, pp. 309-338. DOI: 10.1111/j.1467-7679.2008.00412.x.
5. Haselip J., Desgain D., Mackenzie G. Non-financial constraints to scaling-up small and medium-sized energy enterprises: Findings from field research in Ghana, Senegal, Tanzania and Zambia // Energy Research and Social Science. 2015. Vol. 5. P. 78–89. DOI: 10.1016/j.erss.2014.12.016.
6. Oseni M.O. Households' access to electricity and energy consumption pattern in Nigeria // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2012. Vol. 16. Issue 1. P. 990–995. DOI: 10.1016/j.rser.2011.09.021.
7. Africa Energy Outlook 2019. International Energy Agency (IEA) Publications, Paris, France. 287 p.
8. Trotter P.A., Abdullah S. Re-focusing foreign involvement in sub-Saharan Africa's power sector on sustainable development // Energy for Sustainable Development. 2018. Vol. 44. P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esd.2018.03.003>.

9. Tagliapietra S., Bazilian M. The role of international institutions in fostering sub-Saharan Africa's electrification // The Electricity Journal. 2019. Vol. 32. Issue 2. P. 13–20. DOI: 10.1016/j.tej.2019.01.016.

10. См. подробнее о проекте: Nigeria announces \$5.8 billion deal for record-breaking power project // CNN, 15.09.2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/09/14/africa/nigeria-china-hydropower/index.html> (accessed: 17.07.2020).

11. См. подробнее о проекте: China consortium wins contract for Egypt coal power plant // Xinhuanet, 03.09.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_137441424.htm (accessed: 17.07.2020).

12. Streatfeild J. Investment in Africa's Electricity Sector: A Historical Overview and a Way Forward // Journal of International Commerce and Economics. 2018 URL: <https://www.usitc.gov/journals> (accessed: 05.07.2020).

13. Infrastructure Financing Trends in Africa 2018 // The Infrastructure Consortium for Africa, Abidjan, Côte d'Ivoire, 80 p.

14. World Energy Investment 2019 // International Energy Agency (IEA). URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2019/power-sector#abstract> (accessed: 29.07.2020).

15. World Energy Investment 2020 // International Energy Agency (IEA). URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2020> (accessed: 29.07.2020).

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

DOI: 10.22363/

Д.В. Кузьмин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Введение

Процессы региональной экономической интеграции для Африки чрезвычайно актуальны. Более того, по мнению ряда исследователей [2; 4; 9], а также международных экономических организаций [11], они становятся все более важными в силу нескольких причин.

Во-первых, Африка на протяжении длительного периода – фактически с 1960 г. – года Африки (ознаменовавшегося освобождением большинства стран континента от колониальной зависимости), остается наиболее маргинальным игроком в мировой торговле и мировой экономике. При этом некоторые исследователи утверждают, что это положение сохраняется вследствие целенаправленной политики государств Запада, направленной на ограничение поступления на мировой рынок товаров с относительно высокой степенью обработки из Африки [3].

Во-вторых, страны континента сохраняют высокую степень зависимости от глобальных торговых процессов. Так, на Африку негативно повлиял глобальный экономический кризис 2008 г. и его последствия, а также мировая рецессия

2014–2016 гг. Региональная торговля может содействовать снижению уязвимости континента от внешних факторов.

Наконец, еще одна причина актуализации интеграционных тенденций для Африки заключается в том, что внутриафриканская торговля, определяемая как среднее значение внутриафриканского экспорта и импорта, колебалась в период 2015–2018 гг. на уровне около 15,2 %, в то время как сравнительные показатели для других континентов – Америки, Азии, Европы и Океании – составляли соответственно 47,4; 61,1; 67,1 и 7,2 %. Следовательно, Африка, наряду с Азией, представляет собой континент с растущими – с 2008 г. – объемами внутрирегиональной торговли.

1. Методология

В работе проведен анализ региональной экономической интеграции в Восточноафриканском Сообществе (ВАС). Для проведения анализа автор использовал методы анализа и синтеза, статистического анализа основных макроэкономических показателей, в том числе ВВП, товарооборота, экспорта и импорта стран ВСА в 2000–2018 гг. Метод сравнений статистических данных за исследуемый период дал возможность выявить устойчивые тенденции во внешней торговле стран ВАС. Автор использовал статистические данные из международной базы ЮНКТАД. Также автор использовал метод научной абстракции в данном исследовании.

В данной статье внимание автора концентрируется на перспективах развития интеграционных процессов в ВАС, но отмечаются и проблемы интеграционного процесса. В интеграционном процессе ВАС автор не рассматривает Южный Судан, потому что страна присоединилась к ЕАС лишь в 2016 г.

2. Результаты

История интеграции в Африке прошла длительный путь, зародившись в конце XIX и начале XX в., когда идея panaфриканизма развивалась как ответ на колониализм и расизм. Вначале, в 1900–1945 гг., была организована серия panaфриканских конгрессов, чтобы обеспечить платформу для обсуждения среди черных лидеров, интеллектуалов и членов африканской диаспоры.

Одной из основных тем был призыв к «единству Африки», не столько в смысле экономической или политической интеграции, но более – в идеологической и культурной солидарности. «Налицо новый импульс к установлению более тесных экономических и политических связей между многочисленными странами континента, основанных на более глубоком понимании необходимости региональной интеграции и более четком понимании прошлых неудач. Политическое освобождение и деколонизация были объединяющей идеологией, на которой экономическая интеграция и единство нашли свое красноречивое выражение в 1960-х гг. С обретением независимости несколькими африканскими государствами и последующим созданием множества интеграционных механизмов все Panaфриканские конференции особенно недвусмысленно выступали за освобождение Африки во всестороннем смысле с настоятельным призывом к экономическому сотрудничеству как основе экономических и политических преобразований» [10].

Этот период имел большое значение для последующей истории африканской интеграции, так как именно в это время начали развиваться основные идеи, на которых воспитывались и воспитываются целые поколения африканских лидеров.

Таким образом, главной движущей силой африканской интеграции в 1950-х и 1960-х гг. было panaфриканское движение, призывающее к объединению для обретения

независимости африканских государств и окончанию колониализма. Первым государством к югу от Сахары, получившим независимость в 1957 г., была Гана, и к концу 1963 г. примерно 80 % африканских государств были освобождены от колониального господства [1].

В 1963–1970-х гг. идеи интеграции в Африке были реализованы в виде создания 32 странами континента Организации Африканского Единства (ОАЭ). Общая тема деколонизации и освобождения для африканских государств помогла сблизить сторонников различных взглядов, сосредоточив внимание на общей цели.

Одним из наиболее успешных интеграционных объединений в Африке традиционно считается Восточноафриканское сообщество (ВАС) [11]. Договор о создании Восточноафриканского сообщества (как таможенного союза) был подписан 30 ноября 1999 г. и вступил в силу 7 июля 2000 г. после его ратификации тремя государствами-основателями: Кенией, Объединенной Республикой Танзания и Угандой (The Treaty). Руанда и Бурунди присоединились к Договору о ВАС 18 июня 2007 г. и стали полноправными членами сообщества 1 июля 2007 г. Южный Судан присоединился к договору 15 апреля 2016 г. и стал полноправным членом 15 августа 2016 г. [5]. Основной целью ВАС провозглашалось развитие взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами в экономической, политической, социальной и культурной сферах, в исследованиях и технологиях, обороне, безопасности, а также правовых и судебных вопросах [15].

Таким образом, в 2020 г. ВАС исполнится 20 лет. Каковы же результаты интеграционных процессов?

Эти результаты охватывают как внутривосточные, так и региональные процессы – социальные, экономические, торговые.

Прежде всего, следует отметить, что совокупный ВВП стран ВАС вырос за 2000–2018 гг. с 56 303 до 157 006 млн долл. США, то есть в 2,8 раза, и рост этот достаточно устойчив

у всех стран. Экономики Руанды, за которой следуют Танзания и Уганда, и в меньшей степени Кения, имели в 2000–2018 гг. наиболее высокие темпы экономического роста (рис. 1) – соответственно 3,6; 3,2; 3,1 и 2,4 раза.

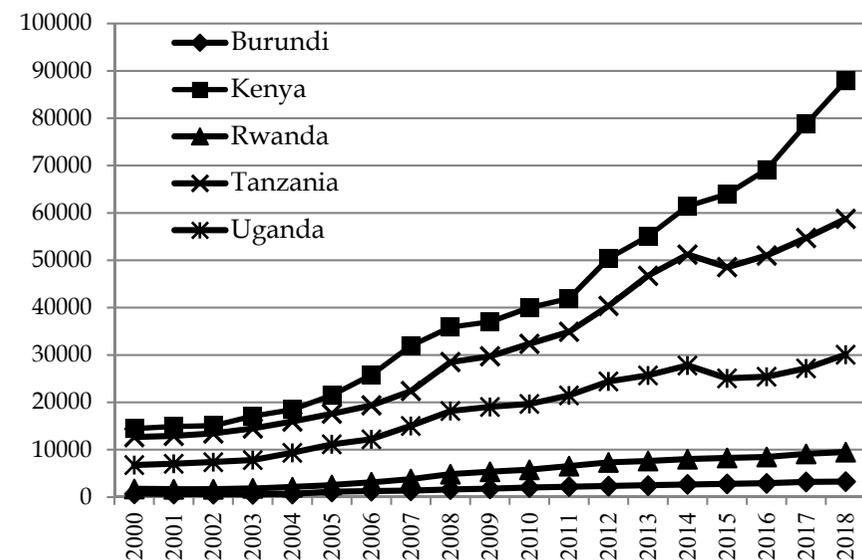

Рис. 1. Динамика ВВП в странах ВАС в 2000–2018 гг., млн долл. США по текущему курсу и в текущих ценах
Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

Бурунди, несмотря на политические и экономические конфликты и кризисы, также удалось увеличить стоимостной объем ВВП за рассматриваемый период в 1,7 раза (см. рис. 1). Таким образом, Кения и Танзания остаются крупнейшими экономиками в ВАС.

Высокие показатели экономического роста в Восточной Африке в последние годы стали результатом различных макроэкономических мер, включая улучшение управления валютными курсами, сокращение внешней задолженности, сокращение бюджетного дефицита и сдерживание инфляции,

трансформации отраслевой структуры национальных экономик.

Исследование показывает, что за истекший период отраслевая структура экономик стран ВАС сместилась от сельского хозяйства в сторону сферы услуг и – в меньшей степени – промышленности. Таким образом, траектория развития ВАС, как это характерно для Африки, не переходит от сельского хозяйства к промышленности, а затем к услугам, как это характерно для азиатских развивающихся стран [12], а в большей степени соответствует модели трансформации региональной экономики Союза сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [13].

Положительная хозяйственная динамика обеспечила устойчивый рост реального ВВП на душу населения – несмотря на устойчивые темпы роста населения во всех странах ВАС за тот же период, за исключением Бурунди (рис. 2).

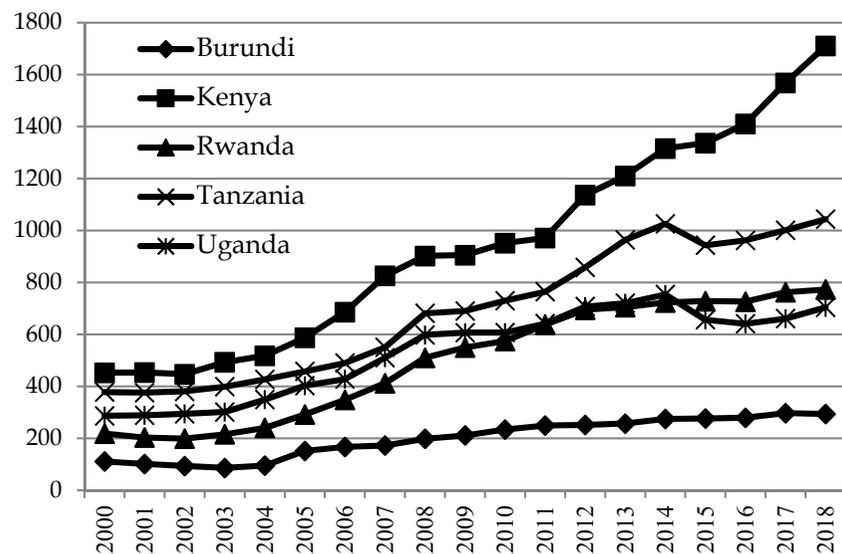

Рис. 2. Динамика подушевых доходов в странах ВАС в 2000–2018 гг., долл. США по текущему курсу и в текущих ценах
Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

В 2018 г. ВВП на душу населения в Кении традиционно оказался наиболее высоким (это единственная страна, у которой данный показатель выше среднего по объединению) – 1639 долл. США, 2-е место по этому показателю у Танзании – 1041 долл. США.

Для стран ВАС характерна высокая инфляция, сохраняющая «рваный» темп (рис. 3), причем в 2016 г. в связи с падением цен на мировом рынке нефти и глобальной депрессией уровень среднегодовой инфляции в ВАС повысился почти до 40 %. Динамика эта существенно различается по странам, что подтверждает вывод о высокой степени дифференциации их социально-экономических показателей.

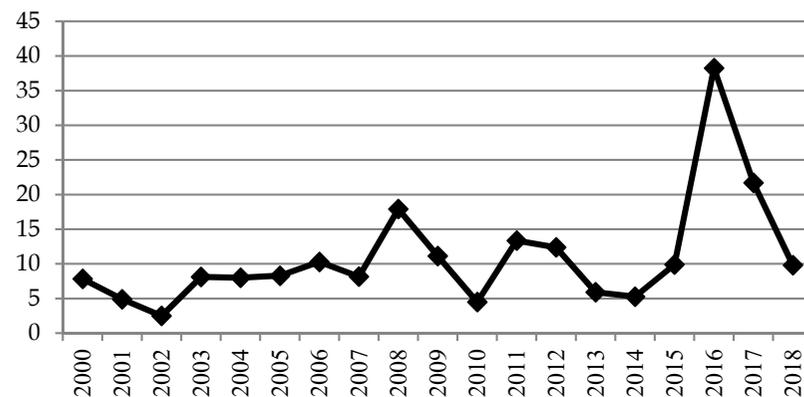

Рис. 3. Среднегодовые темпы роста цен в ВАС в 2000–2018 гг., %
Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

Анализ представленных данных позволяет говорить о высокой степени зависимости стран региона от внешних факторов (глобальный кризис 2008 г., изменения цен на мировом рынке энергоносителей в 2014–2016 гг., мировая рецессия 2017–2018 гг. и т.д.). Стабилизирующим фактором служит сдерживающая макроэкономическая политика национальных государств на основе кейнсианских идей. Важную роль сыграли также реформы в области экономической политики,

направленные на повышение конкурентоспособности частного сектора (при этом наибольшие успехи были достигнуты в Руанде).

Все это, как и сокращение внешнего долга, позволяет государствам более активно привлекать иностранные инвестиции, хотя рост ПИИ отмечается. Эти потоки весьма нестабильны и в высшей степени неравномерно распределяются между странами. Наиболее устойчивым получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВАС остается Руанда, а наиболее крупным – Кения (рис. 4).

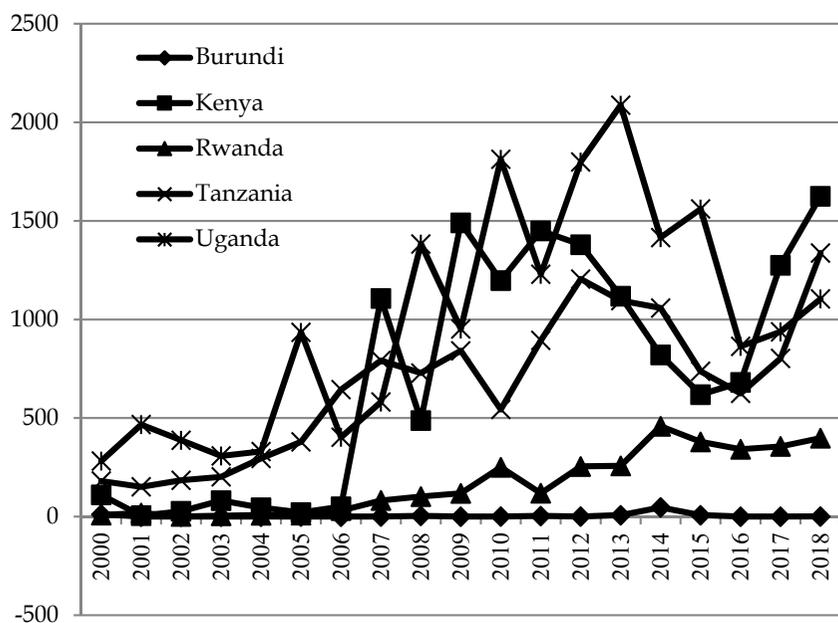

Рис. 4. Приток ПИИ страны ВАС в 2000–2018 гг., млн долл. США по текущему курсу и в текущих ценах
 Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

ПИИ в ВАС в последнее десятилетие все больше используются странами для реализации инфраструктурных проектов, уровень развития которых весьма затрудняет не только устойчивый рост, но и интеграционные процессы [14].

Анализ внешнеторговых процессов стран ВАС показывает их столь же значительную дифференциацию (рис. 5 и 6), хотя и существенно менее заметные колебания в стоимостном объеме экспорта и импорта.

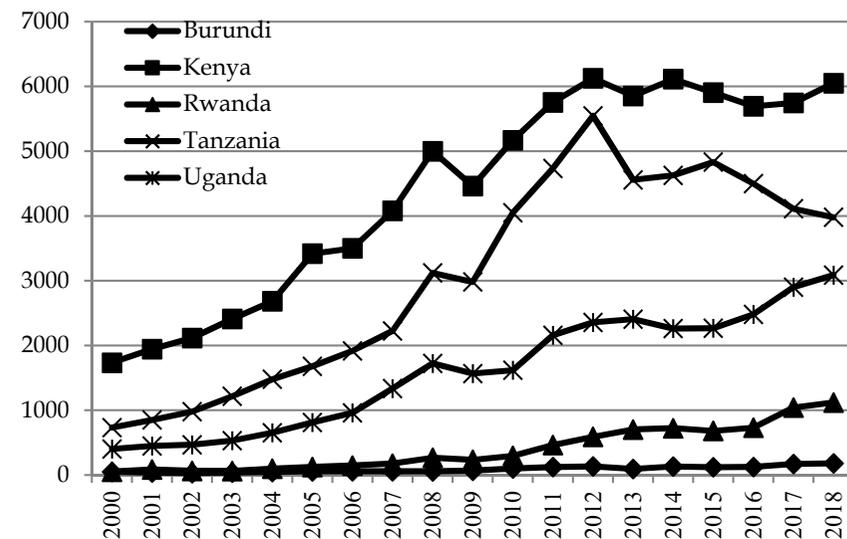

Рис. 5. Динамика экспорта стран Восточноафриканского сообщества в 2000–2018 гг., млн. долл. США в текущих ценах по текущему курсу
 Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

Как видно из представленных на рис. 5 и 6 данных, Кения выступает безусловным лидером по объемам внешней торговли, а 2-е место в блоке по этому показателю занимает Танзания. Это обстоятельство достаточно серьезно упрочивает и стабилизирует их социально-экономическую динамику.

Таким образом, можно говорить о сохраняющейся социально-экономической и внешнеэкономической дифференциации стран ВАС, которая уже имеет характер зафиксированной. И хотя уровень бедности в целом значительно снизился, неравенство между странами – партнерами ВАС остается высоким [3], что означает и неравномерное распределение выгод от экономического сотрудничества среди отдельных членов сообщества. Это актуализирует исследования проблем развития интеграционных процессов и их влияние на торговые потоки.

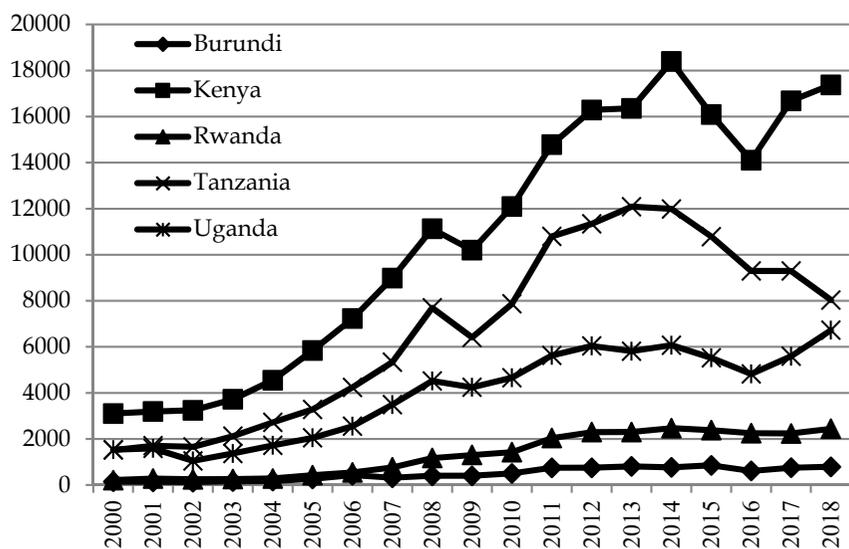

Рис. 6. Динамика импорта стран Восточноафриканского сообщества в 2000–2018 гг., млн долл. США в текущих ценах по текущему курсу
Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

Как уже отмечалось, ВАС был создан как *Customs Union*, который был сформирован в целом к 2005 г. Соответственно, государства – партнеры ВАС договорились о либерализации торговли (или нулевой пошлины) товарами между собой. Они согласовали общий внешний тариф, применяемый к импорту

из третьих стран. Товары, свободно перемещающиеся в пределах таможенного союза, должны соответствовать правилам происхождения ВАС и определенным положениям протокола о создании Таможенного союза Восточноафриканского сообщества [6].

Common Market ВАС, действующий с 2010 г., соответствует положениям Договора о ВАС. Это вторая региональная интеграционная веха после Таможенного союза, который стал полноценным в январе 2010 г. «Общий рынок подразумевает, что государства – партнеры ЕАС придерживаются либеральной позиции в отношении свободы передвижения всех факторов производства [7]. Создание Общего рынка содействовало росту внутриблоковой торговли (рис. 7).

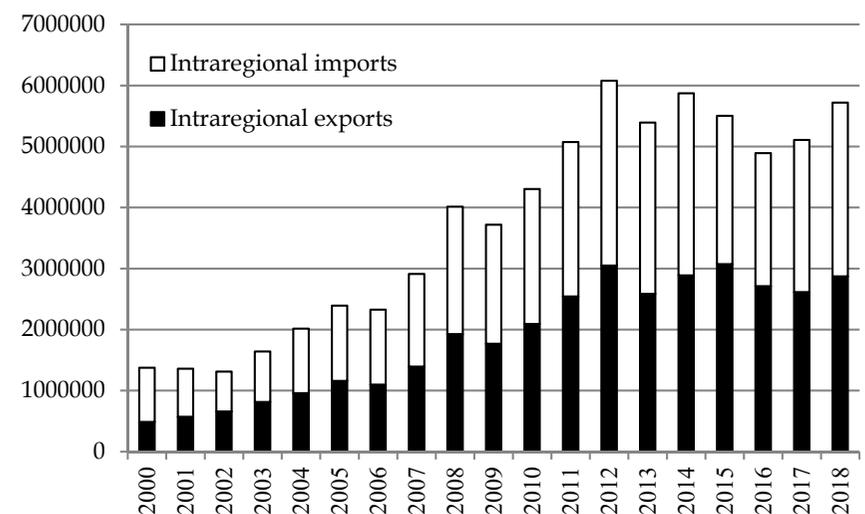

Рис. 7. Внутриблоковая торговля ВАС в 2000–2018 гг., млн долл. США по текущему курсу и в текущих ценах
Источник: составлено по данным ЮНКТАД [8; 16]

Как видно из графиков на рис. 7, объем внутриблоковой торговли в ВАС заметно растет. Совокупный внутриблоковый товарооборот ВАС за исследуемый период увеличился

с 1374,646 до 5718,847 млн долл. США, то есть в 4,16 раза. Его динамика тоже «рваная» – в соответствии с мировыми тенденциями.

В том числе внутриблочный экспорт вырос в 5,9 раза, а импорт – в 3,2 раза. Это означает, что постепенно развиваются внутриблочная специализация и некоторое экономическое взаимодополнение.

Однако основную часть импорта страны ВАС получают из-за пределов региона, причем значение развитых стран как поставщиков имеет тенденцию к сокращению в пользу таких государств, как Индия и особенно Китай. Основную долю во внешней торговле стран ВАС составляет именно импорт, жизненно необходимый странам ВАС для обеспечения социально-экономического развития. Рост совокупного товарооборота ВАС за исследуемый период составил 5,48 раза (рост несколько ниже внутриблочного), в том числе импорт увеличился в 5,6 раза, а экспорт – в 5,18 раза (также ниже внутриблочного показателя).

Вместе с тем интересно отметить, что доля внутриблочной торговли ВАС составила в 2018 г. 11 % – это достаточно хороший показатель для интеграционного объединения развивающихся стран, если учесть, например, что в ССАГПЗ доля внутриблочной торговли традиционно составляет лишь около 5 %. Проблема в том, что в 2000 г. этот показатель достигал 15 %, то есть за время формирования Общего рынка ВАС как этапа экономической интеграции он сократился. Одной из причин этого мы полагаем в том числе и членство стран ВАС более чем в одном интеграционном блоке. Прежде всего это касается Кении и Танзании – основных «локомотивов» интеграционных процессов в ВАС.

Следует отметить, что все государства ВАС (за исключением Южного Судана) участвуют и в других региональных интеграционных объединениях. Так, Танзания, Руанда и Уганда – члены 2-х, а Бурунди и Кения – 3-х различных интеграционных блоков (в общей сложности 5-ти).

Это обстоятельство, во-первых, в определенной степени затрудняет внутриблочную торговлю в рамках ВАС, не позволяя реализовать имеющийся в этой сфере потенциал в полной мере.

Во-вторых, дублирующее членство стран ВАС в других региональных экономических сообществах указывает на некоторые недостатки существующей конфигурации и остается причиной различных «эффектов экономической интеграции» для отдельных стран – участниц ВАС.

Учитывая различия в степени либерализации тарифов в различных интеграционных объединениях, дублирование членства в них имеет важные последствия с точки зрения различных тарифных ставок, с которыми сталкиваются экспортеры, что потенциально может препятствовать жизнеспособности региональных цепочек создания стоимости или, по крайней мере, формировать их конфигурации неоптимальным образом.

Например, экспорт из ВАС в Египет чая – одного из основных экспортных товаров для многих африканских стран, особенно в Восточной и Южной Африке, – облагается различными тарифами [8]. Это зависит от того, происходит ли экспорт из Кении, которая, как и Египет, является членом *COMESA* (*COMESA – Common Market for Eastern and Southern Africa*), или из Танзании. Кения не только занимает 3-е место в мире по экспорту чая, и ее доля на рынке за тот же период составила примерно 17 %. Чай представляет собой важный товарный экспорт: в 2015–2018 гг. на долю Африки приходилось более 20 % мирового экспорта чая и 12 % импорта. В целом на внутриафриканский рынок приходится примерно 25 % экспорта чая из Африки; остальная часть продается главным образом в Казахстан, Пакистан, Российскую Федерацию, ОАЭ, Великобританию и США. Хотя Кения экспортирует лишь 15 % своего чая в остальную Африку, она является ведущим игроком во внутриафриканской торговле, главным

образом благодаря экспорту в Египет (173 млн долл. США) и в меньшей степени в Нигерию (12 млн долл. США) [8].

Ключевая роль Кении в торговле чаем также обусловлена важностью Момбасы как места проведения долларовых чайных аукционов, где чай из всего субрегиона продается под эгидой восточноафриканской Ассоциации торговли чаем. Более 90% чая, экспортируемого из Руанды и Уганды, и 40 % чая, экспортируемого из Бурунди и Танзании, направляются в Кению, где чай продается на аукционе вместе с отечественной продукцией. Южная Африка также импортирует значительное количество чая из других африканских стран, особенно из Малави, Танзании и Зимбабве. Часть такого импорта предназначена для внутреннего потребления, а часть – для реэкспорта на соседние рынки, часто после смешивания и упаковки.

Как член ВАС и *SADC (Southern African Development Community)*, но не *COMESA*, Танзания подпадает под действие наиболее благоприятствуемого национального тарифа. Аналогичным образом, Бурунди, Танзания, Руанда и Уганда пользуются беспошлинным режимом для африканских наименее развитых стран (НРС) в отношении экспорта в Марокко. В отличие от этого, чай, экспортируемый из Кении, облагается 2,5%-м тарифом. Хотя это и понятно с исторической точки зрения, такого рода диспропорции могут непреднамеренно нарушить бесперебойную работу торговой интеграции в рамках ВАС и создать стимулы для отклонения торговли.

В-третьих, дублирующее членство стран ВАС в других региональных экономических сообществах затрудняет формирование механизма «давления партнеров», то есть их целенаправленного взаимодействия в рамках ВАС для дальнейшего развития интеграционных процессов. Это обстоятельство еще усиливается вхождение в состав ВАС Южного Судана – одной из наименее развитых стран Восточной Африки. И все это ведет не только к ослаблению конфигурации ВАС (так как слабых стран стало больше), но и

к затруднениям в процессе «достраивания» «Общего рынка» ВАС, так как его цели не в полной мере соответствуют интересам всех стран-членов Сообщества.

К этому следует добавить низкий уровень развития рыночных структур, в то время как это необходимо для формирования конкурентных преимуществ и цепочек добавленной стоимости.

Заключение

Таким образом, автором выявлено, что социально-экономические и интеграционные процессы в рамках Восточноафриканского сообщества развиваются устойчиво и неуклонно. Это отразилось как в росте ВВП и доходов на душу населения, так и на внутрирегиональной торговле. Помимо количественных показателей, можно говорить и о качественных изменениях, таких как постепенная трансформация отраслевой структуры стран ЕАС – от преимущественно сельскохозяйственной к сервисной и, в меньшей степени, промышленной. Среди проблем автор выделяет высокую дифференциацию стран по основным социально-экономическим параметрам и низкий уровень развития рыночных структур, а также дублирование членства стран ЕАС в других региональных экономических сообществах. Эти и другие проблемы затрудняют дальнейшее развитие полного общего рынка Восточноафриканского сообщества, в частности, наращивание внутрирегиональной торговли, что требует от Сообщества разработки и реализации более адекватной интеграционной политики.

Литература

1. Ayittey G.B. The United States of Africa: A Revisit // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2010. Vol. 632. October 22, pp. 86–102. URL: <https://doi.org/10.1177/0002716210378988>

2. Gibb R. Regional integration and Africa's development trajectory: Meta-theories, expectations and reality // *Third World Quarterly*. 2009. Vol. 30. No. 4. P. 706–708. URL: <https://doi.org/10.1080/01436590902867136>

3. Clementi F., Fabiani M., Molini V. The Devil is in the Detail: Growth, Inequality and Poverty Reduction in Africa in the Last Two Decades // *Journal of African Economies*. 2019. Vol. 28. No 4. P. 407–433.

4. Dapaah-Agyemang J. Transformation of ECOWAS as a security apparatus and its implications in Gana's political orientation, 1990-2000 // *African and Asian studies*. 2003. Vol. 2. No 1. P. 3–36. URL: <https://doi.org/10.1080/10220461.2018.1481455>

5. East African Community Regional Integration: Trade and Gender Implications // *United Nations Conference on Trade and Development*, 2018. URL: https://unctad.org/en/publicationslibrary/ditc2017d2_en.pdf (accessed: 08.02.2021).

6. East African Community (EAC). Customs Union. March, 2017. URL: <http://www.eac.int/integrationpillars/customs-union> (accessed: 08.02.2021).

7. East African Community (EAC) Common Market. March, 2017. URL: <http://www.eac.int/integrationpillars/common-market> (accessed: 08.02.2021).

8. Economic Development in Africa. Report 2019. Made in Africa – Rules of Origin for Enhanced Intra-African Trade, 29 October 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2019_en.pdf P.102. (accessed: 08.02.2021).

9. Mangachi M.W. Regional Integration in Africa: East Africa Experience. Safari Books ltd. Ibadan. 2011.

10. Olu-Adeyemi L. The Challenges of Regional Integration for Development in Africa: Problems and Prospects // *Journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 15. Iss. 3. P. 213–218. URL: <https://doi.org/10.1080/09718923.2007.11892585>

11. Regional Integration in Africa. Trade Law Centre for Southern Africa (tralac) / World Trade Organization Economic Research and Statistics Division. October 2011. Staff Working Paper ERSD-2011-14. URL: https://www.wto.org/ENGLISH/res_e/reser_e/ersd201114_e.pdf (accessed: 08.02.2021).

12. Rizwanulhassan M. Economic Integration: An Analysis of Major SAARC Countries // *South Asian Studies*. 2015. Vol. 30. No 1. P. 95–105.

13. Shkvarya L.V., Frolova E.D. Transformations in socio-economic development of the Gulf group states // *Ekonomika Regiona*. 2017. Vol. 13. No 2. P. 570–578. DOI: 10.17059/2017-2-21

14. Shkvarya L.V. Financial flows in African countries: a source for implementing infrastructure projects // *Africa in search of sources of peace and development*. Yearbook. Ser. “African studies”. Moscow: RUDN University. 2013. P. 206–215. (In Russ.)

15. The Treaty for the Establishment of the East African Community. URL: https://www.eala.org/uploads/EAC_TREATY.pdf

16. UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed: 08.02.2021).

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

DOI: 10.22363/

С.В. Пичугин

Главный геолог ООО «ОЗГЕО»

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЭФИОПИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДУВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

К настоящему времени в Эфиопии выявлены месторождения газа, угля, железа, меди, свинца, цинка, кобальта, тантала, ниобия, платины, золота, серы, мусковита, драгоценных камней, гипса, соли, строительных материалов и термальных вод (рис. 1).

Однако в силу существующих политико-экономических причин осваиваются только месторождения высоколиквидного сырья (нефть, газ, конденсат, золото, платина, редкие металлы и драгоценные камни).

Природный газ, конденсат и нефть. Доказанные, извлекаемые запасы природного газа на начало 2020 г. составляли 120 млрд м³, причем только по месторождениям Кэлуб (Calub) и Хилала (Hilala). Доказанные запасы нефти и конденсата составляли 428 тыс. барр. [1].

В последние годы восемь международных нефтяных компаний – Africa Oil, Tullow Oil, Falcon Petroleum, South West Energy, New Age, Poly GCL, GBP Global Resources и Delonex Energy – занимались разведкой нефти и газа в различных

частях Эфиопии [2]. Карта концессионных блоков по состоянию на 2015 г. представлена на рис. 2.

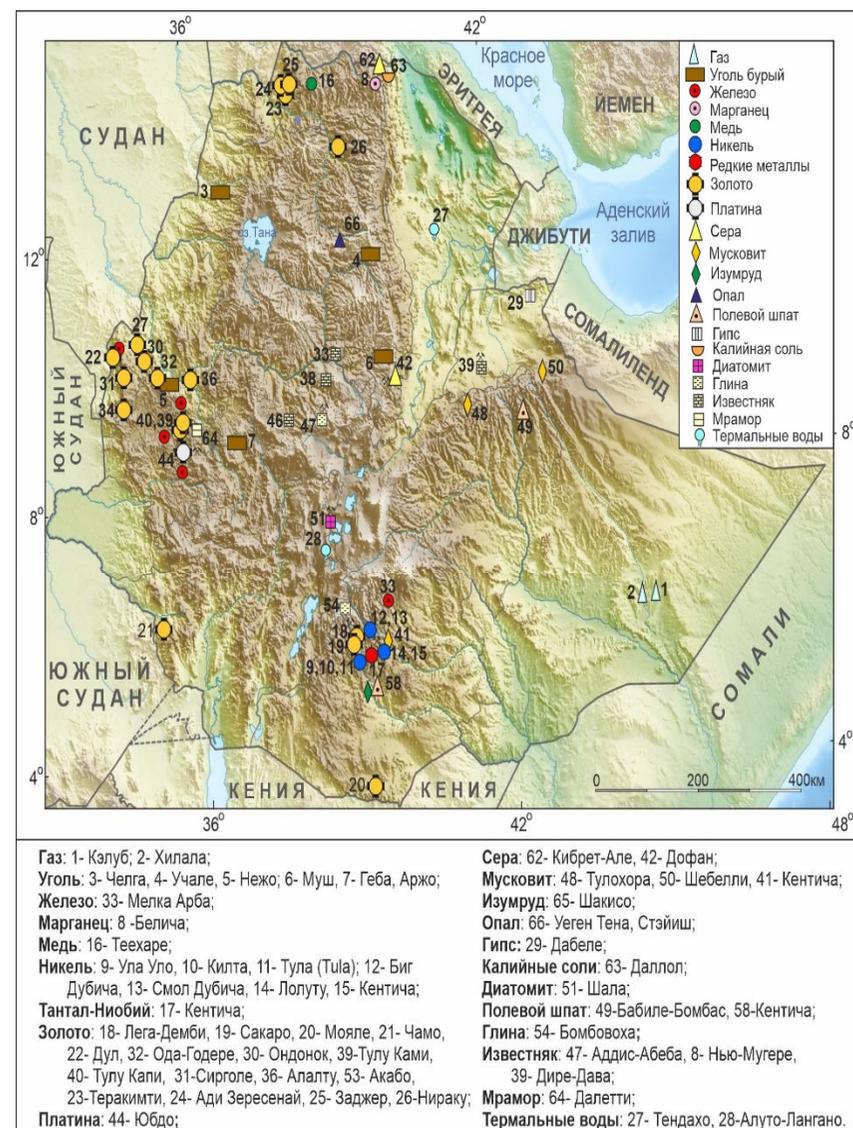

Рис. 1. Основные месторождения полезных ископаемых Эфиопии

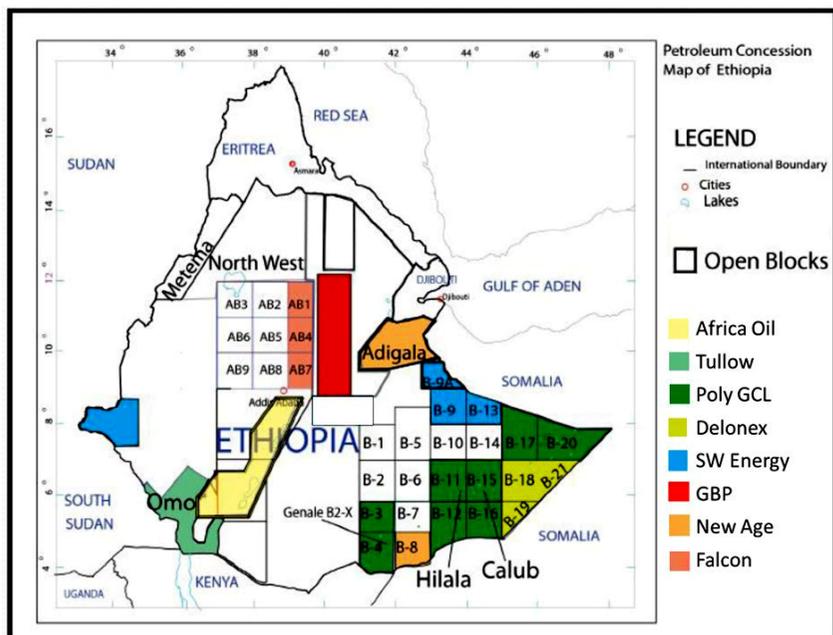

Рис. 2. Карта концессионных блоков на нефть и газ в Эфиопии

Рис. 3. Буровая установка Poly-GCL в Огадене

Геологические условия бассейна Огаден в Эфиопии благоприятны для накопления углеводородов, а потенциал для разведки и разработки нефти и газа велик. Извлекаемые запасы природного газа в двух разрабатываемых блоках Кэлуб и Хилала составляют более 120 млрд м³. В 2017 г. открытие газового месторождения Дохар добавило еще больше высококачественных ресурсов природного газа. Ресурсы природного газа этих трех газовых месторождений достаточны для обеспечения устойчивой добычи первой фазы проекта СПГ в объеме 3 млн т в течение 20 лет. Предполагается, что в 2021 г. газовые месторождения Калуб, Дохар и Хилала будут последовательно введены в эксплуатацию для достижения целевого показателя производственной мощности первой фазы.

В планах компании Poly-GCL Petroleum Holdings Investment Ltd благодаря опережающей геологоразведке (рис. 3) увеличить объемы производства СПГ до 10 млн т в течение 5–10 лет. Кроме того, промышленные притоки нефти обнаружены во время испытания скважины в блоке Хилала. Запасы нефти оценены в 46 млн т. В июне 2018 г. был добыт первый баррель сырой нефти. Суточная добыча нефти составляет 90 т, при этом нефть имеет отличное качество [3].

От месторождений Кэлуб и Хилала строится газопровод Эфиопия – Джибути. Общая протяженность газопровода составляет 749 км, в том числе по Эфиопии – 663 км, в Джибути – 86 км. Пропускная способность газопровода – 16,51 млрд м³/год. Конечная точка газопровода – завод по сжижению природного газа (СПГ) в Джибути. Проект завода занимает площадь в 1,6 млн м². Завод СПГ мощностью

3 млн т планируется построить к концу 2021 г. При сжижении природного газа попутно будет получаться нефтяной конденсат в объеме 50 тыс. т в год.

Следует отметить, что месторождения Кэлуб и Хилала разведаны в конце прошлого века советской нефтепоисковой экспедицией. До начала 1990-х гг. специалисты экспедиции выполнили детальные сейсмические исследования на значительной площади и выделили 29 перспективных структур. Всего в Огадене в рамках поисковых работ было пробурено 12 скважин общим объемом 44,6 тыс. пог. м. Средняя глубина скважин на месторождении Келуб достигала 4,5 км.

Помимо Огадена в Эфиопии выделяется еще 5 нефтегазодносных бассейнов: Гамбелла (Gambella), Омо (Omo), Рифтовая долина (Rift Valley), Адидала (Adidala) и Мекелле (Mekelle). Из них наибольшие перспективы связывались с бассейнами юга Эфиопии (рис. 4). Поскольку потенциал нефтегазовых бассейнов Кении на сегодняшний день экспертами британской компании Tullow Oil оценивается в 3,1 млрд т, то весьма перспективно изучение прилегающих бассейнов Омо и Рифтовой долины. В пределах этих бассейнов имеются благоприятные для локализации нефти меловые и третичные отложения, поскольку в соседней Кении в них выявлено 22 нефтяные залежи.

На площади блока Омо, составляющей более 29 тыс. км², компания Tullow Oil пробурила 4 скважины. Только в одной из них Сабиса-1 (Sabisa-1) выявлены нефтегазовые проявления. В 2015 г. компания Tullow Oil приостановила дальнейшие разведочные работы.

Бурый уголь. Разведанные запасы углей по имеющимся данным международной статистики на 2012 г. составляли 69 млн т. Небольшие месторождения и проявления приурочены к озерным отложениям, залегающим среди вулканитов трапповой серии. Они слагают невыдержанные пласты мощностью 1–2 и реже до первых метров. Угли очень высокой зольности, теплотой сгорания от 1100 до 5400 ккал/кг. Добыча

бурых углей в 2016 г. составила 35 тыс. т, что немногим выше добычи 2015 г. – 34 тыс. т.

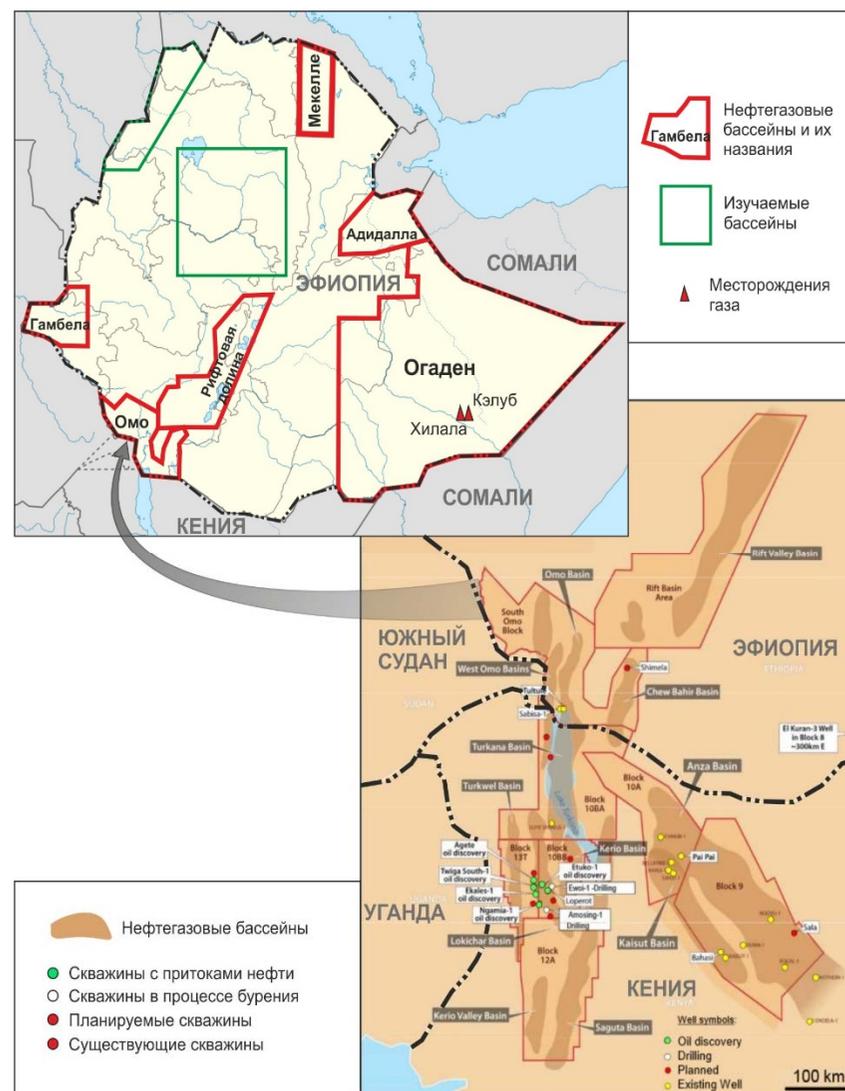

Рис. 4. Перспективные на нефть и газ рифтовые бассейны юга Эфиопии

На месторождении Челга общие запасы углей составляют 150 тыс. т, на месторождении Муш – 300 тыс. т, на Ади-Угри – 6–10 тыс. т. Некоторые месторождения разрабатывались местным населением.

Железо. Прогнозные ресурсы железных руд в целом по стране оцениваются Министерством горных дел Эфиопии в 100 млн т. Подтвержденные запасы составляют 20 млн т. Ресурсы рассредоточены по 58 объектам в разных провинциях. Компания «Рудис» в 1963–1966 гг. изучала многочисленные проявления, приуроченные к горизонтам железистых кварцитов в липарит-дацит-андезитовой формации верхнего протерозоя. Запасы богатых руд (более 40 % Fe₂O₃) на этих проявлениях обычно не превышали 50–300 тыс. т, запасы бедных руд (18–40 % Fe₂O₃) до 10–20 млн т. В Эфиопии известны также проявления латеритных железных руд, связанных с корами выветривания. Запасы их незначительны, содержания низкие, промышленного интереса не представляют.

Никель. Мелкие месторождения никеля Уло-Уло, Килта, Тула, Лолуту, Кентича, Большая и Малая Дубича района Адола представлены силикатными никелевыми рудами в коре выветривания на ультрабазитах (рис. 5). По данным разведки еще в 1963–1966 гг. суммарные общие запасы по 7 наиболее перспективным массивам в районе Адола, по данным Министерства горных дел Эфиопии, составляют 114,6 тыс. т никеля при среднем содержании 1,88 %. Канадская компания «Артена», работавшая здесь в 1973–1976 гг., определила запасы в 167 тыс. т при содержании 0,96 %. Ввиду малых размеров и разбросанности месторождений их разработка в настоящее время нерентабельна. Ультрабазиты провинций Воллега и Эритреи не изучались, в единичных пробах содержание никеля в них составляет 0,4–1,0 %.

Марганец. В стране известно несколько проявлений марганцевых руд. На севере страны в Данакильской депрессии выявлены 4 проявления (Енкафала, Белича и др.), связанные с отложениями плейстоцена. Они представлены маломощными

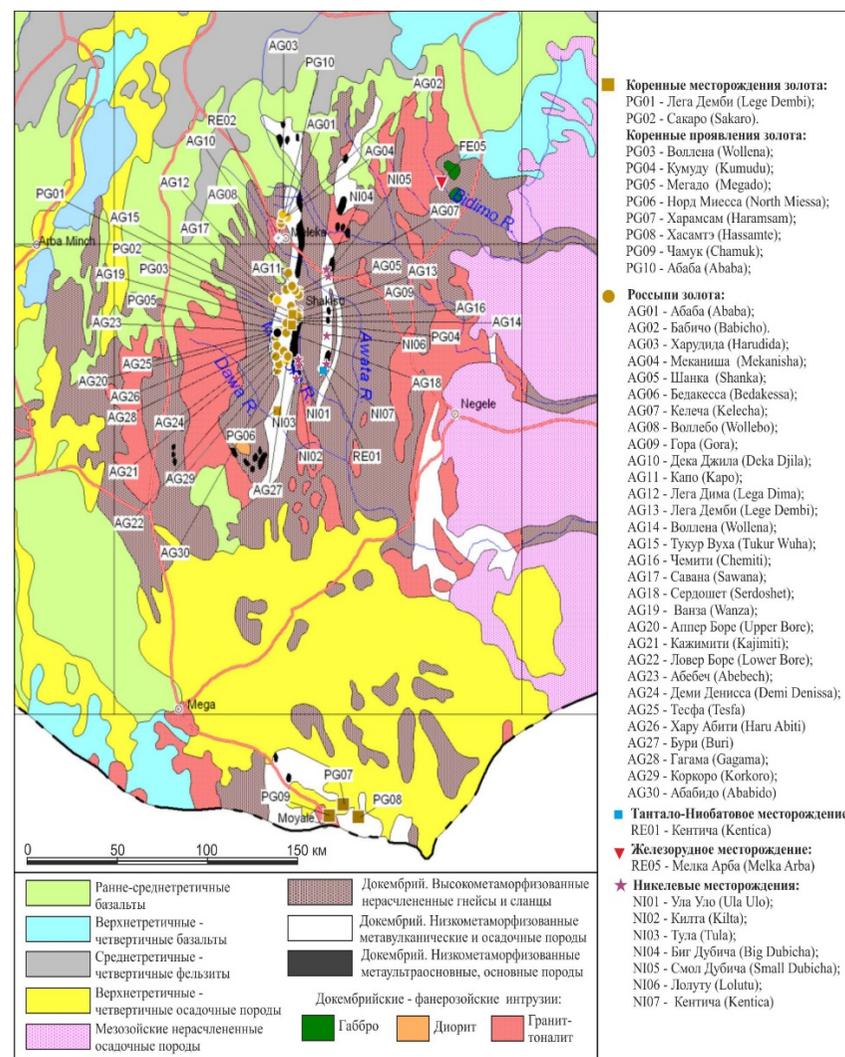

Рис. 5. Металлические месторождения и проявления полезных ископаемых Юга Эфиопии (районов Адола и Мойале)

линзами песчаника, обогащенного пиролюзитом, манганитом, нотронитом, гётитом и стронциобаритом. Содержание MnO₂ – 60–95 %. Ранее велась кустарная разработка руд (до 10 тыс. т в год). В провинции Тигре известно два

проявления марганца, связанных с четвертичными отложениями (Ади-Бербара и Ади-Чигоне). Содержания марганца низкие, масштабы оруденения не установлены.

Хромиты. Проявления хромитов, связанные с серпентинизированными ультрабазитами, известны в провинциях Сидамо, Воллега. В Сидамо линзы хромитов длиной 1–2 м и мощностью в несколько сантиметров встречаются в ультрабазитовых массивах Бол. Дубича, Лолоту, Фоланто и Будисса. В Воллеге геохимическим опробованием установлены аномалии хрома в массивах Юбдо, Далетти и Тулу-Димту.

Титан и циркон. Титан, циркон известны в верховьях р. Дава в элювиальных россыпях (содержание рутила – 2,3 кг/м³) и в аллювиальных россыпях (содержание рутила и циркона – 29,6 кг/м³). Ориентировочные запасы – 270 т рутила и циркона на 10 тыс. куб. м гравия. Небольшие россыпи ручья Калланко, притока р. Афлата, содержат циркона до 23 кг/м³.

Медь, цинк, свинец. Месторождения меди, свинца и цинка с промышленными запасами отсутствуют. Наиболее перспективными из неразведанных рудопроявлений является Теехафе Амба в районе г. Аксум (рис. 5). Здесь зона протяженностью 2 км и шириной 100–150 м характеризуется почвенной геохимической аномалией (медь – до 0,8 %) и благоприятными геофизическими показателями.

Редкие металлы. Расположенное в районе Адола редкометалльное месторождение Кентича (рис. 5) открыто советскими геологами в 1979 г. Оруденение связано с пегматитовыми жилами и телами апогранитов. Выделяются залежи, приуроченные к корам выветривания, а также аллювиально-делювиальной россыпи. На месторождении выявлено 11 пегматитовых жил протяженностью от первых десятков до сотен метров и мощностью 20–30 м. Пегматиты имеют зональное строение, в краевой мусковит-кварцевой зоне присутствуют тантало-ниобаты, берилл и сподумен. В апогранитах танталовое оруденение связано с зонами альбитизации. Прогнозные ресурсы пятиокиси тантала в первичных рудах Северного

участка месторождения оценены в 9 тыс. т при среднем содержании 0,025 % и Южного участка – 15 тыс. т при содержании 0,02–0,03 %. В целом по месторождению прогнозные ресурсы с учетом бедных руд (0,01–0,02 % пятиокиси тантала) составляют 30–35 тыс. т. Добыча тантала в 2016 г. составляла 63 т, а ниобия – 16 т [4].

Заслуживают внимания массивы щелочных интрузий, выявленные вдоль западной границы Эфиопии. С ними в Судане связана редкометалльная минерализация. Интересны также пегматиты в провинциях Воллеге, Хараре.

Золото. Запасы золота по стране на 2018 г. составляли около 50 т, при средних содержаниях в коренных месторождениях от 2,6 до 3,9 г/т и в россыпях – 0,8 г/м³. Максимальная добыча в 2018 г. составила 12 т, в последующие годы сокращалась [5].

Коренные месторождения золота относятся к малосульфидному кварцево-жильному типу. Месторождения локализируются в узких, но протяженных зонах, развитых вдоль разломов субмеридионального простирания. Зоны представляют собой густую сеть золотоносных кварцевых жил и прожилков, пронизывающих верхнепротерозойские сланцы и интрузивные породы. Большинство коренных месторождений и проявлений золота расположены на севере страны в провинции Тыграй, на западе в провинциях Воллега и Годжам, на юге страны в провинции Сидамо.

На юге в районе Адола находится действующее предприятие по добыче коренного и россыпного золота – Midroc Gold Mine plc (Midroc Group). В 1971 г. здесь были обнаружены проявления коренного золота. Советскими специалистами, начиная с 1979 г., здесь выявлено 20 проявлений коренного золота и проведены: детальные поиски на месторождениях Лега-Демби и Сакаро (см. рис. 5).

Первоначально запасы золота северного участка месторождения Лега-Демби на глубину до 200 м составляли

по категории C_1 – 21,6 т (при среднем содержании золота – 8,4 г/т), ресурсы по северному участку по категории C_2 – в 9,9 т. В целом по месторождению прогнозные ресурсы ($P_1 + P_2$) оценивались в 158,5 т золота. Месторождение Лега-Демби обрабатывает карьером эфиопская компания MIDROC Gold Mine plc (владелец компании – шейх Мохаммед Хусейн Али Аль-Амунди). К настоящему времени месторождение практически отработано. Попутно компания MIDROC ведет отработку расположенного неподалеку месторождения Сакаро, запасы которого первоначально составляли 17,5 т золота.

В районе Адола старателями активно добывается россыпное золото. С 1938 по 1983 гг. добыто 33,4 т золота. Общие запасы россыпного золота в Адоле в начале XX в. оценивались в 13 т. Наиболее крупными россыпями являлись Верхняя Боре (запасы 3,3 т), Каджимити (2,9 т), Бедакесса (1,0 т), Нижняя Боре (0,96 т), Лега-Демби (0,89 т), Воллена (0,59 т), Калеча (0,37 т), Деми-Дениса (0,31 т) и Авата (0,27 т). Среднее содержание золота в них составляло от 0,183 до 0,737 г/м³ на массу.

В провинциях Воллега и Годжам известно 6 месторождений и 14 проявлений коренного золота: Тулу-Капи, Чагорса, Тулу-Капи, Ширгело, Ондонок, Одогоре. На месторождениях добывались руды со средним содержанием золота от 7 до 20 г/т, запасы и объемы добычи неизвестны (кроме месторождения Тулу-Капи).

В декабре 2013 г. KEFI Minerals (Эфиопия) Limited приобрела месторождение Tulu Kari (Tulu Kari) и приступила к его доразведке и отработке. На месторождении Тулу-Капи доказанные запасы золота на 2018 г. составляли 32,6 т, при средних содержаниях золота 2,12 г/т, а ресурсы – 53,5 т, при средних содержаниях золота 2,65 г/т. На месторождении ежегодная добыча золота с 2013 г. составляла 4,5 т. Закрытие объекта намечено на 2022 г. Россыпи в районе месторождения

Тулу-Капи с 1932 г. периодически разрабатывались. Наибольший самородок золота весом в 1,5 кг (рис. 6) найден в 1952 г. [6].

Рис. 6. Самородок золота весом 1,5 кг из россыпи в районе месторождения Тулу-Капи

В настоящее время в районе проводятся разведочные работы на проявлении золота Гизен. В провинциях известны 50 россыпей, в том числе наиболее крупные – Алалту с запасами 2,6 т, Гонза, запасы – 0,558 т, Сирголе, запасы – 0,527 т. Содержание золота на массу составляет 0,1–0,3 г/м³. Определены общие запасы золота в бассейне р. Акобо – 3,132 т.

На севере известны четыре месторождения золота: Теракимти, Ади Зересенай, Заджер, Нираку. Три первых месторождения расположены в золотоносном районе Хамазиен. Здесь на площади 180 км² располагается более 100 золотоносных кварцевых жил вулканогенных породах. Содержание золота в жилах 4–10 г/т. Запасы месторождений небольшие. Так на месторождении Теракимти подсчитанные запасы составляют 3,5 т золота, но попутные содержания сульфидов достигают 3,85 %, а серебра – 14 г/т. Проект Теракимти реализует компания East Africa Metals. Ранее на каждом добывалось 20–50 кг золота в год. На севере Эфиопии известно 5 мелких россыпей, однако сведения о них отсутствуют.

Платина. Месторождение платины Юбдо эксплуатируется с 1926 г. Оруденение связано с корой выветривания на дунитах. Содержание платины в неизменных дунитах 0,05 г/т. По данным югославского геолога Д. Желенка, в 1966 г. запасы платины составляют 3876 кг при содержании 0,17 г/м³. По данным Министерства горных дел и энергетики Эфиопии, запасы платины составили 2448 кг при содержании 0,031 г/м³ (1968 г.). Японская компания «Ниппон» подсчитала запасы платины на этом месторождении в количестве 12 060 кг при среднем содержании 0,33 г/м³. Советские специалисты, посетившие месторождение в 1978 г., сочли реальными средние содержания извлекаемой платины на горную массу 0,02–0,04 г/м³. По сведениям ООН (1972 г.), за более чем 40-летний период эксплуатации на месторождении добыто 2680 кг платины. В последние годы уровень годовой добычи составлял около 3 кг. Платина в незначительном количестве добывается старателями из россыпей рек Юбдо и Бирбир. Изучение этих россыпей не проводилось. В 2015 г. общий объем добычи составил только 5 кг.

Массив Юбдо, как и ультрабазиты других районов, тесно ассоциируют с базальтоидной формацией верхнего протерозоя и развиты в зонах тектонических контактов этой формации с древними докембрийскими образованиями. Массивы других районов не изучались и могут представлять интерес в отношении возможной платиноносности.

Калийные соли. Все выявленные запасы калийных солей Эфиопии сосредоточены в пределах Соляного плато на севере Даникильской депрессии. Плато длиной около 100 км и шириной до 30 км представляет собой гигантский бассейн соляных залежей, представленных толщей каменной соли (галита) с горизонтами калийных солей, гипса с прослоями самородной серы. Мощность солей, по геофизическим данным, составляет 2,2–3,5 км. В северной части плато расположено месторождение Даллол, на котором периодически до 1962 г. велась кустарная добыча калийных солей (рис. 7).

Рис. 7. Поверхность месторождения Даллол

В 1958–1967 гг. район разведывался компанией «Парсонс». Бурением вскрыто несколько горизонтов калийных солей месторождений Мослей и Кресент. Верхний горизонт залегает на глубинах 43–215 м. Средняя мощность его 5 м, максимальная – 50 м. По данным компании, запасы месторождений 160 млн т.

В настоящее время Эфиопия намерена приступить к эксплуатации месторождения Даллол. В 2016 г. добыча соли составляла только 450 т. Предполагается, что проектная добыча калийных солей будет составлять 1,5 млн т/год.

Слюда. Месторождения и проявления слюды известны в разных районах Эфиопии и связаны с пегматитами. В провинции Сидамо, в районе Адола, в пегматитах известны проявления Чамби, Мелена, Кентича, в провинции Харар имеются три месторождения слюды – Тулохорра, Шебели и Карарра. На них в те же годы было добыто 53 т слюды.

Провинция Харар перспективна для обнаружения новых месторождений слюды.

Изумруд. Изумрудное месторождение Шакисо (см. рис. 1) расположено в южной части Эфиопии. Район добычи месторождения разделен на несколько участков, права на которых принадлежат ряду «ассоциаций». Каждая из них состоит из менеджера и нескольких членов, которые контролируют фактическую добычу и распределение изумрудного сырья. После сортировки сырья (перед огранкой изумрудов) оно предлагается вначале скупщикам города Шакисо, прежде чем быть проданным дилерам в Аддис-Абебе. На сегодняшний день добыто более 100 кг изумрудного сырья [7]. Добыча изумрудов осуществляется только традиционным способом (вручную), без использования тяжелой техники, для сохранности добываемого сырья. В 2015 г. добыто 70 кг изумрудов, в 2016 г. только 9 кг [4].

Изумруды с месторождения Шакисо отличает яркий насыщенный цвет (рис. 8). Эфиопские изумруды часто имеют дефекты прозрачности, так как имеют значительное количество включений (в основном слюды).

Многие из изучаемых образцов изумрудов имели чрезвычайно приятный зеленый цвет при рассмотрении под проходящим светом. Однако генезис эфиопских изумрудов обуславливает отсутствие больших, чистых камней, потому что их внутренняя структура, как правило, содержит кристаллы слюды – биотита.

Опал. Опалы впервые были обнаружены в Эфиопии в начале 1990-х гг. Образцы из Мезезо в провинции Шоа состоят из образований красновато-коричневого вулканического камня с включениями опалов оранжевого, красновато-коричневого или шоколадно-коричневых цветов.

Следующее открытие произошло в 2008 г., когда белый благородный опал нашли в провинции Уолло, месторождение Уеген Тена (см. рис. 1). На этом месторождении до сих пор добывают большую массу белого и прозрачного благородного опала и некоторое количество черного опала.

Рис. 8. Цвет изумрудов месторождения Шакисо

В 2013 г. в той же провинции обнаружили еще один источник опалов – на шахте Стэйиш близ городка Гашена. В ее залежах в основном темные и черные опалы наряду с незначительной долей белого и прозрачного опала (рис. 9). Опалосносный слой находится на высоте 3 км над уровнем моря. Месторождение Стэйиш располагается в 30 км к северу от месторождения белого опала [8].

Так же как белый, черный опал встречается в зоне перемежающихся слоев вулканического пепла и ингибрита (кислой вулканической горной породы). Он протянулся на десятки и более километров вдоль горного пояса.

Богатый на опалы слой толщиной всего 60 см и содержит опалы разного цвета и качества. Черный опал добывается из пологих штолен длиной до 15–20 м, вырытых местными жителями в горном склоне.

Образчики чаще всего очень темного цвета, напоминают окрашенный или затемненный нагревом опал за исключением того, что на его поверхности нет следов травления или трещин. Опалы с этого месторождения демонстрируют также

темный, ровный цвет на всей поверхности, временами перемежающийся с темно-серым цветом.

В 2015 г. добыто 64 т опала, а в 2016 г. добыча сократилась до 8,5 т.

Рис. 9. Черные опалы размером от 2 до 10 см из месторождения Стэйниш

Сера. Месторождения и проявления серы довольно многочисленны, но изучены слабо. Месторождения связаны с эвапоритами и фумаролами. Запасы месторождения Кибрет-Але

оцениваются в 300 тыс. т. Запасы фумарольной серы месторождения Дофан не установлены, добыча на нем велась в 1945 г.

Диатомит. Проявления и месторождения диатомита связаны с плейстоценовыми озерными отложениями рифтовых долин. Наиболее крупное из них Шала находится у одноименного озера. Его разведка велась при содействии ООН. По предварительным данным, месторождение представляет промышленный интерес. Разрабатывается кустарно, в 2016 г. добыча составила 5 тыс. т.

Полевой шпат. Месторождения связаны с пегматитами провинций Сидамо и Харар. Месторождение Бабиле-Бомбас имеет прогнозные ресурсы в 1 млн т. Запасы полевого шпата на пегматитовом поле Кентича по 2 жилам составляют 2,7 млн т. Добыча в 2016 г. составила 600 т [4].

Пески. Стекольные пески широко развиты среди песчаников формации Адиграт. Они разрабатываются на 8 месторождениях в разных районах страны. Добыча в 2016 г. составила 10 тыс. т.

Глины. В Эфиопии известны месторождения каолиновых, бентонитовых и кирпичных глин. Они связаны с отложениями мела и корами выветривания. В районе Дире-Дауа глины (предполагаемые запасы 4,5–5,0 млн т) разрабатываются для цементного завода. Кирпичные глины четвертичного возраста разрабатываются во многих местах страны. Каолиновые глины находятся в Зега вблизи Аддис-Абебы, в районе Адола, в провинции Шоа (месторождения Амбо с запасами 1 млн т и Боле – 17–20 тыс. т) и ряде других мест.

Известняки и мраморы. Известняки добываются в основном для цементных заводов в Аддис-Абебе, Дире-Дауа и Нью-Мугере. Запасы известняков – от сотен тысяч до 5 млн т на каждом месторождении. Мраморы встречаются в докембрийских отложениях во многих районах Эфиопии. В провинции Воллега к числу перспективных относятся месторождения Далетти, Бока, Дабус и Миленду. Проявления

мрамора известны в районе Адола, провинциях Харар и Тигре. В 2016 г. в стране было добыто 4,8 млн т известняка и 43 тыс. т мрамора. Ранее в 2015 г. добыча известняка и мрамора была на том же уровне.

Несмотря на большую территорию Эфиопии, выявленные запасы полезных ископаемых в стране сравнительно невелики и разрабатываются в ограниченном объеме.

Гидрогеология

Подземные воды. На территории страны выделяются 5 водоносных геологических комплексов: докембрийских кристаллических пород, морских отложений мезозоя, плиоцен-миоценовых трапповых базальтов, плиоцен-четвертичных вулканитов, четвертичных флювиальных и озёрно-флювиальных отложений.

Подземные воды интрузивных и метаморфических образований докембрия приурочены к зонам экзогенной трещиноватости (мощность до 50 м) и к трещиноватым зонам тектонических нарушений. Глубина залегания воды от 3–5 до 40 м. Дебиты колодцев и скважин не превышают 0,7–1 л/с. Воды пресные, реже солоноватые.

Водоносные комплексы в толще мезозойских отложений связаны с трещиноватыми песчаниками и известняками триаса, юры и мела. Дебиты скважин 1,6–5 л/с, удельные дебиты 0,05–0,1 л/с. Воды солоноватые (3–4 г/л), с глубиной минерализация быстро возрастает.

Подземные воды трапповых базальтов связаны с зонами трещин, тектонического дробления, а также прослоями туфов агломератов, древних озёрных отложений. Проницаемость 10⁻⁵–10⁻⁶ л/с. Глубина залегания воды от нескольких метров до 150 м. Дебиты водозаборов 1,5–5,0 л/с, удельные дебиты 0,12–0,16 л/с. Минерализация воды обычно не превышает 1,5 г/л.

Плиоцен-четвертичные вулканогенные образования обладают аналогичными характеристиками при несколько большей водообильности (при глубине скважин 80–100 м их дебиты составляют 2,5–8,0 л/с, удельные дебиты – 0,4–5,0 л/с).

В четвертичных отложениях подземные воды приурочены к прослоям и линзам песков, супесей и суглинков. Водообильность пород пёстрая, дебиты водозаборов от 0,5 до 5 л/с. Пресные воды развиты в горных районах и предгорьях. По мере удаления от предгорий минерализация возрастает до 10–20 г/л и более.

Геотермальные ресурсы

Подземные горячие источники. Эфиопия обладает значительными геотермальными ресурсами, сосредоточенными в зоне Эфиопского рифта. Суммарные прогнозные ресурсы оцениваются в 3 трлн ГДж (что соответствует 100 млрд т условного топлива). Высокопотенциальные (пригодные для выработки электроэнергии) ресурсы отдельных гидротермальных систем составляют 0,6–5 млрд ГДж. С 1980-х гг. осуществляется программа освоения водных ресурсов при помощи иностранных специалистов.

Возможные направления двустороннего сотрудничества в сфере освоения природных ресурсов

В рамках технического содействия между Россией (ранее СССР) и Эфиопией были реализованы масштабные программы поиска и разведки многих месторождений полезных ископаемых, что позволило, по сути, выявить минерально-сырьевую базу этой значимой африканской страны. Были разведаны газовые месторождения Кэлуб, Хилала, золоторудное месторождение Лега-Демби и многочисленные золотые россыпи, редкометалльное месторождение Кентича и многие другие месторождения.

Результаты технического содействия в 1976–1993 гг.:

– разведаны коренные месторождения золота: Лега-Демби (запасы северного участка – 60 т, общие ресурсы месторождения – 250 т, среднее содержание – 3,7 г/т) и Сакаро (запасы месторождения – 17 т, среднее содержание – 4,8 г/т);

– разведано 9 россыпей золота (Лега Дима, Лега Демби, Воллена, Тукур-Уха, Чемита, Сердошет, Тиберо, Савана) с общими запасами золота – 10,6 т, при содержании 0,2–0,7 г/м³;

– выявлено и разведано редкометалльное месторождение Кентича с общими ресурсами 25 тыс. т Та₂О₅ и разведанными запасами – 144 т Та₂О₅ (в коре выветривания);

– разведаны газоконденсатные месторождения Келуб (42,4 млрд м³ газа и 2 млн т конденсата) и Хилала (36,8 млрд м³, нефти – 0,8 млн т);

– выявлены и разведаны месторождения: цементного сырья Дире-Дава, мраморов Далетти.

Сотрудничество в рамках решений Межправительственных российско-эфиопских комиссий с 2002 по 2014 г. проводилось по следующим направлениям:

– оценка перспектив нефтегазоносности страны;

– оценка перспектив на золото, платину, никель, кобальт и полиметаллы.

В настоящее время эксперты ОЗГЕО считают перспективным сотрудничество в области разведки месторождений нефти и газа, золота, драгоценных камней и гидрогеологии. Возможно выявление новых геотермальных источников в пределах долины Эфиопского рифта на основе создания тепловых карт районов Тендахо и Алуто-Лангано при использовании новейших тепловых космических съемок. Кроме того, возможны разведка и обустройство геотермальных источников по современным технологиям для сооружения на их базе тепловых электростанций мощностью до 10–15 МВт.

Литература

1. CIA World Factbook, Ethiopia, 2018. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/ethiopia/> (accessed: 15.02.2021).

2. Текущие права на разведку нефтяных месторождений и операторы в Эфиопии. Сайт: Геология Эфиопии. 2015. URL: https://www.sites.google.com/site/linkstogeologyofethiopia/Mineral/pet_rights (дата обращения: 15.02.2021).

3. POLY-GCL Petroleum Group Holdings Limited (“POLY-GCL”). URL: <http://www.polygcl-petro.com/en/site/business> (accessed: 15.02.2021).

4. The Mineral Industry of Ethiopia. USGS 2020. URL: <https://Users/SVP/Desktop/myb3-2016-et.pdf> (accessed: 15.02.2021).

5. Прочие золотодобывающие страны. Эфиопия, 05.10.20 17:45:00 Золотодобыча. Добыча золота, технологии, оборудование. URL: <https://zolotodb.ru/article/11394> (дата обращения: 15.02.2021).

6. Fabio Granitzio, Jeff Rayner, Tadesse Aregay. Tulu Kapi Gold Project: A history of repeated discoveries in Western Ethiopia. Conference: New Gen Gold 2017. November 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/320584052_Tulu_Kapi_Gold_Project_A_history_of_repeated_discoveries_in_Western_Ethiopia (accessed: 15.02.2021).

7. Новое открытие изумрудов в Эфиопии. URL: <https://www.uralizumrud.ru/articles/novoe-otkrytie-izumrudov-v-efiopii/> (дата обращения: 15.02.2021).

8. Новое месторождение черного опала в Эфиопии. URL: https://www.jewels-dreams.ru/articles/stati_o_kamnyah_i_metallah/novoe-mestorozhdenie-chernogo-opala-v-efiopii.html (дата обращения: 15.02.2021).

DOI: 10.22363/

*А.Н. Мосейко,
Е.В. Харитонова*

ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СУБСАХАРСКОЙ АФРИКЕ

Я забываю Белые руки,
Которые стреляли из ружей
и сокрушали империи,
Руки, которые бичевали рабов,
Вас бичевали, Господь,...

Л.- С. Сенгор

Субсахарская Африка, конец XIX в. Начинается массовая христианизация населения. Происходит контакт между резко отличающимися друг от друга культурами – автохтонной африканской и христианской западной. Это был контакт между двумя различными мирами со своим образом жизни, разными моделями мира, специфическим мироощущением, а также своими ценностями и нормами.

Теолог и философ из Камеруна Ф. Эбусси-Булага в своей знаменитой книге «Кризис Мунту. Африканская аутентичность и философия» определил характер встречи этих двух диаметрально противоположных миров как драму: «Для Черной Африки это был опыт полного поражения и дезорганизации жизненных принципов» [1, р. 11].

Если вначале количество новообращенных христиан было незначительным, то постепенно процесс христианизации набирал темп. В период с 1900 по 2000 г. (по данным «The

Pew Forum on Religion and Public Life») численность христиан в Субсахарской Африке увеличилась с 7 млн человек до 470 млн и продолжает расти [2].

В этот период произошли глубокие и сложные изменения в самосознании африканских христиан. Приняв навязанную им религию белых колонизаторов, которые угнетали и унижали их, используя как PR-поддержку библейскую проповедь, новообращенные африканцы попытались адаптировать христианство к своим условиям. Они переосмыслили основы христианского вероучения, внесли в христианскую догматику собственные религиозные смыслы, порожденные традиционным религиозным опытом, по-своему «прочли» Библию, переведенную христианами миссионерами на основные африканские языки. Так возник синкретический религиозный опыт, стало складываться синкретическое восприятие христианства [3, с. 124–144].

Обладая религиозно-мифологическим мировосприятием, африканцы через призму этого мировосприятия понимали и христианство. В результате возникла афро-христианская мифологизированная версия христианства. Уже в начале XX в. формируется «народная» или, как ее называют современные африканские теологи, «устная» теология. Носителями ее были представители ранней африканской религиозной интеллигенции – выпускники миссионерских школ и религиозных колледжей, священнослужители [3, с. 124–144].

Профессиональная афрохристианская теология

Христианская профессиональная теология начала формироваться в 40-е гг. XX в., когда сложился слой достаточно образованной религиозной интеллигенции и в богословском поле начали циркулировать вопросы о значении африканской культуры и африканских верований по отношению к христианству. Предпринимались попытки осмыслить богословские

проблемы, возникшие на волне религиозных движений конца XIX – начала XX в. [4, с. 69–82].

Раннее поколение богословов не было уверено в существовании особого африканского христианства. Нигерийский церковный лидер Боладжи Идову в нигерийских церквях видел европейские формы христианства в народном преломлении [5]. Серьезной вехой в развитии профессиональной теологии и первым свидетельством рождения нового этапа во взаимоотношениях двух культурных миров стала конференция священников и теологов, материалы которой были изданы под заголовком «Черные священники спрашивают друг друга» [6].

Африканская профессиональная теология явилась логическим продолжением линии развития общественной мысли, поставившей проблемы ценности африканской культуры и африканской идентичности [4, с. 69–82]. Истоки этого процесса обнаруживаются уже в XIX в. в работах Эдварда Блайдена [7, с. 109–111].

В 20-х гг. XX в. была сформирована теория негритюда, в своем раннем варианте утверждавшая единство всех народов негроидной расы и наличие у них качеств, способных обогатить бездуховный, прагматичный западный мир. Следующим этапом развития общественной мысли (50–70-е гг. XX в.) были поиски аутентичной африканской философии (названной впоследствии этнофилософией) в культурах африканских народов – в мифах, верованиях, символах, в лингвистических реалиях (Алексис Кагаме, Джон Мбити).

В 70–90-е гг. XX в. этнофилософия была подвергнута критике молодыми философами (например, Полен Хунтонджи) с призывом отказаться от «экзотики» и заниматься философскими проблемами современной Африки [8, с. 84–95; 9, с. 63–73].

Африканская теология начала развиваться параллельно с исследованиями африканской культуры и африканской философии и продолжила эту тенденцию, утверждая ценность

африканской культуры и африканского религиозного опыта для восприятия христианства. Прежде всего, африканские богословы постарались найти точки соприкосновения навязанного африканцам христианства с автохтонной культурой, африканскими верованиями [4, с. 69–82]. Представитель первого поколения африканских теологов, католик из Конго Винсент Мулаго, которого называли одним из предшественников, сравнимых с апостольскими отцами, выявляет в африканских традиционных верованиях некие «ступеньки», при помощи которых можно адаптировать и «прививать» Христианское Послание в Африке. В. Мулаго исследует такой центральный принцип культуры народов банту, как культ предков, особенно почитание основателя клана, первопредка и своеобразный «витальный союз» с ним всех живых членов клана. Эту «данную Богом ступеньку» африканской культуры В. Мулаго сопоставляет с христианским принципом почитания Христа и как бы «участия» его в жизни христиан [10, р. 161, 165–169, 32–33].

В работах В. Мулаго уже появляется очень важная мысль о контекстуальности восприятия христианства в Африке. По его мнению, в христианстве присутствуют черты как универсальности, так и специфичности, зависящие от контекста каждой отдельной культуры, причем универсальность и специфичность взаимозависимы и являются «частью Божьего плана», ибо, по мнению В. Мулаго, Бог ценит «богатства» каждой церкви в ее контексте, ожидая, что каждая конкретная церковь внесет «свои, данные Богом ценности в Царство Божие» [10, р. 175, 223–224, 308–328, 324].

Первый этап формирования профессиональной теологии датируется примерно 1950–1970-ми гг. и характеризуется как период защиты африканскими богословами ценностей культуры Африки, ее традиционных верований. Это был период обоснования возможности быть христианином, не отказываясь от своей культуры, более того, сделать традиционный религиозный опыт основанием для принятия христианства

[4, с. 69–82]. Так ставит вопрос философ и теолог из Ганы Кваме Бедиако, который стал христианином поздно, готовя во Франции степени магистра, а затем доктора. В своей докторской диссертации, которая позже была издана в виде книги, он пишет об отношении христианства к автохтонным культурам, о том, как африканская социальная (общинная) идентичность связана с христианской социальной идентичностью [11, pp. 31–33; 48].

Сходные идеи можно обнаружить у кенийского теолога и философа Джона Мбити в ранний период его деятельности. Как и упомянутые теологи – В. Мулаго, К. Бедиако, Д. Мбити стремился контекстуализировать христианство в Африке, опираясь на африканское культурно-религиозное наследие и перспективы африканского коллективизма. В общем, как писал нигерийский теолог Джастин Укпонг, первый этап развития африканской теологии характеризовался тем, что африканские ученые, пользуясь сравнительным методом, который принял форму демонстрации преемственности между религиозной культурой Африки и Библией, особенно Ветхим Заветом, стремились узаконить африканскую религию и культуру, «отвергая миссионерское послание о том, что африканская религия и культура были демоническими и аморальными» [12, p. 5].

На втором этапе (1970–1990 гг.) африканское богословие становится более уверенным. Оно постепенно обретает свою идентичность, дистанцируясь по многим вопросам от западной теологии. Правда, в этот период еще остается энергетический импульс унижения и неуверенности как наследие колониального и миссионерского опыта. Тем не менее в этот период в богословском поле появляются новые категории, новые подходы и методы [4, с. 69–82]. В частности, уверенно употребляется термин «африканское христианство» и ставится вопрос о его особенностях. Джон Мбити во «Введении» к книге «Библия и теология в африканском христианстве» охарактеризовал африканское христианство как сочетание

апостольского христианства с реалиями африканской жизни в настоящем. Мбити считал, что африканское христианство находится как бы на стыке двух сил: религиозного и культурного фона африканских народов, с одной стороны, и Библии – с другой. Отсюда африканское христианство хрупко и непредсказуемо, но одновременно сильно и динамично. Эта парадоксальность создается противоречивостью влияний, которые обнаруживаются по-разному в специфических обстоятельствах [13]. В этот период формируется само «тело» африканской теологии; основным стержнем в теологии становятся библейские исследования, прежде всего исследования Ветхого Завета, а позже и Нового Завета. В научном дискурсе понятия «теология» и «библейские исследования» часто выступают как взаимозаменяемые. Приоритетное значение библейских исследований связано с ролью Библии в Африке, которая очень существенна. Африканские библейские ученые, например Джеральд Вест, Джон Мбити, Десмонд Туту, Тиньико Малулеке, считают, что Библия занимает центральное место в живой вере простых африканских христиан, является для них важным ресурсом, «Словом Божиим». Южноафриканский теолог Т. Малулеке отмечает, что Библия в Африке – это наиболее широко переводимая книга, основной учебник в начальном и высшем образовании, самый доступный текст на местных языках, сборник рассказов, а также «научная» книга, которая «объясняет происхождение всего существующего».

Библия – это основной материальный предмет христианства, обладающий сакральностью. В некоторых африканских регионах умершего хоронят с Библией, Библию закладывают в фундамент при постройке жилища. Во многих африканских независимых церквях Библия используется для физического контакта с больным человеком, что якобы помогает его исцелению [14, p. 91–92].

На втором этапе формирования африканской теологии акцент в библейских исследованиях делается на методе

герменевтики – методе истолкования библейских текстов, поиска в них скрытых смыслов, иносказаний [4, с. 69–82].

Как в 1950–1970-х гг., так и в более поздние годы африканская библейская наука во многом еще использовала методы классической западной науки. В то же время сильнейшее влияние на нее оказали идеи теологических направлений XX в., таких как социальный евангелизм, «Теология освобождения», «Диалектическая теология», «Теология родительного падежа» и особенно «Новая политическая теология» И.Б. Меца и Ю. Мольтмана.

В «Новой политической теологии» ставится очень важный для африканцев вопрос о возможности теологии и библейских исследований принимать участие в борьбе за освобождение, социальную справедливость и экономическую независимость. «Может показаться, – пишет Иоганн Баптист Мец, – что изменение сложившихся отношений не есть дело Евангелия, не является задачей церкви. Ее задачей может быть разве только духовный переворот». «Но именно духовный переворот, – пишет далее И.Б. Мец, – есть самая радикальная и бескомпромиссная форма преобразования и ломки... Этот процесс, если верить свидетельствам Евангелия, сотрясает человека, он вторгается в жизненные ориентации людей, в круг привычных потребностей, а значит – и в обусловленные ими социальные отношения; он рубит и пресекает эгоистические интересы и ведет к пересмотру всей устоявшейся жизненной практики» [15, с. 85].

С идеями политической теологии перекликается утверждение известной библеистки из Ботсваны Музы Дюбе о том, что «библейская интерпретация в Африке к югу от Сахары не может быть отделена от политики, экономики, от национально-культурной специфики, от прошлого и настоящего» [16, р. 3].

Социально-культурные, социально-политические проблемы, поднимавшиеся в африканской теологии уже в 1970–1990-е гг., были проблематизированы и получили свое

оформление в третий период развития теологии, который начинается в 90-е гг. XX столетия и продолжается в настоящее время [4]. Сложные задачи, вставшие перед африканской теологией, – выработка методологии и методики исследований, а также основных направлений ее развития, – столкнулись с рядом трудных проблем. Прежде всего, это малочисленность ученых, занимающихся философско-теологическими проблемами в африканском контексте, их разбросанность по различным университетам. До сих пор нет единого африканского центра теологических и библейских исследований. Африканские теологи ежегодно встречаются лишь в секции «Африканская библейская герменевтика» при «Обществе библейской литературы», которое находится в США.

Характерно, что уже в 1989 г. по инициативе библеистки Мерси А. Оудуйе [17] возникла феминистская организация под названием «Круг озабоченных африканских женщин-богословов». Эта организация стала в настоящее время активной панафриканистской ассоциацией академических женщин, специализирующихся на религии и теологии, в которую входит более шестисот членов [16].

Несмотря на трудности, с конца XX – начала XXI в. в африканской теологии постепенно формируется методологический подход и тесно связанная с ним методика теологических исследований, а также основные направления этих исследований.

Афроцентризм как основа теологических исследований

С эпохи колонизации и во многом до настоящего времени в массовой церковной практике в большинстве случаев господствуют евроцентрические подходы к чтению и толкованию Библии. Эти подходы были навязаны западными миссионерами как единственно правильные, универсальные, которым необходимо следовать при изучении Библии. Таким образом, кроме колонизации Африки, угнетения и ограбления

ее народов, унижения и дискредитации ее культуры, произошла «колонизация» мысли африканцев, восприятие ими христианства и Библии в евроцентристском духе.

Сохранение такой ситуации, по мнению теолога из Нигерии Дэвида Тьюсея Адамо, объясняется серьезными проблемами в подготовке корпуса теологов. В университетах, особенно на факультетах философии и религиоведения, учебные программы создаются в основном по западным образцам. Большинство университетов не имеют программ последилового образования по этим дисциплинам, поэтому обучение в основном продолжается в Европе и США. Естественно, оно осуществляется по западным стандартам [18, р. 301–302]. Подготовленные таким образом теологи становятся преподавателями университетов и учат в духе евроцентризма будущих священников, пасторов, теоретиков религии, которые передают потом эти знания своим общинам. Как следствие, существует разрыв между потребностями простых африканских христиан в способах толкования Библии и условиями, предоставляемыми богословами, обученными в стиле западной традиции библейской науки [18, р. 301–302].

Теологи, получившие западную подготовку и пришедшие в науку, часто пренебрегают своим африканским контекстом и приступают к библейской герменевтике через «евроцентричные линзы». Тот же подход доминирует в западных религиоведческих издательствах, в результате чего большинство рукописей, написанных в афроцентрическом духе, отклоняется [18, р. 303].

В чем заключается афроцентрический подход в теологии и в интерпретации Библии? Эрнест М. Эзеогу в статье «Африканское происхождение Иисуса: афроцентрическое чтение повествования о раннем детстве от Матфея (Матф.: 1–2)» пишет: «То, что отличает афроцентрическое толкование от других способов чтения, – это не технические средства толкования, а вопросы и интересы, которые определяют

чтение, ...выраженное в обычной евроцентрической библейской науке, что Африка и лица африканского происхождения играют незначительную роль в истории цивилизации и Спасения. На этом идеологическом фоне, который имеет тенденцию маргинализировать или вычеркнуть Африку и африканцев из истории цивилизации и Спасения, афроцентризм стремится перечитать эту историю с Африкой и африканцами в центре...» [19, р. 261].

Говоря об экзистенциальном отчаянии и неизбывном комплексе неполноценности, отравляющем жизнь чернокожих сообществ повсюду, Э.М. Эзеогу приводит в качестве параллели притчу об орленке, вылупившемся из яйца вместе с цыплятами. Подрастая среди кур, он не умел летать и ничего не знал о своей потерянной орлиной судьбе. Надо рассказать потерянному орлу историю его славного прошлого, – говорит Эзеогу. Афроцентризм – это обязательство делать именно это. Афроцентризм – это не отрицание вклада европейцев, азиатов или американцев в историю цивилизации и Спасения. Это обязательство переписать одностороннюю общепринятую историю так, чтобы отдать дань уважения людям африканского происхождения [19, р. 261–262].

Итак, афроцентризм определяется как основополагающий методологический и идеологический подход к чтению и толкованию Священного Писания в африканской теологии. Главная задача такого подхода – поиск присутствия и участия Африки и африканцев в Библии, в Священной истории. При этом речь идет не только о присутствии и участии в истории, но и о связи, или параллелях, этой истории с настоящим и будущим Африки, с задачами, стоящими перед ее государствами и гражданами.

Прежде чем рассмотреть примеры поисков в Библии африканского присутствия, необходимо остановиться на методике афроцентристского толкования Библии. Эта методика тесно связана с методологией и, естественно, также является

афроцентристской. Мы уже говорили о методе герменевтики – методе поиска и истолкования скрытых смыслов, иносказаний в Библии. На рубеже XX–XXI вв. герменевтика была дополнена методом инкультурации. Инкультурацию герменевтики можно определить как истолкование Библии с позиций африканского контекста. Понятие «африканский контекст» многозначно. Оно включает в себя несколько основных вариантов. Прежде всего, это историческая память об угнетении и господстве колониализма и апартеида, о дискредитации миссионерами африканской культуры и религиозных верований, а также об антиколониальной борьбе.

Это – постколониальные и постапартеидные проблемы нестабильности экономики, бедности, болезней, обездоленности населения, экономической зависимости от западных стран; это рост антизападных настроений и терроризма.

Очень важным контекстом в теологии является контекст африканской культуры и ментальности, африканской концепции мира, суть которой в признании унитарности мира, в котором все взаимосвязано по принципу сопричастия: небесное и земное, сверхъестественное и естественное, живое и неживое, мыслящее и немыслящее. Доминирующей в концепции мира и в африканской ментальности является идея жизненной силы (жизненной энергии). Жизненная сила распределяется Высшим Божеством, но ее сохранение, поддержание и преумножение являются общественным предназначением человека и сообщества. Отсюда высшими ценностями для африканцев являются ценность жизни; порядок и гармония ритмов жизни; социальный порядок, обеспечивающий эту гармонию; социальная справедливость; равенство; солидарность; доброжелательность; коллективизм; единение и мир. Христианский догмат Спасения понимается в Африке в социальном измерении (как и в ряде современных прогрессивных теологических учений). Спасением в этом плане является освобождение общества от неравенства, несправедливости, угнетения, нищеты, голода, болезней. И в этом – главная задача общества

и его членов. Этот концептуальный подход, по словам Джастина Укпонга, диаметрально противоположен евроцентристскому подходу с его дуализмом, прагматизмом и индивидуализмом [20, p. 15].

Огромное значение в африканской теологии имеет контекст, который можно определить как «человеческий фактор». Теологическими исследованиями, библейской герменевтикой занимаются в основном ученые-теологи. При этом, как отмечает южноафриканский исследователь Джеральд О. Вест, с развитием инкультурации все более активизируется диалог между первоначальным текстом Священного писания и его значением для африканского контекста. В ситуации освобождения от миссионерского и колониального давления «обычные коренные африканцы выходят из тени их академически подготовленных товарищей, чтобы занять более видное место в процессе библейского толкования» [21, p. 70].

На существенную пользу, которую приносит участие в библейской герменевтике простых, бедных, неграмотных африканцев, обращают внимание многие теологи: Д. Укпонг, М. Дюбе, Дж. Вест и др. Дж. Вест пишет о значении живого реального опыта, который привносят эти простые христиане в работу обученных на Западе библейских ученых, о значении их вопросов, их интереса к толкованию Библии, что особенно ярко обнаруживается в совместных чтениях Библии простых африканцев с библейскими учеными [21, p. 73–74].

Значение «человеческого фактора» в инкультурации герменевтики обнаруживается и в специфике африканского контекста по отношению к различным категориям людей со свойственным им жизненным опытом: к мужчинам и женщинам, к жителям постколониальной Африки и постапартеидной Южной Африки. В связи с гендерной и историко-географической спецификой африканские теологи в ряде случаев обращают внимание на особенности «постколониальной теологии», «постапартеидной или черной теологии» в Южной Африке и «феминистской теологии» [4, с. 69–82].

Внимание, которое уделяется африканскими теологами контексту «человеческого фактора», свидетельствует о том, что африканцы из пассивного объекта колониальной библейской проповеди превращаются в субъекты активной библейской интерпретации. Можно сделать вывод, что инкультурация герменевтики, то есть контекстуальный метод анализа Священного Писания, представляет систему координат, которой руководствуется в своих исследованиях африканская теология [20, р. 15–16].

* * *

Рассмотрим, как африканская теология, руководствуясь афроцентричным подходом и методом инкультурации герменевтики, предпринимает поиски африканского присутствия в Библии. Интересной в этом плане является уже упоминавшаяся работа южноафриканского теолога Эрнеста М. Эзеогу об африканском происхождении Иисуса. Важен ли вопрос о происхождении Иисуса и о том, был ли он черным или белым? Что касается веры, пишет Эзеогу, не имеет значения то, как изображен Иисус. Важно верить в него и следовать его учению. Однако в африканском контексте, когда дело доходит до экзистенциального вопроса о том, как люди африканского происхождения видят себя и как их видят другие, африканское происхождение Иисуса становится серьезной проблемой. Э.М. Эзеогу приводит примеры таких экзистенциальных ситуаций.

- Религиозная община, в которую входили белые и несколько чернокожих, получила копию древней статуи Мадонны с младенцем. Статуя была черного цвета. Белые члены общины отказались установить статую в церкви по той причине, что черные Мария и Иисус – это фальсификация Священной истории. Этот факт породил расовую напряженность в общине.

- В эпоху апартеида в Южной Африке члены голландской реформатской церкви выступили против принятия

чернокожих южноафриканцев в свою церковь. В ходе протеста был поднят плакат с надписью «Мы хотим только чистую белую кровь, как белая кровь Христа».

Доказательство африканского происхождения Иисуса – это идея, которая может радикально изменить негативное восприятие людей африканского происхождения во всем мире, свести к минимуму расовую напряженность и привести к большей гармонии в современных многокультурных обществах [19, р. 280–281]. Э. Эзеогу приступает к доказательствам африканского происхождения Иисуса, используя не только метод инкультурации герменевтики, но и привлекая классический богословский метод экзегезы, то есть филологического, стилистического толкования Священных текстов. Анализируя родословную Иисуса, согласно которой он происходит от Авраама и Давида, ибо таково происхождение отца его – Иосифа (Мат. 1: 1-17), Эзеогу отмечает существенное несоответствие, суть которого в том, что, согласно Евангелию, Иосиф не был биологическим отцом Иисуса и мужем его матери Марии (Мат. 1: 18-25), поэтому Иисус не мог быть потомком Давида.

Явившийся во сне Иосифу Ангел возвестил, что ожидаемый Марией ребенок является воплощением Духа Святого и когда он родится, следует назвать его Иисус, что означает Спаситель (Мат. 1: 20-21). В Евангелиях «от Матфея» и «от Марка» имеются тексты, в которых рассказывается о речах Иисуса, в которых он подвергает сомнению или дистанцируется от распространенного ожидания, что Мессия придет из рода Давида (Мат. 22: 41–46), (Мр. 12: 37).

Смысл этих текстов в предположении, что и Иисус, и его современные слушатели знали, что он не произошел в прямом смысле от Давида. Почему же Евангелие от Матфея дает родословную Иисуса от Иосифа, в то время как Иосиф не являлся родным отцом Иисуса? Как отмечает Э. Эзеогу, большинство комментаторов придерживаются мнения, что, установив в качестве предков Иисуса Авраама и Давида,

Матфей хотел тем самым доказать, что Иисус был Мессией. Матфей устанавливает, что хотя Иисус не был потомком Давида по природе, он получил это законное право, когда иудей Иосиф женился на матери Иисуса – Марии. В этом случае Иисус стал пасынком Иосифа и наследником линии Авраама и Давида.

В послании «К римлянам» апостола Павла читаем, что Иисус был провозглашен Сыном Божиим «через воскресение из мертвых» и можно говорить о нем как «о Иисусе Христе, Господе нашем» (Рим. 1:4) [19, р. 264–267].

Таково свидетельство текстов Нового Завета. Однако исследователя Эзеогу интересует вопрос о естественном происхождении Иисуса, которое, как он предполагает, связано с африканскими корнями. Единственным родным Иисусу человеком, через которого можно проследить его происхождение, была его мать – Мария.

Ссылаясь на Евангелия, Э. Эзеогу пишет, что Мария до замужества жила в Галилее, которую называют «Галилеей язычников» (Мат. 4:15), ибо в ней жили общины иммигрантов. Она вышла замуж за иудея Иосифа, сына Давида, так как «Бог оценил ее любовь, веру в людей, землю и Бога Израиля, чтобы быть достойной исполнить обещание Божьего Завета Аврааму и Давиду, обещание Мессии» [19, р. 270].

Э. Эзеогу, пользуясь приемами культурной антропологии, пытается реконструировать сюжеты Священной истории. Им учитываются обычаи, нравы, традиции того времени и места, этнические характеристики персонажей, данные антропологии (значение имен собственных), социально-исторические и социокультурные обстоятельства.

Э. Эзеогу, например, ставит вопрос о значении имени Мария. Большинство библейских комментаторов, предполагая, что Мария была иудейкой, искали значение имени Мария в контексте иврита. Приблизительные формулировки этого значения были такие, как «бунт» или «горечь». Такие значения были парадоксальны для имени самого совершенного

создания Бога, святейшей женщины. Это тем более парадоксально для культуры, где предполагалось, что имя выражает суть человека и его судьбу.

Католическая энциклопедия 1912 г. свидетельствует, что, вероятно, имя Мария (Мириам) имеет египетское происхождение. В качестве доказательства приводится Ветхий Завет, где говорится, что Моисей, Аарон и их сестра Мириам родились в Египте и получили, очевидно, египетские имена. Ученые подтверждают, что имена Моисей, Аарон и Мириам имеют египетское происхождение [22]. Имя Мария в контексте египетского языка означает «заветная», «любимая». Это значение идеально подходит для имени будущей Богоматери. Характерно, что имя Мария, редкое в иудейской среде, так часто встречается среди последователей Иисуса, верных ему и остающихся с ним до его смерти у Распятия. Это Мария – мать Христа, Мария – жена Клеопы, называемая сестрой матери Иисуса, Мария Магдалина.

Э. Эзеогу отмечает, что в египетской, т.е. африканской культуре, существуют тесные родственные связи, единение, особенно на чужбине (в Галилее) и во времена скорби [19, р. 272–274]. Упомянутые культурные особенности позволяют Эзеогу реконструировать сценарий Священной истории: Мария, мать Иисуса, была темнокожей женщиной египетского происхождения, жившей в городе Назарете в Галилее, возможно, в общине иммигрантов. Отсюда можно сделать вывод, что сын Марии – Иисус – также имел египетское, то есть африканское происхождение [19, р. 272–274; 276].

Египетское происхождение Марии и Иисуса объясняет факт бегства Святого семейства именно в Египет (Мат. 2: 13–14), где, возможно, жили родственники Марии, которые приняли Святое семейство и помогли вырастить Иисуса. «В библейские времена и до сих пор, – пишет Эзеогу, – в традиционных африканских обществах это культурный этос, что когда жизнь человека под угрозой, самым надежным и безопасным местом убежища для него является родина его

матери» [19, p. 277]. Католический писатель Римского богословского форума Джон Маккарти, изучив факты, пришел к выводу о вероятности египетского происхождения Марии и заверил католиков, что это теологически обоснованная позиция [23].

Э. Эзеогу отмечает, что, как в случае со всеми историческими реконструкциями, данное исследование не претендует на абсолютную достоверность. Оно остается в пределах вероятности [19, p. 264]. Однако признание африканского происхождения Иисуса и Марии позволяет сделать вывод, что христианство, по крайней мере в его истоках, является африканской религией. Этот вывод помогает опровергнуть до сих пор циркулирующие в Африке сомнения и предположения о чуждости христианства Африке, о том, что христианство – это религия белых. Осознание того, что основатель христианской религии и его мать были африканцами, приведет к тому, что африканцы смогут уверенно и смело принять христианскую религию как часть своего наследия и вклада в историю человечества [19, p. 281].

Тактичное и осторожное, академически выстроенное предположение Э. Эзеогу об африканском происхождении Иисуса и его возможной темнокожести получило неожиданную и уверенную поддержку в период протестных акций движения BLM («Черные жизни имеют значение»), прокатившихся в 2020 г. в США и европейских странах. И не от рядового христианина, а от главы англиканской церкви Великобритании, лидера всех *англикан* мира Архиепископа Кентерберийского Джастина Уэлби, *примаса* государственной церкви Англии.

Архиепископ Кентерберийский заявил следующее: «Иисус был с Ближнего Востока, он не был белым. Важно, чтобы мы это помнили!». Кроме того, Архиепископ сопровождал пост своими любимыми изображениями Христа, на большинстве которых у Спасителя явно темный цвет кожи [24].

Основные направления развития африканской теологии

На протяжении многих лет основной парадигмой развития африканской теологии была реализация «теологии освобождения», получившая активное развитие в Латинской Америке и оказавшая огромное влияние на Африку и на борьбу афроамериканцев за свои права, справедливость и равенство [3]. Парадигма освобождения в теологии опиралась на библейский прецедент Исхода или, как это называют африканские теологи, метафору Исхода. Исход из Египта, освобождение от египетского рабства воспринимались как аналогия освобождения от колониализма, апартеида, расизма. В 90-х гг. XX в. кенийский теолог-англиканец, доктор философии и религиоведения Джесси Ндвиги Мугамби выступил с идеей смены парадигм. 30 марта 1990 г. он сделал основной доклад на собрании Всеафриканской конференции церковей в Найроби, посвященном теме: «Будущее церкви и церковь будущего в Африке». В своем докладе «От освобождения к реконструкции...» Д. Мугамби поставил вопрос о том, что парадигма «Освобождение» устарела и после ликвидации колониализма, апартеида, после окончания холодной войны необходимо перейти к парадигме «Реконструкции» (восстановления, трансформации, примирения, обновления). Если библейским руководством для освобождения была книга «Исход», то направление реконструкции должно основываться на библейских прецедентах восстановления храма в Иерусалиме и Иерусалимской стены под руководством Ездры и Неемии (Ветхий Завет, книги «Ездры» и «Неемия»).

Мугамби утверждает, что теология реконструкции бросает вызов церкви в Африке, чтобы активно выступать за права человека, социальную справедливость и примирение в разгар зверств, присущих Африканскому континенту [25, p. 5, 15]. Д. Мугамби предложил четыре уровня реконструкции. Первый – личная реконструкция. По его словам, человек

должен «постоянно восстанавливать себя в готовности к предстоящим задачам и вызовам» [25, р. 15]. Он утверждает, что изменения должны сначала произойти в мотивах и намерениях людей. Мугамби ссылается на Евангелия «От Матфея» и «От Луки» (Мат. 23: 8-12; Лук. 12-13; 18: 9-14) [25, р. 203].

Вторым компонентом реконструкции является культура, которую Мугамби определяет как «совокупный результат деятельности людей во всех аспектах жизни, в их стремлении справиться со своей социальной и природной средой» [25, р. 204]. Культурное восстановление, по его мнению, должно затрагивать способы евангелизации людей, суть которых в соединении Евангелия с их культурной и религиозной самобытностью.

Третий компонент – это церковная реконструкция, ибо религия, как столп культуры, обеспечивает принципы мировоззрения и организации общества. Социально-экономическая деятельность является четвертым компонентом или уровнем реконструкции. По мнению Мугамби, церковь в Африке, помимо участия в программах выхода из кризиса, должна заниматься выявлением причин и условий, порождающих кризисы: экономический кризис, кризис задолженности, технологический кризис, демографический и другие [25, р. 72].

Богословие реконструкции Мугамби получило широкую поддержку у многих африканских теологов: Чарльза Вилья-Виченсио, Андре Карамати, Кё Маны, Елелвани Фаризани и др. Однако оно вызвало и активную дискуссию, продолжающуюся до настоящего времени. В ходе дискуссии ряд сторонников идеи реконструкции высказали сомнения в необходимости смены парадигм и снятия с повестки дня необходимости освобождения от всего негативного, что еще существует в Африке. Тиньико Малулеке, Уилсон Нивагилия, Эммануэль Катонголе и др. высказали несогласие с тезисом Мугамби о том, что новый мировой порядок приведет к ликвидации «систем угнетения», таких как колониализм, расизм и идеологическое давление.

Такое утверждение, по мнению Т. Малулеке, дает африканцам ложную надежду, потому что Африка еще долго не сможет быть по-настоящему свободной от различных систем угнетения, как старых, так и новых, и ей потребуется освобождение от них [26, р. 107]. «Для бедных слоев сельского и городского населения мало что изменилось, – пишет У. Нивагилия. – Африканские политики и элитарные круги заменили колониальную власть, а этноцентризм, коррупция, кумовство, ксенофобия по результатам напоминают апартеид. “Исход к свободе“ на практике породил голод, нищету, разгул ненависти и насилия» [27, р. 174–182].

Как считает Э. Катонголе, трудно представить восстановление, реконструкцию Африки без освобождения от всего, что мешает ее развитию. Это и политические, и экономические, и социальные проблемы, но, возможно, самой большой является ментально-психологическая проблема. Суть ее заключается в том, что над Африкой и африканцами до сих пор довлеет негативный имидж, навязанный им колонизаторами и западными миссионерами. Этот имидж порождает комплекс неполноценности и приводит к неспособности представить и применить другой способ существования [28, р. 8]. Э. Катонголе считает важнейшими задачами церкви и теологии работу с самосознанием африканцев, с образами личности («я-образами») и коллектива («мы-образами»), образом (имиджем, репутацией) Африки. Необходимо, прежде всего, освобождение от негативных представлений об Африке, являющихся частью колониального наследия. Именно это откроет возможность восстановления альтернативных представлений о себе и альтернативного образа жизни [28, р. 109].

О проблемах самовосприятия в Африке значительно раньше очень эмоционально писал конголезский теолог Кё Мана. По его мнению, это самовосприятие было надолго дегуманизировано западным колониальным воздействием, люди сомневались в наличии у них человеческих способностей и возможностей. В результате в постколониальный

период неудачи государственных проектов воспринимались массами как predetermined и естественные, что лишало людей воли и стремления к инновациям и творчеству. Кё Мана пишет о парадоксе: Африка очарована миром, который является символом ее страданий и который доминирует над ней политически, экономически и культурно [29, р. 58, 66]. По мнению Кё Маны, отношение к западному миру, который притягивает и отталкивает, очаровывает и пугает, приводит к дегуманизации самовосприятия и реакции, которую Мана называет «воображением». Это «целое созвездие групповых убеждений, моделей мышления и внутренних побуждений», а также мифов, утопий и ожиданий, которые мотивируют поведение в конкретных обстоятельствах [29, р. 6].

В ответ на западное господство в Африке были разработаны мифические концепции африканской культурной и ментальной специфики, которая якобы выше и жизнеспособнее западной (например, негритюд). Кё Мана считает, что эти концепции дали Африке ложное осознание величия, оторванного от африканской реальности и повернутого в прошлое. По словам Кё Маны, африканская идентичность оказалась без души и превратилась в химеру [29, р. 68, 71].

Как считают Кё Мана и ученые, основные идеи которых мы рассмотрели, а также другие участники дискуссии о направлениях деятельности африканской теологии, церкви и теологии в Африке предстоит дальнейшая многообразная, в том числе психологическая, работа в двух направлениях: освобождение и реконструкция.

Итак, парадигма реконструкции в африканской теологии является новой и, по свидетельствам ее сторонников, характерной для XXI в. и его проблем [30, р. 355–356; 31, р. 90–95]. Библейских прецедентов, относящихся к идее реконструкции, довольно много. Это, например, тексты, касающиеся этики общественного и личного поведения верующих, а также их послушания Богу и следования Божественным заповедям. В качестве таких текстов Роберт Вафаванака, теолог из

Зимбабве, в статье «В поисках выживания: значения реконструкции богословия Ездры-Неемии» называет главы из книги «Второзаконие» (Ветхий Завет), в которых Моисей перед вступлением евреев в Землю Обетованную повторяет Заповеди Божьи (Втор. 5: 1-33) и напоминает о необходимости послушания Богу (Втор. 27-28) [30, р. 350].

Главными библейскими прецедентами для теологии реконструкции являются тексты о деятельности священников Ездры и Неемии по восстановлению Иерусалима и иудейской нации. Суть библейской истории иудеев такова: после обоснования евреев на Земле Обетованной они не проявили требуемых Богом Израилевым веры и послушания: они нарушали Божьи заповеди, поклонялись другим богам – богам коренных народов Палестины и были наказаны Богом. В 586 г. до нашей эры евреи были побеждены вавилонским царем Навуходоносором и изгнаны из своей страны. Они были возвращены при содействии персидского царя Кира в 539 г. до н.э. Изгнанники вернулись в опустошенную страну, был разрушен храм в Иерусалиме. Бог повелел восстановить храм и стены иерусалимские. Руководил этой восстановительной работой священник Ездра. Храм был восстановлен, восстановлены были иудейские праздники (Езд. 6: 1–22). Также завершается восстановление стен иерусалимских под руководством Неемии, который гарантирует, что община обязуется соблюдать законы Божии (Неем. 6: 15–16; 9: 31–38; 10: 28–31).

В этой библейской истории есть моменты, которые вызвали у африканских теологов резкую критику. Это библейские тексты об отделении иудеев, вернувшихся из изгнания, от коренных народов (ханаанцев), проживающих в Палестине, называвшейся в библейские времена Ханаан. Так, представители этих народов предложили свое участие в восстановлении храма Богу Израилеву, но получили резкий отказ (Езд. 4: 1–4).

Требование об отделении иудеев от иноплеменников не было выполнено, народ породнился с ними, что вызвало возмущение Ездры и требование удалить иноплеменных жен и

рожденных от них детей и не вступать более в брак с ханаанцами, ибо это ведет к осквернению и преступлению перед Богом (Езд. 9; 10). Еще более резко выступил против смешанных браков Неемия, проклиная евреев, взявших иностранных жен и требуя удаления их с детьми, ибо они заражены мерзостями поклонения идолам и способны совратить и погубить иудеев (Неем. 13: 23–30) [30, р. 350–351].

Интерпретация рассмотренных текстов у африканских теологов представляет диалог контекста этих историй (задачи выживания нации, сохранения иудейской идентичности) с африканским контекстом реконструкции, восстановления, обновления [30, р. 352]. Здесь применяется метод инкультурации и критической герменевтики.

Роберт Вафаванака отмечает, что тексты Ездры–Неемии содержат серьезные уроки. Африка также была во многом разрушена и нуждается в жизнеспособной программе восстановления. Но особенно важны предупреждения, которые вытекают из этих текстов. Африканцы хорошо представляют, как политика акцентирования различий (религиозных, этнических) может привести к конфликтам, войнам, геноциду. Задачи восстановления, прежде всего, предполагают поиск общего и объединение, а не разделение людей на чистых и нечистых, достойных и оскверненных. Опасность текста Ездры–Неемии, пишет Р. Вафаванака, в том, что при чтении его простыми, малообразованными африканцами он может быть истолкован как санкционирование нетерпимости и ненависти к людям иной веры или иной народности, как поощрение расовых, конфессиональных предрассудков и этнической чистки. Поэтому так важно совместное чтение Библии с подготовленными священнослужителями или теологами. Тексты Ездры–Неемии являются предостерегающим напоминанием о том, что у Африки больше шансов достичь прочного единства, мира, стабильности, успеха в реконструкции, подчеркивая не различия, а общую человечность [30, р. 356–357].

Елелвани Фарисани в статье «Идеологически необъективное использование Ездры–Неемии в поисках африканской теологии реконструкции» сделал обзор произведений о реконструкции трех авторов: Чарльза Вилья-Виченцио, Джеси Мугамбе и Андре Карамбаги. Проанализировав их интерпретацию текстов о Ездры–Неемии, он пришел к выводу, что никто из них не обратил внимания на преобладающую в текстах идеологию в пользу вернувшихся из изгнания евреев и против «народов Земли». Эта идеология не рассматривается названными авторами критически, в африканском контексте [32, р. 344–346]. Однако эти тексты не нейтральны, они идеологизированы и в них обнаруживаются идеи разделения народа на группы, одна из которых должна быть доминирующей (еврей). Для решения задач реконструкции в Африке этот текст должен быть прочтен критически и воспринят как предупреждение против этнической несправедливости, неравенства и ксенофобии [32, р. 346].

Особенно резко оценивает роль библейских текстов Ездры–Неемии южноафриканский теолог Джерри Сниман в статье «Коллективная память, колониальность бытия и власть как герменевтическая структура: Частичное чтение Ездры–Неемии» [33, р. 359–389]. Прежде всего автор напоминает об особенностях контекстуального подхода для разных категорий населения Африки и считает необходимым, чтобы память об апартеиде была частью герменевтической основы чтения Библии. Это особенно важно, по мнению Д. Снимана, в связи с тем, что библейские тексты обычно воспринимаются как доброжелательные. Это ослепляет читателя, и он не всегда способен понять, что текст может быть репрессивным [33, р. 362]. Память об апартеиде при чтении текстов о запрещении смешанных браков и необходимости удалить иностранных жен с детьми и разрушить семью напоминают о практике апартеида: о Законе от 1949 г., запрещающем смешанные браки, и о Законе о внесении поправок об аморальности от 1950 г. Такое чтение Библии на основе контекста об апартеиде

помогает критически оценивать не только прецедент Ездры–Неемии для реконструкции в Африке, но и чтение других библейских текстов, делает вывод Д. Сниман [33, p. 363].

* * *

Предпринятый краткий анализ формирования и развития философско-теологической мысли не исчерпывает всего богатства исследований в этой области африканской науки. За пределами анализа остались многие интереснейшие темы: феминистская теология, совершенно не похожая на западную; специфическая южноафриканская теология в постапартеидный период; идеи об имплицитном содержании в традиционном духовном комплексе Африки некоторых близких к христианским постулатам принципов (Троицы – триединства Бога, десяти заповедей и др.).

В то же время основополагающие проблемы, рассмотренные нами, дают основание сделать вывод о наличии нового существенного этапа в развитии африканской общественной мысли и поисках идентичности африканскими интеллектуалами. В данном случае в христианской теологии. Этот этап свидетельствует как о появлении новых принципов, ценностей, надежд в африканском мировоззрении, так и об их связи с предыдущими процессами [4, с. 81–82]. Идея афроцентризма, например, давно существующая в африканском идеологическом пространстве, но частично выступающая в форме национализма, в теологии зазвучала громко, хотя и приняла несколько экзотические формы, например форму доказательства африканского происхождения Иисуса и Богородицы. Впрочем, в последнее время афроцентризм приобрел характер тренда во многих областях африканской жизни. Выдвижение философско-теологических исследований на одну из передовых позиций в общем исследовательском поле объясняется рядом факторов [4, с. 81]. Это, прежде всего, бурный рост обращенного в христианство африканского населения и усиление значения религиозного фактора в общественно-

политической и культурной сферах жизни африканского общества на фоне секуляризации западных обществ и исчерпания христианского мировоззренческого, этического и цивилизационного потенциала западного мира. Можно отметить, что, как и в предыдущих компонентах линии развития африканской общественной мысли в философско-теологическом направлении, она также развивается как бы между двумя противоположными силами: между миром западного понимания христианства, представленного миссионерским воздействием на умы африканцев, а также западной теологией, с одной стороны, и богатым, многогранным, но полным тайн и ловушек духовным миром традиционного мифорелигиозного сознания – с другой [4, с. 82]. Философско-теологические исследования, как и упомянутые в этой статье теории негритюда, поиски африканской философии, не могут избежать влияния этих двух миров. В то же время нельзя не отметить все более набирающую силу уверенность африканских теологов, их оригинальность в подходах к библейской герменевтике и в поисках своего, африканского способа восприятия христианства. Это африканское христианство, по убеждениям теологов, должно сыграть существенную роль в многообразных процессах реконструкции Африки и особенно, как писал Кё Мана, «в процессах восстановления совести, сердца, воображения и духа африканцев» [29, p. 77].

Литература

1. Eboussi-Boulaga F. La crise du Muntu. Authenticité africaine et philosophie. Paris: Présence africaine, 1977.
2. Аналитическая служба Богослов.ru. URL: <http://www.ord/relig-100504105601> (дата обращения: 15.01.2021).
3. Мосейко А.Н., Харитоновна Е.В. Афрохристианское сознание и афрохристианская идентичность в Африке и в США // Человек. 2018. № 3. С.124–144.

4. Мосейко А. Н., Харитоновна Е. В. Современная христианская философско-теологическая мысль в Африке: особенности и проблемы // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 69–82.
5. Idovu Bolaji. *Towards an Indigenous Church*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
6. *Des prêtres noirs s'interrogent*. Paris: ed. Du Cerf, 1957.
7. Френкель М.Ю. *Общественная мысль британской Западной Африки во второй половине XIX в. М.: Наука, 1977.*
8. Мосейко А.Н. Кризис идентичности и духовные поиски африканской интеллигенции // Восток (Oriens). 2006. № 4. С. 84–95.
9. Мосейко А.Н. Кризис идентичности и духовные поиски африканской интеллигенции. Восток (Oriens). 2006. № 5. С. 63–73.
10. Mulago Vincent. *Un Visage africain du christianisme: l'union vital bantu face a l'unite vitale ecclésiale*. Paris: Présence africaine, 1965.
11. Bediako Kwame. *Theology and Identity: The Impact of Culture upon Christian Thought in the Second Century and in Modern Africa*. Oxford: Regnum, 1999.
12. Ukpong Justin S. *Developments in Biblical Interpretation in Africa: Historical and Hermeneutical Directions*. Journal of Theology for Southern Africa. 2000.
13. Mbiti John S. *Bible and Theology in African Christianity*. Oxford: Oxford University Press, 1986.
14. Maluleke Tinyiko S. *The Bible among African Christians: A Missiological Perspective* // *To Cast Fire upon the Earth: Bible and Mission Collaborating in Today's Multicultural Global Context*. Edited by Teresa Okure. Pietermaritzburg: Cluster. 2000. P. 87–112.
15. Мец И.Б. *Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии* // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 83–132.
16. Dube Musa W. *Introduction. The Scramble for Africa as the Biblical Scramble for Africa* // *Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations* / ed. by Musa W. Dube, Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 1–29.
17. Oduyoye Mercy A. *Hearing and Knowing: Theological Reflections on Christianity in Africa*. Maryknoll, NY: Orbis, 1986.
18. Adamo David Tuesday. *Decolonizing the Psalter in Africa* // *Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations* / ed. by

Musa W. Dube, Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 299–317.

19. Ezeogu Ernest M. *The African Origin of Jesus: An Afrocentric Reading of Matthew's Infancy Narrative (Matthew 1–2)* // *Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations* / edited by Musa W. Dube, Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 259–283.

20. Ukpong Justin S. *Reading the Bible in a Global Village: Issues and Challenges from African Readings* // *Reading the Bible in a Global Village*: Cape Town. 2002. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 9–41.

21. Gerald O. West. *Unpacking the Package That is the Bible in African Biblical Scholarship* // *Reading the Bible in a Global Village*: Cape Town. 2002. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 65–95.

22. Maas Anthony. *The Name of Mary* // *Catholic Encyclopedia*. Vol. 15. New York: Robert Appleton, 1912.

23. McCarthy John F. *New Light on the Genealogies of Jesus*. 1987. LT 11. URL: <http://www.rtforum.org/lt/ltl.html> (accessed: 15 March 2009).

24. По данным информационного агентства Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/715031> (дата обращения: 15.01.2021).

25. Mugambi J.N.K. *From Liberation to Reconstruction: African Christian Theology after the Cold War*. Nairobi: East African Educational Publishers, 1995.

26. Maluleke Tinyiko Sam. *Half a Century of African Christian Theologies* // *The Church and Reconstruction of Africa: Theological Considerations* / ed. by J.N.K. Mugambi. Nairobi: All Africa Conference of Churches, 1997. P. 84–114.

27. Niwagilia Wilson. *Our struggle for justice, peace and integrity of creation* // Mugambi J.N.K., ed. *The church and reconstruction of Africa*. 1997.

28. Katongole Emmanuel. *The Sacrifice of Africa: A Political Theology for Africa*. Grand Rapids: Eerdmans, 2011.

29. Mana Kë. *L'Afrique va-t-elle Mourir?* Paris: Editions du Cerf, 1991.

30. Wafawanaka Robert // *Quest of Survival: The Implications of the Reconstruction Theology of Ezra-Nehemiah*. 349–359 // *Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations* / ed. by Musa W. Dube,

Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature.

31. Mana Kë. Christians and Churches of Africa: Salvation in Christ and Building in New African Society. Maryknoll, NY.: Orbis Books, 2004.

32. Elelwani B. Farisani. The Ideologically Based Use of Ezra-Nehemiah in a Quest for an African Theology of Reconstruction // Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations / ed. by Musa W. Dube, Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 331–339.

33. Gerrie Snyman. Collective Memory and Coloniality of Being and Power as a Hermeneutical Framework: A Partialized Reading of Ezra-Nehemiah // Postcolonial Perspectives in African Biblical Interpretations / ed. by Musa W. Dube, Andrew M. Mbiti, and Dora Mbuwayesango. 2012. Atlanta. Society of Biblical Literature. P. 359–389.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

DOI: 10.22363/

Э.С. Львова

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Колониальный период (с конца XIX по вторую половину XX в.) значительно изменил многие стороны жизни африканских народов. Однако это были именно изменения, но не исчезновение древних правил существования этносов. Ко времени достижения независимости традиции, хотя иногда и частично, еще сохраняли свою роль гаранта единства того или иного социума. В то время в разгаре национально-освободительной борьбы отношение к старым традициям (традиционным системам управления, локальным верованиям, веками отработанным правилам решения конфликтных ситуаций и т.д.) зачастую было негативным. Многие политические деятели того времени ратовали за их полное уничтожение, призывали «отряхнуть прах обветшалых обычаев».

Одним из основных считалась традиционная система власти. Эти взгляды наиболее ярко выразил Кваме Нкрума, один из крупнейших panaфриканистов, ставший первым президентом независимой Ганы (бывшей английской колонии Золотой Берег). Хорошо известно, что на Первой конференции народов Африки (Аккра, 1958 г.) он очень резко высказывался против сохранения института традиционных правителей, считая их феодалами и угнетателями, мешающими

созданию нового современного свободного государства¹ [1]. Этот пафос разделяло большинство деятелей, боровшихся за освобождение своих стран от колониализма. В результате после провозглашения независимости во многих африканских государствах этот институт был уничтожен. Там, где традиционные правители еще сохранялись (Верхняя Вольта, Камерун, север Нигерии и т.п.), они были лишены всякого влияния. Лишь в Лесото и Свазиленде (Эсватини) члены старых династических родов остались во власти.

В духовной жизни уже давно традиционные локальные верования заменились мировыми религиями: христианством и исламом, приверженцы которых насчитывают более 60 % населения Африки южнее Сахары. У многих народов они стали восприниматься как «свои» религии и поддерживаться властями. Однако, несмотря на синкретические формы, вобравшие в себя многие аспекты традиционных локальных верований, ни та, ни другая конфессия полностью не удовлетворяли духовных потребностей африканцев новых государств. На волне недовольства еще на рубеже XIX–XX вв. возникали так называемые афро-христианские (христиано-африканские) церкви и секты. В них правительства бывших колоний также видели препятствие для «новой жизни», так как они по своей природе они возникали на волне протеста против колониальных администраций и сохраняли протестный пафос против любой власти и к тому же были локальными и узкоэтническими и, следовательно, таили в себе угрозу этнических столкновений. В некоторых странах, как, например в Народной Республике Конго, даже запрещали их деятельность [2].

Природные условия континента очень разнообразны. Поэтому столь же разнообразны и традиционные занятия его

¹ Это хорошо видно например, по стенограмме отчета И.И. Потехина об участии в 1-ой Конференции народов Африки на Ученом Совете Института Этнографии АН СССР – Архив РАН, ф.

населенников, и хозяйственно- культурные типы. Здесь жили и охотничье-собираТЕЛЬские народы, и земледельцы, и скотоводы, как оседлые, так и кочевые. Как правило, каждый из них занимал свою экологическую нишу, а при необходимости мигрировал, так как сохранялись достаточные площади свободных земель. При этом хозяйственные занятия, как и весь уклад жизни, были зависимы от природных условий мест проживания и соответствовали им. Каждый социум обеспечивал себя всем необходимым, были развиты разнообразные ремесленные производства. Потребности колониальных властей перекраивали такое природное хозяйственное районирование в своих интересах, создавали плантации экспортных культур, разрабатывая выгодное для продажи на мировом рынке природное и сельскохозяйственное сырье, не считаясь с традиционными занятиями и нуждами местного населения. Традиционные ремесла практически полностью оказались уничтоженными. Сложилась зависимость от мирового рынка, которую унаследовали и освободившиеся государства, которые были вынуждены продолжать ту же хозяйственную политику.

И до колонизации, безусловно, мирное сосуществование различных народов нарушалось и возникали разного рода конфликты вплоть до военных столкновений. Были и захваты новых территорий, в за частую кровопролитной борьбе создавались крупные политические союзы, возникали и народные волнения (как писали средневековые западноафриканские хроники «из-за бесстыдства знатных») и т.п. Однако за долгие столетия сложились и условия соседской мирной жизни и разнообразные модели предотвращения и разрешения конфликтов, недопущения перерастания их в вооруженные столкновения, улаживания уже существующих противоречий.

Использовались и дипломатические приемы, переговоры, убеждения, заключение устных (а со временем и письменных) договоров. Они успешно работали, например, во взаимоотношениях с соседями [3]. Это и заключение междинастических браков, и сохранение привилегий правителям побежденных, и

особые «ритуалы подчинения» и т.д. Позднее дипломатические переговоры часты в отношениях с первыми европейцами, с конца XV в. появившимися в Африке. Так, сохранились многие договоры традиционных правителей (например, на территории современного Камеруна – 4); как и имена верховных правителей Анны Нзинги Нгола Матамбы в современной Анголе; Гарсия в средневековом Конго; Ылени и Лебна-Дынгеля в Эфиопии [5; 42; 43], вызывавших восхищение европейцев-современников их умом и талантами. Благодаря им в 1642 г. Конго удалось подписать выгодный договор с голландцами; добиться посылки военной помощи Португалии в Эфиопию; убедить португальцев в Луанде принять свои условия при заключении договора.

В первые годы независимости сохранялось отрицательное отношение к традициям и исторической памяти, затем оно стало не столь категоричным. Сначала было стремление порвать с ними, но по прошествии времени пришло осознание ошибочной негативной оценки роли и места традиций в жизни независимых государств Африки. Появилось понимание важности традиций и исторической памяти в разных областях современного развития. Необходимо заметить, что историческая память все же иногда играла неблагородную роль. Она стала, например, истоком ожесточенной борьбы политических партий в 1960 г. в бывшей колонии Бельгийское Конго, когда на западе страны одна из таких группировок АБАКО (Ассоциация народа баконго) требовала воссоздания государства Конго, а другая (Балубакат) – государства Луба на юго-востоке (первое прекратило свое существование еще в начале XVIII в., а второе – в конце XIX в.). Тогда это привело к вооруженной борьбе, гражданской войне и интервенции.

Позднее пришло осознание того, что традиционные практики не исчезли и продолжают хотя бы частично существовать, а затем появилось и стремление воплотить их в жизнь и даже использовать для решения многих современных проблем. Эта тенденция существует и сегодня и заметна во

всех областях сегодняшней жизни африканских обществ: и в материальной культуре, и в политике, и в духовных поисках, и в конфликтных ситуациях и т.д. Однако мы видим отнюдь не воссоздание традиций во всем их комплексе, а появление новых форм. Это несоответствие и неполное воспроизведение традиционности имеет свои причины. Прежде всего, многое оказалось утраченным безвозвратно, и даже глубокие старики не всегда могут рассказать о былых правилах жизни. Кроме того, сама жизнь изменилась и появилась необходимость приспособлять к ее требованиям старые нормы. Так что явление, наблюдаемое ныне в Африке южнее Сахары, не возвращение к традициям, а то, что можно определить словом неотрадиционализм.

Заметнее всего это в бытовой и материальной жизни. Знакомство с европейской культурой в годы колониализма привело к заимствованию общей интернациональной одежды, норм городской культуры, изменению антропонимической формулы (в частности появлению фамилий), использованию предметов быта промышленного, а не ремесленного производства и т.д. Все это рассматривалось как знак особого престижа, и к этому стремились сначала верхушка местных обществ, а затем и все его социальные слои.

Если ранее престижной считалась европейская одежда, то со второй половины XX в. таковыми стали традиционная одежда, прически, украшения. Они дороги, изготавливаются на заказ, используются в торжественных случаях. Так, «кенте» (мужская несшитая одежда народов Ганы) можно видеть на традиционных правителях, крупных чиновниках, встречах ганских эмигрантов в Лондоне; «бубу» (общее название просторных длинных одеяний в Западной Африке) носят и местные мужчины, и послы африканских государств, а нередко и президенты [6]. Африканские студенты за границей часто шьют традиционные одежды для защит магистерских и аспирантских диссертаций. В 1972 г. в Заире даже были выпущены указы, предписывающие чиновникам (а позднее всем

гражданам) носить традиционную одежду. Вновь местами стали появляться татуировка и скарификация (шрамирование). Однако во всех этих случаях видны новые черты. Так, «кенте» носится поверх европейского костюма; нигерийский дом мод предлагает (как и в Сомали) сочетать мужскую юбку с пиджаком или длинную свободную рубашу с брюками. Одежда утратила этнический характер, стала «африканской». В «африканском» женском костюме главное – длинные юбки и легкие кофточки и головной платок из одинаковой ткани с ярким «африканским» узором. У женщин-гереро в Намибии национальным женским костюмом стал считаться тот, что носили их хозяйки-голландки в XVII в., а в Восточной Африке из традиционных несшитых «канга» шьются наряды по европейским лекалам [7]. Если когда-то узоры татуировки или шрамирования были строго определены, наносились во время инициаций и служили своеобразным «паспортом» говорящим об определенном этносе и месте человека в нем, то теперь это свободный выбор.

Еще один «бытовой» аспект – наречение имени. Иногда сами африканцы отказывались от крещеных имен, а то с такими призывами выступали правительства. Так, известный кенийский писатель Джеймс Нгути стал Нгути Ва Тхионго, а в Заире (ныне ДРК) одновременно с указом об обязательном ношении традиционной одежды были запрещены и крещеные имена – следовало вернуться к старым правилам наречения имени. Подобные действия предпринимало и правительство Того. Несогласных даже не принимали на государственную службу. Сам тогдашний президент Заира Джозеф Мобуту стал именоваться Мобуту Сесе Секо Куку Нгвенду Ва За Банга. Но и в этом случае не было воссоздания старых правил: например, из списка имен народа луба, зафиксированных в начале XX в., во второй половине его не было ни одного; в многочисленных именах появились слова чужого языка; частью имен стали титулы, этнонимы и названия стран и т.п. [8].

Архитекторы часто строят современные здания и создают городские застройки, используя традиционную круговую планировку и старые декоративные элементы. Таковы, например, Национальный банк Аддис-Абебы (Эфиопия); мечеть в Хартуме (Республика Судан); церковь в Мапуту (Мозамбик) и др. Нередко отели в Национальных парках, как в Ваза в Камеруне или на берегах Гвинейского залива (в Кот-д'Ивуар) и Индийского океана (в Кении) стилизованы под традиционные жилища, как и кафе в университетском дворе Аддис-Абебы. Для декорирования используются навыки резьбы по дереву и работы по металлу (так, ограду национального банка Ганы украшают отливки в виде средневековых гирек для взвешивания золотого песка). Элементы известного «суданского стиля» повторяются как в светских сооружениях (типа базара в малийском Бамако), так и церковных (например, в католическом соборе Дакара). Местные архитекторы участвуют в конкурсах на лучшее воплощение традиций в современной городской застройке и т.п. Практически во всех африканских странах в большом количестве возникают ремесленные мастерские, практикующие древние технологии (ткачество, кузнечество, живопись, аппликация, резьба по дереву и камню и т.д.).

Эта тенденция очень заметна в системе властных отношений. Влияние традиционных властей разных рангов (от мелких вождей до династических правителей) сохранялось всегда, хотя и в случае их формального уничтожения, в теневой сфере. Зачастую никакие распоряжения центральной власти не выполнялись без поддержки и одобрения местных традиционных вождей. В конце прошлого века с процессами демократизации (иногда их называют процессами децентрализации) многие «вышли на поверхность», были расширены их полномочия.

В одних странах укрепилась власть сохранившихся традиционных правителей («сарки» в Северной Нигерии и «оба» в Южной, «моронаба» в Буркина-Фасо, «лаמידо» в Камеруне

и др.). В других, где они были запрещены, пришлось их восстановить (в Гане и Уганде, например). Согласно англо-йорубскому словарю, как указывала Н.Б. Кочакова, в Нигерии в 70-е гг. XX в., насчитывалось около 200 традиционных титулов правителей и знати разного ранга. В-третьих – уже были созданы Палаты вождей (например, в Ботсване и т.п.). После временного закрытия в Замбии такая палата вновь возникла в 2003 г. Иногда рекомендуется создать их (ДПК), а в Уганде были воссозданы четыре «королевства», упраздненных в 1960-е гг. Более того, было даже создано подобное же «королевство» у народа, не имевшего ранее никакого политического союза. Такие структуры зачастую воспринимаются как элементы культурного наследия, и на них возлагается задача защиты традиций. В Замбии, например, это совещательный орган. Заметим, что ныне в него выбирают и женщин (по некоторым данным, 20 человек из 286) [9].

«Вожди» разных рангов уже в силу своего рождения становятся членами парламентов, активно участвуют в политической жизни своих стран. Часто они становятся деятелями международного ранга, как Кофи Аннан, бывший Генеральным секретарем ООН, или дипломатами. Так, в московском посольстве Анголы в конце прошлого века долго служила «принцесса» Конго, уже двести лет не существующего.

Интересное исследование провели в 1980-е гг. российские ученые В.Р. Арсеньев и А.А. Маслов [10]. Они проанализировали состав тогдашнего парламента в Мали и установили, что более половины его членов – потомки средневековых традиционных правителей, «королей» Мали и Сонгаи и других политических союзов (теперь названия династических кланов – фамилии современных политических деятелей – Кейта, Траоре, Туре, Ба и др.). А в Лесото и Свазиленде (Эсватини) сохраняется и поныне традиционная структура власти с советами знати, соправительницами (король носит старинный титул «Лев», а королева-мать – «Великая Слониха») и т.д.

В некоторых случаях высшие чиновники, вплоть до президентов, не имеющие таких предков, вынуждены совершать традиционные ритуалы, подтверждающие их право на власть. Так, Мобуту, происходящий из народа, не имевшего традиционных правителей, провел соответствующие ритуалы, чтобы в глазах подданных иметь право на президентство. Однако положение подобных правителей разного ранга уже далеко было не тем, что в прежние времена. С одной стороны, они утратили статус сакральных лиц, многие табу (хотя временами некоторые утраченные черты еще заметны – так, в 1994 г. нового правителя восстановленного «королевства» Буганды несли на плечах во время интронизации, так как сакральный «царь-жрец» не имел права касаться земли во избежание бед для народа). С другой – некоторые свойственные им по обычаю сакральные черты, переносятся и на избранных в соответствии с современными демократическими правилами гражданских лидеров [11].

Как правило, и власть их стала ограниченной, неполной. Уже говорилось лишь о совещательном голосе в парламенте Замбии. Некоторые из них, как один из «ламидо» Камеруна, в своем интервью жаловались на это [12]. Они «встроены» в современную систему власти, и скорее играют не столько реальную, сколько представительскую роль. Они проводят яркие «фестивали» во время традиционных календарных праздников (как и было положено издревле), но и во время государственных Дней Независимости. Но практика их проведения уже иная: шествия, выступления «вождей», часто на актуальные темы сегодняшней жизни своих народов. Иногда устраиваются и парады всех традиционных вождей, как в 1995 г. в замбийском Ливингстоне. При этом уходит в прошлое этническая локальность – в таких «фестивалях» принимают участие «вожди» всех соседних народов, а то и всего государства. А иногда на них собираются все единоплеменники, разделенные государственными границами, как во время праздника

народа чева в Замбии в 1984 г. [13]. Такие фестивали поддерживаются правительствами.

Нарушены и правила наследования. У многих народов Африки южнее Сахары господствовала поколенная система, сейчас она исчезла. Даже у этносов с матрилинейностью наследником становится сын, а не брат и не племянник – сын сестры. Нередки случаи, когда таким вождем становится женщина. В Гане на рубеже XX–XXI вв. было несколько вождей-европейцев. Таков, например, англичанин Дж. Моксон, выпускник Кэмбриджа, проработавший в колонии Золотой Берег вплоть до достижения независимости администратором и заслуживший уважение местных жителей. Он был возведен в один из высших санов, а затем и в верховного правителя Абиру. По свидетельству Д. Лейне, проводившего исследования в 1988–1991 гг., в Гане и Нигерии было около 20 таких «белых вождей»² [14].

А зачастую в отсутствие достойных наследников на родине местные сановники вызывали из стран Европы и Нового Света «принцев», когда-то уехавших из дома на учебу и прижившихся там, а то и их детей, родившихся как в браке, так и вне его. Появились даже сведения, что одним из таких детей был Сергей Котов из Твери, сын Феликса Дарти из Ганы, ставший в 2003 г. традиционным правителем одного из небольших народов страны его отца [15]. Одни из них отказываются от принятия власти; другие, как С. Котов, – появляются у «своего» народа по случаю ритуальных и государственных праздников; третьи принимают судьбу, оставляют налаженную жизнь в Европе и становятся настоящими традиционными правителями, как в Буганде или старинном Ифе [16].

² О выборе вождем женщины любезно сообщено Ю.Г. Суетиной, доцентом каф. африканистики ИСАА МГУ, переводчиком фильма о Боко Харам (Нигерия).

Другое направление сохранения и возрождения традиций – конфессиональная сфера. В мусульманской и христианской среде всегда сохранялись элементы традиционных верований. Колдовство, вера в духов, культ предков оставались частью духовной жизни всех африканцев. Вспоминается разговор в Абиджане с африканцем-лютеранином, отец которого католик, а брат – мусульманин. На недоуменный вопрос, не приводит ли это обстоятельство к напряженности в семейных отношениях, был спокойный ответ: «А какая разница, все равно у нас дома стоит фетиш» [6]. А сотрудники посольства Мадагаскара в Москве рассказывали, что их график отпусков обязательно составляется с учетом того, когда в их роду (независимо от того, католики они или протестанты) проводится «фадихамана» (переворачивание останков предков) – обязательный ритуал древних традиционных верований.

Ныне нередко налицо стремление возродить древние верования во всей полноте. Где-то оно включается в программы культурного возрождения народов. Стремление воссоздать дедовские верования наталкивается на утрату знаний о них. Так, в анкетах-вопросниках, предлагаемых нами в Эфиопии, был один ответ респондента, что он «пока атеист». В разговоре с ним выяснилось, что он деятель Ассоциации за возрождение культуры своего народа – каффичо, который был крещен еще в конце XIX в., задачей которого является и возвращение к «своей религии». Ее он и будет исповедовать, когда его программа будет выполнена. Это до сих пор не удалось, так как память уже ушла (добавлю, что в центре древней Каффы нам никто не мог показать священных гор и рощ, где когда-то были сакральные места). Сейчас энтузиасты воссоздания верований изучают описания европейских путешественников как источник знаний о них [7].

Есть и более уникальный случай – в государстве Бенин «Вуду», практически исчезнувшее, провозглашено в 1993 г. тогдашним президентом страны Нисефором Согло государственной религией. Есть и общегосударственный праздник –

«день Вуду»; устраиваются и международные «фестивали», на которые прибывают участники из других стран как Африки, так и Нового Света (с островов Карибского моря). Хотя и в десакрализованном виде, активно действуют тайные союзы Поро на Гвинейском охотников в Мали и Нигерии и т. п. Вера в колдовство и действенную силу амулетов сохраняется и в быту, и на самых высоких уровнях власти. Она не пропадала никогда: существовала и в колониальное время, когда повстанцы Мау-Мау в Кении приносили традиционные клятвы, подкрепляя их окроплением крови жертвенного козленка, и во время борьбы за независимость, когда «полевые командиры» проходили обряды, необходимые для перехода в класс «старших воинов». Продолжает жить и сегодня – ношение амулетов. Привычное в обыденной жизни, в случае вооруженных столкновений оно иногда приравнивается к оружию. Так, во время гражданской войны в Кот-д'Ивуар людей, в карманах которых находили их, тут же казнили [18].

Ингредиенты для колдовских снадобий и сейчас в изобилии можно встретить на рынках многих африканских стран. У правительств вызывает озабоченность не только сама вера в колдовство, но и угроза исчезновения многих видов флоры и фауны, которые в нем используются³. Особо опасное положение сложилось в Танзании. В этой стране считается, что наиболее действенны те препараты, где используются части тела альбиносов, и эта группа населения оказывается под угрозой калечения, похищения, а то и лишения жизни. Правительство приняло жесткие законы и разные меры защиты, (в частности охраняемые поселения), но угроза все-таки остается [19].

Неоднократно в разных странах принимались законы о запрете колдовства (вероятно, первый был указ 1895 г.

³ Этой проблеме, в частности, были посвящены доклады африканских участников из разных стран на XVI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Китае в 2009 году.

в Южной Родезии) [20]. Однако такого рода действия (и для уверенности в удаче, и направленные на реального или мнимого противника) широко распространены. Частое поле для них – спортивные, особенно футбольные состязания. Несмотря на запрет Африканской федерации футбола, уже в XXI в. неоднократно и футболисты, тренеры, судьи, болельщики применяли ритуальные заклинания, окуривание и омошения: например при проведении Кубка Африки в 2002 г., в играх Замбии и Сенегала в 2017 г.; в 2018 г. во время встречи команд Исландии и Нигерии. Особенно заметно это было при подготовке и проведении чемпионата мира в ЮАР в 2010 г. [21; 41].

В Эфиопии до недавнего времени некоторые политические деятели оромо призывали к возрождению системы возрастных классов. Они считали эту систему управления социумом самой демократичной и полагали, что ее следует принять сначала Эфиопией, а затем и всеми странами Африки южнее Сахары [22]. Инициации, их начинающие, десакрализуются и становятся просто праздничными действиями. Ритуалы, связанные с инициациями, стараются сохранить, но и они изменяются. Сокращается срок их прохождения. Если в традиционных обществах мальчики проходили их за несколько недель, а то и месяцев, то сейчас городских школьников отправляют с этой целью в деревню к дедушке на 7–8 дней. Обрезание, как правило, проводится гораздо раньше достижения половой зрелости (иногда сразу после рождения) хирургами в больницах; при этом не проводится торжественного пира, а деньги, скопленные на его проведение, тратятся на семейные нужды (велосипед для «героя дня», холодильник для семьи и т.д.) [23].

Однако все эти явления не просто возвращение к давним правилам жизни, которые зачастую ушли из памяти даже старших поколений. Они либо значительно модернизируются, либо меняют свое назначение. Тайные союзы теряют свою не-

доступность, проводят свои церемонии в дневное время в присутствии непосвященных свидетелей (в том числе европейцев). Они зачастую десакрализируются, в них входят представители высшей власти, а то и президенты. Так, известно, что Чарльз Тейлор, президент Либерии в 1987–2003 гг. был важным членом мужского союза Поро, а жена другого президента Уильяма Табмена возглавляла подобный же женский союз Санде. Многие офицеры – участники последних гражданских войн в Сьерра-Леоне и Либерии также принадлежали к тому или иному тайному союзу [24]. В частности, в 1982 г. А.А. Громько, бывший в ту пору директором Института Африки, брал интервью у Дж. Ванди, директора Отдела культуры Министерства по делам туризма и культуры Сьерра-Леоне. На вопрос, какую роль они играют и не противоречит ли их существование господствующему в стране христианству, тот ответил: «До прихода колонизаторов тайные общества определяли все стороны жизни племени. Они несли ответственность за безопасность племени, за образование. Тайное общество решало вопросы войны и мира, ловко обделывало дела в политике, исполняло религиозные функции... Я сам являюсь посвященным членом тайного общества Поро и одновременно исповедую христианскую религию. Принадлежу к реформаторской церкви» [25]. Ныне эти союзы уже утратили многие функции, их выполняет государство, но тайные союзы продолжают играть значимую роль во внутренней бытовой жизни стран Гвинейского побережья.

Столь же важны и традиционные суды, базирующиеся на обычном праве. В некоторых странах они существуют наряду с государственным правом, копирующим, как правило, европейские образцы. Чаще всего эти два института разделяют полномочия: государственные занимаются гражданскими, уголовными, торговыми делами, тогда как в сферу деятельности традиционных («туземных») судов входят семейно-брачные и наследственные проблемы. Как видим, сузилась

площадь проблем; традиционная правовая система перестала охватывать всю жизнь африканских сообществ [26].

Однако и само обычное право трансформировалось. Так, по старинным нормам левирата, вдова, ее дети и имущество наследуются братом умершего мужа, но уже спрашивается согласие женщины, и она **вправе** не согласиться. В некоторых странах были созданы «Кодексы обычного права», получившие тот же статус, что и гражданское, уголовное и другие составляющие государственного права. В этих случаях оно основывалось на выборке из правовых законов народов страны и представляло собой своеобразный комплекс установлений разных этносов, обязательный для всех граждан, независимо от их этнической принадлежности. Типичный образец – «Кодекс обычного права» Танзании [27].

В спорных случаях нередко признается приоритет обычного права над государственным, как это произошло в Кении в 80-х гг. XX в. [28].

Случается и возникновение элементов традиционной культуры заново даже в тех случаях, когда той или иной традиции не существовало. Так, известно, что для традиционных систем миропонимания у африканских народов характерно представление, что умершие в период «посмертия» до возвращения в мир живых в образе потомков могут заниматься прежней деятельностью. И в Гане появляется кладбищенский крест с прибитыми к нему плотницкими инструментами. В той же Гане во второй половине XX в. резчики по дереву стали делать фигурные гробы: для дипломатов в виде самолета; для бизнесменов – автомобиля, для рыбака – большой рыбы, для священника – Библии [29]. Примерами могут быть также «восстановление» «королевств» в Уганде у народов, которые ранее не имели политических союзов; сооружение статуй Огуна и Шанго у народов Нигерии и поклонение им (чего не существовало в древней традиции).

Изготовление «традиционных» масок, фетишей, различных культовых предметов, якобы хранивших души давно

умерших, широко распространено во всех странах Африки. Наряду с десакрализацией происходит и их тиражирование, и коммерциализация. Так, например копии «ндоп»-резных деревянных статуэток, в которых, по мнению бакуба в ДРК, покоились души их правителей, можно даже заказать по Интернету [30]. Другой пример коммерциализации – изготовление уже упомянутых фигурных гробов на заказ, в том числе и также по Интернету. А у народа сенуфо ритуальные рисунки-обереги на стенах входных хижин (а также тайных обществ) изготавливаются на холсте как современные картины. В 2010 г. выставка-продажа таких картин состоялась в Москве [31]. Фестивали Вуду в Бенине стали уже туристическим продуктом, основываются целевые туры [32].

Все чаще слышатся голоса как ученых (политологов и антропологов), так и политиков о настоятельной необходимости использовать традиции в конфликтологии для предотвращения и умиротворения внутри- и межгосударственных конфликтов (в Сенегале, Гамбии, Буркина-Фасо и др.). Внутри государств конфликты (по счастью мирные) в хозяйственной сфере – иногда вызываются при неучитывании народных экономических традиций. Так, например, на юго-западе Эфиопии недовольство жителей вызвало новое районирование сельскохозяйственного производства, навязывание несвойственной им хозяйственной деятельности. Сложностей можно было бы избежать, если бы власти обратились к традиционному разделению труда – здесь один народ издревле занимался пчеловодством, другой – возделыванием кофе [33].

Тяжелые события в Сенегале в районе Казаманс, переросшие в ожесточенные стычки, длившиеся более 20 лет и связанные с гибелью людей, подавляемые правительственными войсками, как и столкновения фульбе и тукулеров, стали объектом исследования ученых Дакарского университета имени Шейх Анта Диопа. По их мнению, именно разрушение традиционной структуры местных обществ, падение авторитета «старейшин» усугубило экономическую нестабильность и

бедность, вызвавших жестокий конфликт. Они полагают, что большую роль в успокоении соперников могло бы сыграть не применение силы, а изучение истории народов, которые стали участниками этих столкновений, их менталитета, методов старой «народной дипломатии», позволяющих жить в мире с соседями в течение многих лет. Они утверждают, что как у ведущего народа страны и самого крупного (волоф), так и у остальных 20 традиционно велик дух коммунизма и солидарности и веками были выработаны «социокультурные средства регуляции насилия», и для решения современных конфликтов и социальной напряженности следует использовать «всю мощь» этого многовекового опыта, в том числе и силу слова (публичного восхваления и порицания) [34; 35].

А в университете г. Буаке (Кот-д'Ивуар) специально была создана группа исследователей, занимающаяся проблемой «Войны, конфликты и традиции». Одной из первых задач она считает анализ существующего положения. Ученые отмечают, что после обретения независимости зачастую обостряются отношения между разными народами в стране. Экономический кризис приводит к деструкции общества, деградации и даже разрушению традиционных ценностей. Дополнительной причиной этого процесса являются участвовавшие в последние годы миграции – с одной стороны, внутри самого государства, с другой – появление многочисленных беженцев из соседних стран, охваченных военными конфликтами или экономическими кризисами (в частности Мали, Бенина, Буркина-Фасо, Либерии, Ганы и др.). Это вызывает неконтролируемое давление на землю, конфликтные ситуации в связи с землепользованием между местными крестьянами и пришельцами. Положение усугубляется разностью культурных традиций (а одной из основополагающих было дружественное отношение к соседям); наличием разных местных языков. Еще сложнее, когда сталкиваются коллективы из стран с разными государственными языками, как в случае с беженцами из англоязычных стран Либерии и Сьерра-Леоне,

осевшими во франкоязычной Буркина-Фасо. Все это ведет к обостренному чувству несправедливости, потере доверия, фрустрации.

С точки зрения исследователей, политика правительств только провоцирует эти трудности. Экономические и политические меры, предпринимаемые им, результата не дали. В поисках методов разрешения конфликтов предлагается обратиться к «культурному разнообразию» и вспомнить сложившиеся веками способы разрешения конфликтов. Такая практика была использована в 2009 г. Тогда обратились к символическим ритуалам «зомкон». В соответствии с ними переговоры сопровождались совместным испитием представителями конфликтующих сторон магического напитка из смеси молока и рисовой муки – знаковых символов культов плодородия (скотоводства и земледелия). Именно в использовании традиций ивуарийские ученые видят возможность бескровного разрешения внутригосударственных конфликтов. Ключевой фактор современного развития – возвращение ценностей, использование богатого разнообразия культуры народов стран Африки – к такому выводу приходят исследователи из Университета в г. Буаке [36; 37].

Чаще всего слышны лишь призывы ученых и отдельных политиков применять (предварительно изучив и критически проанализировав) традиционные методы примирения. О практическом использовании их в конфликтных ситуациях сообщений пока нет. Но такая попытка была предпринята в 1993 г. на юго-западе Эфиопии. Здесь тогда сложилась очень сложная ситуация. Многие десятилетия в Эфиопии шла гражданская война, были и войны с соседними государствами (Суданом, Сомали, Кенией). В этом приграничном районе положение осложнялось и тем, что его населяют в основном скотоводческие племена, сохраняющие традиционный быт и хозяйственный уклад (такие как консо, амер, борана и др.). Это требовало, в частности, постоянных перекочевков (невзи-

рая на наличие государственных границ), разделения границами этнических территорий и регулярных набегов молодых воинов на соседей с целью угона скота, женщин и грабежа, что входило в систему социализации мужчин. Ни военные действия, ни усилия центрального правительства и иные меры урегулирования положения не достигали результатов. Тогда и было решено обратиться к древним обычаям достижения согласия враждующих сторон и провести торжественный ритуал «Закапывания копья войны», заставивший вспомнить известный с детства обычай американских индейцев – закапывание томагавка – топора войны. Эта церемония была запечатлена кинооператорами. Последующие десятилетия в этом регионе прошли достаточно мирно. А затем антропологи Уво Штрекер (Германия) и Алула Панхерст (Аддис-Абебский университет) посетили место событий, взяли интервью у местных жителей, помнящих это, и создали фильм, соединив в нем 1993 и 2003 гг. Он был показан на одном конгрессе Международной конференции по эфиопским исследованиям [38]. Главы шести соседних племен тогда собрались с копьями – символами их сакральной власти и единства их племен. Интересно, что некоторые из них были облачены в полное традиционное одеяние, приличествующее вождям; другие использовали лишь традиционные головные уборы, а двое были в обычных интернациональных костюмах-двойках. Одобрение и поддержка государства подчеркивались присутствием местных официальных провинциальных чиновников.

Была вырыта большая яма, приглашена самая знаменитая и могущественная в этих краях ведунья, которая провела ритуалы изгнания злых духов, толкавших людей на вооруженные конфликты. Затем вожди произнесли проклятия. Они камнями притупили наконечники копий и опустили на время в термитник, чтобы термиты обгрызли деревянные древки. Так символически копья были обезврежены. После этого копья были сломаны и сброшены в яму. Поверх них положили «инструменты мира» – мотыги, кнуты и пастушеские посохи

и палки. Яма была закопана совместно всеми участниками церемонии и последовали обращения к добрым благорасположенным духам. Проведение этой церемонии способствовало примирению враждующих сторон и установлению хоть хрупкого, но мира более чем на десяток лет.

Необходимость использования традиций, в том числе и в решении межгосударственных конфликтов, обсуждается и в масштабах всего континента. Так, в ЭКОВАС в конце XX в. был создан особый «Совет старейшин (мудрецов)». В г. Ломе в 1997 г. на конференции руководящих органов этой организации было принято решение о разработке Протокола о создании механизма по предотвращению, разрешению и урегулированию конфликтов, поддержанию мира и безопасности. В результате в 1999 г. с этой целью была определена особая Структура – Совет по посредничеству и безопасности, Парламент, Суда и ряд комитетов, в числе которых важное место должен занять Совет старейших (мудрецов в англоязычном варианте). В него, согласно Положению о формировании и функционировании, входят наиболее уважаемые люди из стран – членов ЭКОВАС, с богатым опытом, премьер-министры, дипломаты и т.п., и действующие и бывшие. Специально заявлено, что среди них обязательно присутствие женщин, религиозных деятелей и традиционных лидеров (!). Они призваны осуществлять, говоря современным политологическим языком, «мягкую силу»: вести переговоры, используя свою практику и апеллируя к традициям миротворчества [39]. А в 2013 г. появился и Совет для всей Африки – Панафриканская сеть мудрейших. Такой же совет существует и в составе Африканского союза.

Стремление к признанию важности традиционных установок и усилению их роли в современной жизни африканских стран осознается и на международном уровне. ЮНЕСКО выпустила целую серию книг из восьми томов под общим названием «Введение в африканскую культуру», посвящен-

ных разным аспектам развития независимых государств континента. А в 1990 г. под эгидой ЮНЕСКО в г. Яунде (Камерун) состоялась конференция, в которой приняли участие ученые, университетские профессора, чиновники высокого ранга из ряда стран Африки. В результате появилось еще одно издание «Традиции и развитие в Африке сегодня» [40], в котором обобщен опыт различных стран и даются рекомендации по расширению использования практики традиций для решения сложных ситуаций. Утверждается, что без этого невозможно претворение в жизнь Программы Развития. Обращается особое внимание на необходимость изучения традиций, для чего необходимо прежде всего создать специальные Центры как в отдельных странах, так и межгосударственные. Работа эта уже ведется – в частности, в такой центр есть в Ниамее для Западной Африки и на Занзибаре – для Восточной. Под традициями понимаются древние знания в широком понимании: использование и развитие национальных языков системы образования и здравоохранения, хозяйственные навыки и сбалансированность технологий и использования природных ресурсов, решение конфликтных ситуаций и т.п. Рекомендации были разработаны для применения как на внутригосударственном, так и международном уровне. В отдельных странах ни одна программа развития (ни в экономике и политике, ни в социальной сфере) не должна решаться без учета традиционных знаний; следует придать легальный статус знатокам и хранителям традиций; включать изучение последних в программы школ и университетов и т.п. На международном уровне должно быть обращено особое внимание на решение этих проблем учреждениями ООН, прежде всего ЮНЕСКО. Рекомендуется шире использовать в обучении национальные языки; расширить круг публикаций по этим проблемам; использовать традиционные юридические институты, адаптируя их к современности; устраивать конференции для обмена опытом и т.д.

Заметно чередование подъема и упадка интереса к использованию традиций в современной жизни. Наибольший интерес и попытки практического воплощения наблюдаются в кризисных ситуациях (от периодов острых экономических трудностей до вооруженных столкновений). В спокойные и мирные годы острота обсуждений подобного рода снижается.

Подводя итоги, можно сказать, что идет процесс неорационализма. Сегодняшние «дедовские» традиции очень востребованы, но они отнюдь не воспроизводятся, а на их остатках возникают новые обычаи. Прежде всего, они десакрализируются; приспособляются к нуждам современного развития; утрачивают этнические признаки; создают некие «общеафриканские» стереотипы. С другой стороны, заметна значительная коммерциализация (как уже упоминалось в разделах о ремеслах и духовной жизни современных африканцев) их и популистский подход. Так, несмотря на декларацию о создании Совета старейших (подразумеваются прежде всего традиционные религиозные и властные структуры) в ЭКОВАС и Африканском Союзе, в списках их членов ни те ни другие не обнаруживаются.

Трудно сказать, насколько широко в будущем будут использоваться традиции (хотя и модернизированном виде) для решения самых разных аспектов современной жизни африканских стран, но важно отметить существование тенденции к расширению сферы их деятельности и приспособлению к нуждам современности.

Литература

1. Львова Э.С. И.И. Потехин на Первой конференции народов Африки // **Поиски идентичности и диалог с миром. Ежегодник «Африканские исследования»**. М.: РУДН, 2018. С. 224–251.
2. Sinda M. Le messianisme congolaise et ses incidences politiques. Kimbangisme, matsvanisme, autres mouvements, P., 1972.

3. Емельянов А.Л. (в соавт.) Традиционная дипломатия Востока. М., 2019.
4. Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации // Традиционная дипломатия Востока. М., 2019.
5. Бартницкий Б., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М.: Прогресс, 1976.
6. **Львова Э.С. ПМА, 1989.**
7. Львова Э.С. ПМА, 1989–2019.
8. Львова Э.С. Новое в антропонимике народов Тропической Африки // *Имя и этнос*. М., 1996. С. 129–135.
9. Кавыкин О.И. Старые и новые религиозные традиции в системе института традиционных правителей Замбии // *Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологический и социокультурный аспекты*. М., 2016. С. 144.
10. Арсеньев В.Р., Маслов А.А. Новое правительство Мали: возрождение традиционных связей? // *Африка: общество, культуры, языки / Чтения памяти Д.А. Ольдерогге*, т. 4. СПб, 2002. С. 26–29.
11. История Африки в документах: в 3 т. Т. 1. 1870–2000. М., 2005. С. 155–180.
12. Интервью с ламидо фульбского ламидата, снятое и записанное норвежскими антропологами Л. Хольтедаль и Дж. Йестад в Камеруне – “Sultan’s Burden” by L. Holtedahl and J. Jerstad.
13. MINPAKU Anthropology Newsletter. June 2017. Osaka. № 44. P. 5.
14. Laine D. African Kings. Berkley, Toronto: Ten Speed Press, 1992. P. 82.
15. Гены Ганы. Африканский вождь живет в Твери // *Аргументы и факты*. 2000. № 4.
16. Кочакова Н.Б. Священный Ифе. М., 2008.
17. Львова Э.С. ПМА, 1992.
18. Саркисова-Куаме Влада. Письмо-дневник // «Русские африканки» в XX столетии. Семья. Судьба. Отчизна. М., 2018.
19. Сообщено Мильковой О.Ю. (ИСАА МГУ), проводившей наблюдения в Танзании в 2015–2017 гг.
20. Witchcraft Suppression Act 1957 (поправка в 2007 г.). URL: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/1957-003.pdf> (accessed: 17.01.2021).

21. Чемпионат мира 2011 в ЮАР // Новая Африка. 2006. № 1.
22. Gaadaa. Oromia. Khartum, 1988.
23. Львова Э.С. ПМА, 2003.
24. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. Ч. 1. М., 2016.
25. Громыко А.А. Маски и скульптура Тропической Африки. М., 1984.
26. Львова Э.С. Некоторые аспекты обычного права у народов Тропической Африки // Homo Juridicus. М., 1997. С. 88–97.
27. Синицина И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978.
28. Синицина И.Е. Африканец при жизни и после смерти. Дело С.М. Отиени // Околдованная реальность. М., 1994.
29. Efua Satherland and Willis E. Bell, Roadmakers, Accra, 1961. URL: en.wikipedia.org/wiki/Fantasy_coffin (accessed: 17.01.2021).
30. Cameron E.L. Coming to Terme with Heritage. Kuba ndop and School of Sheng // African Arts. Autumn. 2012. Vol. 45. N 3. URL: www/africafederation_net.History_Kongo.html
31. URL: https://loft-concept.ru/catalog/artefacty-maski/ptitsa_plemeni_senufo_kot_d_ivouar-ruchnaya_rezba; zovem.ru/event-africa-ritualnye-polotna-taynih-obschestv-senufo-14429 (accessed: 17.01.2021).
32. URL: responsibletravel.com/holiday/20796/ghana-togo-and-benin-tour-oudah-vooodoo-festival (accessed: 17.01.2021).
33. Tefery Belay. Customary Resource Access Arrangement and Traditional Forest Management Practies for Beekeeping, the Case of hanismus Southwest Ethiopian Forest Region // The 16th World Congress of the International Union of the Ethiopian Studies (далее – 16th WCIUAES). Vol. 6. P. 168.
34. Ndiage Lamine, Violence and social Regulation among Wolof of Senegal // 16th WCIUAES. Vol. 10. P. 21.
35. Dedhu P. Tights. War in Casamance: socio-anthropological of conflict // 16th WCIUAES. Vol. 10. P. 20.
36. Babo A., Land conflict in South-West of the Ivory Coast from “blood poured” to the “zomkon”, mechanizmus of regulations of the land relations between and Burkinabe // 16th WCIUEAS. Vol. 10. P. 17.
37. Gvein P. Economic crisis and War: Crisis of social Reciprocities and Threat to diversity in Cote d’Ivoire // 16th WCIUAES. Vol. 10. P. 15.
38. Bury the Spears // The 16th International Conference of the Ethiopia Studies, Film Panels, Throndheim, 2007.
39. ECOWAS’ Council of the Wise, Jo-Ansie vab Wyk (UNISA) [// en.academia.org/Panel-of-he-Wise” \(accessed: 17.01.2021\).](http://academia.edu/36575740/ECOWAS-Council_of_the_Wise;_The_Wise_in_African_Union)
40. Tradition and Development in Africa today. P.: UNESCO, 1990.
41. Поляков А.К. Снег на экваторе. М., 2017.
42. Хазанов А.М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость. М., 1976.
43. Cavazzi da Montecuccolo G.A. Istorica descrizione de’tre Regni Congo, Matamba e Angola. Bologna, 1687.

О.О. Гринчук

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН ХАУСА ДО ДЖИХАДА И ПОСЛЕ НЕГО

Положение женщин хауса до джихада

К сожалению, источников по доисламскому периоду очень мало в связи с распространением устной традиции на территории Африки, поэтому многие вопросы до сих остаются дискуссионными. Ученым в таком случае остается предполагать и догадываться.

Начнем анализ с одной из легенд происхождения народа хауса, так как в ней иллюстрируется важность женщины-держательницы власти в ранней истории Хаусаленда. Легенда о Дауре [1, с. 69] – прародительнице хауса, великой «волшебнице» и охотнице. С историей Дауры связана этногенетическая легенда «Семь хауса». Согласно наиболее распространённому варианту этой легенды, семь крупнейших городов и государств хауса основали сыновья и внуки Дауры и багдадского принца Абаяджида, приехавшего в город, где правила Даура, и убившего огромного змея, который перегородил реку, не давая горожанам воды. Независимо от того, основана ли легенда на факте, ясно, что она представляет собой нечто существенное в развитии исторической и политической идентичности хауса. Эта легенда дает ясные подсказки относительно положения женщин, а именно то, что правительница женщина, прародительница целого народа – это нормальное явление.

В ранней истории хауса существовали правительницы-женщины и было выдающееся женское звание *магаджия* [2, р. 5]. Когда правил *сарки* – традиционный правитель хауса, его мать называли *магаджией*. Важно отметить, что титул

магаджия необязательно принадлежал биологической матери *сарки*, а обозначал наиболее важную женщину – обладательницу власти. У нее было собственное поселение возле дворца *сарки*, и она обычно была вдовой или женой ведущего *маллама* – исламского ученого или учителя. Все девочки знатного происхождения должны были проходить недельную подготовку к браку в доме *магаджии*. Обратим внимание на следующее: *магаджия* могла не только противостоять указам *сарки*, но даже и свергнуть его. Она также имела право носить обувь, украшенную страусиным перьями, что являлось признаком высшего авторитета.

После *магаджия* самым старшим званием для женщины знатного происхождения было *ия* [2, р. 6]. У нее тоже было собственное поселение. *Ия* контролировала ритуальную подготовку принцев к браку и, что более важно, отвечала за культ *бори* – доисламскую религию хауса. Культ *бори* включал в себя поклонение духу и осуществлялся женщинами. *Ия* принимала всех знахарей, «волшебников», проводила обряд инициации *бори* и контролировала избрание новой *магаджии*.

Роль знатных женщин в истории до сих пор символически признается в некоторых штатах хауса (Даура, Кацина и Зария). Интересно отметить, что в Дауре и в настоящее время девочки из традиционных элитных семей отправляются к *магаджии*, чтобы подготовиться к браку, а сыновья отправляются к *ие*. По сей день во время *салла* – дней празднования окончания Рамадана – *сарки* совершает церемониальное посещение *магаджии*.

Культ *бори* был распространенной религией во главе со жрицами правящего класса в некоторых поздних доколониальных государствах хауса. Когда ислам начал проникать на землю хауса в XIV в., некоторые аспекты религии исчезали, например поклонение фетишам. Исламские проповедники пытались подавлять культ *бори*, но им это не удалось. Хотя ислам инкорпорировал некоторые его аспекты. Влияние

ислама распространилось еще больше на территории Хаусаленда, и общественные роли, должности женщин исчезли или были переданы мужчинам. Постепенно должности, которые принадлежали женщинам, переходили к мужчинам.

Правитель Кано Мухаммаду Румфа (1463–1499 гг.) сыграл большую роль в распространении ислама. Под влиянием мусульманских миссионеров из Северной Африки и Медины Румфа начал включать исламские практики в свое правление. Во время этого женщины были лишены возможности принимать непосредственное участие в управлении государством. Этот прецедент смещения женщин со многих государственных должностей и введение закона шариата знаменует собой начало существенных изменений в статусе женщин хауса.

Тем не менее женщины продолжали играть важную роль в политическом и религиозном руководстве в течение некоторого времени после этого. Например, знаменитая правительница Амина из Зарии распространила свое правление по всей стране путем последовательных побед на поле битвы, покоря юг и запад вплоть до берегов Нигера. Она была известна своими завоеваниями и строила лагерь, окруженные стенами, куда бы она ни пошла. Сегодня стены многих городов хауса по-прежнему называют «*ganuwar Amina*» – «стены Амины». Каждый город почитает ее.

Другим примером женщины-правительницы в Хаусаленде является Тава. Ее могилу до сих пор посещают *гобирава* – жители Гобира, которые с момента ее правления приняли прозвище «сыновья Тавы» [2, р. 9].

Женщины в политической власти, вероятно, достигли своего могущества примерно в XVI в. После этого происходило постепенное уменьшение влияния женщин и они систематически лишались своего авторитета.

В истории хауса в период до джихада достаточно примеров властных женщин и позиций, которые они занимали. Иногда женщины имели власти даже больше, чем мужчины. Однако следует отметить, что с приходом ислама женщины

хауса из правящего класса систематически и все чаще лишались какой-либо власти, которую они имели. Традиционные звания и должности, связанные с властью женщин, утрачивали свою силу.

Положение женщин хауса после джихада

Начало XIX в. ознаменовалось резким изменением характера правительства в Хаусаленде. Это случилось из-за захвата территорий хауса Усманом дан Фодио. Дан Фодио руководил джихадом с 1804 по 1812 г. на большей части Хаусаленда и основал халифат Сокото. Создание этого нового режима привело к существенным изменениям в Хаусаленде. Во-первых, в районах, которые оказались под контролем Сокото, власть перешла от народа хауса к фульбе, к которому принадлежал сам Усман. Когда дан Фодио пришел к власти, его политика означала еще более значительные перемены для женщин. Например, считалось неприемлемым, чтобы женщины занимали государственные должности. Во-вторых, дан Фодио боролся с культом *бори*. Политическая власть женщин рассматривалась им как одно из фундаментальных проявлений неисламской природы общества хауса [4, р. 47]. Женщины теряли свой религиозный авторитет и, как следствие, первичную основу политического влияния. В Зарии женские титулы были присуждены дочерям первого эмира, но впоследствии все равно утратили свои функции, были отданы мужчинам или вообще исчезли.

Дан Фодио, однако, одобрил образование для женщин, но в этом большую роль сыграла его дочь – Нана Асмау. Мусульмане Западной Африки уважают ее, высоко ценят ее деятельность. Асмау организовала образовательное движение «Ян Тару» – группа странствующих женщин-педагогов, которым было присвоено звание *джаджи*. *Джаджи* преодолевали большие расстояния до сельских деревень с целью обучения женщин и отвечали за передачу из уст в уста произведений и

поэзии Асмау. Несмотря на то что *джаджи* сталкивались с плохими погодными условиями и нападениями хищников, они хранили преданность Асмау в распространении знаний. Но следует учитывать, что Нана была дочерью правителя, что уже давало ей привилегии, и то, почему нельзя сопоставить ее с обычными жительницами халифата. Помимо этого Усман дан Фодио одобрил движение дочери еще и потому, что это помогло бы ему распространить ислам среди населения и искоренить культ *бори*.

Однако не все земли Хаусаленда были завоеваны или включены Усманом дан Фодио в халифат. Интересно было бы рассмотреть земли хауса за пределами халифата в этих северных регионах, которые впоследствии станут частью Нигера. Многие из тех, кто не был доволен джихадом, ушли в северные земли, нынешний Южный Нигер. Свободные женщины продолжали играть большую роль в сельскохозяйственном производстве в этих областях, а также некоторые позиции и учреждения для женщины, которые были ликвидированы или маргинализированы в халифате Сокото, продолжали функционировать на территории современного Южного Нигера. Например, доисламские институты *бори* по-прежнему широко распространены в Нигере. В отличие от Сокотского халифата другие части Хаусаленда в тот же период продолжали связывать *бори* с политическим аппаратом, предлагая определенным женщинам позиции власти.

Трудно сказать точно, какую позицию занимал *бори* во всех частях Хаусаленда в этот период, но в целом можно сказать, что в районе Нигера он претерпел меньше изменений и оставался в большей степени в соответствии с государственными интересами, чем в халифате Сокото. Следует также акцентировать внимание на том, что ислам за пределами Сокотского халифата принял другую форму. Он допускал синкретизм. Более того, его исповедовали далеко не все [3, р. 13]. Например, большинство давних жителей Маради, города в

южной части Нигера, не исповедовали ислам вовсе или исповедовали ислам более родственной западноафриканскому. Таким образом, женщины хауса за пределами халифата могли занимать некоторые политически влиятельные политические посты и открыто исповедовать религию *бори*.

В частности, можно сделать вывод о том, что джихад, политика Усмана дан Фодио и других шейхов значительно повлияли на положение женщин хауса. Это видно и по изменению в структуре власти, и при анализе других земель Хаусаленда, не попавших под власть халифата Сокото. Отголоски социальных процессов тех дней мы слышим и сегодня.

Литература

1. Ольдерогге Д. Западный Судан в XV–XIX вв.: очерки по истории и истории культуры. М.; Л., 1960. С. 60–69.
2. Callaway Barbara. Muslim Hausa women in Nigeria: tradition and change. Syracuse University Press, 1987. P. 1–20.
3. Cooper Barbara M. Gender and Religion in Hausaland / ed. by Bodman, Herbert and Tohidi, Nayereh. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1998. P. 21–37.
4. Hiskett M. A work on the Habe Kingdoms Attributed to Uthman dan Fodio. Cambridge University Press, 2009. P. 47–63.

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Следзевский И.В. Цивилизационный потенциал культурного наследия Черной Африки: оценки и подходы.

Статья посвящена одному из направлений новой культурной истории Субсахарской Африки – изучению места и роли культурного наследия африканских народов в историческом развитии обществ региона. Основное внимание уделено оценкам и интерпретациям заключенного в этом наследии культурного и религиозного опыта масштабных цивилизационных трансформаций африканских обществ южнее Сахары. Цель работы – выявление принципов, подходов цивилизационного анализа, включающих в тематику и проблематику цивилизационного потенциала африканского культурного наследия. Рассматриваются сложившиеся в конце XX – начале XXI в. исследовательские модели потенциала цивилизационного развития Африки южнее Сахары: модель герменевтического постижения древнего (архаического) пласта африканских культур и его способности к самосохранению и встраиванию в духовное пространство цивилизаций локального и универсалистского типов; идеал-типическая модель единой Африканской цивилизации южнее Сахары и перспектив ее самосохранения в условиях современной глобализации; сравнительно-историческая модель африканского религиозного полиморфизма и потенциала его цивилизационного развития. Сделан вывод о том, что цивилизационный потенциал африканского цивилизационного развития имеет широкий культурно-исторический контекст. В условиях современного неустойчивого и неопределенного мира, кризиса африканской постколониальной модели догоняющей модернизации этот

контекст во многом определяется условиями и возможностями культурно-религиозного самоопределения африканских народов.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационное развитие, цивилизационная компаративистика, культурное наследие Африки южнее Сахары, герменевтический подход в оценках и интерпретации роли древнего (архаического) наследия африканских культур, модель единой африканской цивилизации, концепция Африканского возрождения, африканский религиозный полиморфизм как предмет религиозоведческих и сравнительно-цивилизационных исследований, религиозный опыт африканцев, изменения в конфессиональном пространстве современной Черной Африки, европо- и афроцентризм в оценках африканского культурного наследия

Гусаров В.И. «Один голос за нашу плотину» – общенациональный лозунг Эфиопии (или как завершение строительства ГЭС в Эфиопии вызвало крупнейший международный конфликт в Африке).

В статье дан анализ развития международной ситуации в связи с завершением строительства ГЭС «Возрождение» («Хидасэ») в Эфиопии в 2020 г. В центре внимания находятся различные аспекты водной проблемы в регионе, возможные условия заключения гидрологических соглашений между Эфиопией, Суданом и Египтом. Показано, что рост остроты политической риторики по данной проблеме оказался связан с позицией президента США Д. Трампа, вставшей поддержавшего Египет в споре о плотине. Новые возможности для нормализации ситуации открываются благодаря позиции Африканского союза.

Ключевые слова: ГЭС «Возрождение», Египет, Судан, Эфиопия, США, Израиль, тройственные переговоры, Африканский союз

Белов В.И., Ндонго Н.Дж. Мартьял. Колониальное наследие и англофонная проблема в Камеруне.

Целью исследования является выявление исторического контекста формирования и реализации на различных уровнях феномена «грубой маргинализации человека», рассмотренного на примере англоязычного меньшинства в условиях правления франкоязычных режимов в Республике Камерун. Статья основана на предположении, что изучению исторических реалий прошлого следует уделять первоочередное внимание, чтобы попытаться преодолеть возникшую за много лет социально-политическую напряженность как в юго-западных, так и северо-западных регионах Камеруна. Показано, что исторические и культурные различия оказали первостепенное влияние на обострение англоязычного кризиса в Камеруне.

Ключевые слова: Камерунская англоязычная проблема, языковая идеология, геополитика, региональные исследования, колониальное представительство, официальный бикультурализм, сепаратисты, Амбазония

Авдалин М.Р. *Как прошли президентские выборы в Уганде в 2021 году.*

В настоящей статье автор освещает выборы 2021 г. в Уганде, а также прослеживает, как данная восточноафриканская страна пришла к тому, что действующий президент Йовери Мусевени находится у власти уже более 30 лет и какими социальными и экономическими последствиями обернулось данное «мероприятие избирательного типа». Преследование и арест оппозиционных кандидатов, отключение Интернета в стране в дни выборов – все это привело не только к большим экономическим издержкам, но и человеческим жертвам. В ходе анализа событий, произошедших в Уганде, автор приходит к выводу, что данные выборы могут задать общий тренд на криминализацию оппозиции и нарушение прав человека со стороны действующих властей по всему региону.

Ключевые слова: Уганда, президентские выборы, голосование, демократия, власть, права человека, президент, Африка

Лобашова Е.В. *Внешинополитическая деятельность Нигерии на современном этапе.*

В данной статье рассматривается внешнеполитическая деятельность Нигерии и её роль на международной арене. Будучи экономическим гигантом на Африканском континенте и всё больше набирая внешнеполитический вес в мире, на сегодняшний день Нигерия является одним из самых влиятельных представителей своего региона. На основе принятых после обретения независимости «пяти принципов» внешнеполитического курса автор анализирует взаимодействие Нигерии с африканскими странами, а также со странами Европы, США и Китаем, международными организациями и её деятельность в области глобальных проблем современности, проводит анализ уместности претензий данной страны на позицию лидера континента. Автор полагает, что возрастающая роль данного государства в области внешней политики неоспорима, однако Нигерия сталкивается с определенными проблемами в реализации поставленных внешнеполитических целей, которые необходимо разрешить для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Нигерия, внешняя политика, политические отношения, международные организации, терроризм, миграция, защита окружающей среды

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Кокушкина И.В. *Межрегиональные связи АСЕАН с Африкой: современное состояние, особенности и перспективы развития.*

В XXI в. интерес к Африке значительно возрос, что влечет за собой необходимость более глубокого и детального исследования политико-экономических процессов, протекающих

щих на континенте, их национальных и региональных особенностей и перспектив развития. В том числе это относится к изучению такой актуальной проблеме, как экономические взаимоотношения стран Африки и Юго-Восточной Азии. Данная статья посвящена исследованию этих отношений – исследованию внешнеэкономических связей между Африканским союзом (АС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Автор выявляет причины и особенности формирования и развития сотрудничества между африканскими странами и странами – членами Ассоциации. Исследование показало, что, несмотря на то что в настоящее время полноценные торговые и инвестиционные отношения с участием ряда стран Африки охватывают всего четыре из 10-ти стран АСЕАН, потенциал развития внешнеэкономического сотрудничества очень велик.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Африканский союз, Африка, внешнеэкономические связи, торговля, инвестиции

Шарова А.Ю. *Инвестиции в электроэнергетику Африки в постковидный период.*

Африка является наиболее энергодефицитным регионом мира. Более 600 млн ее жителей не имеют доступа к электроэнергии, а получившие ее страдают из-за ненадежности энергоснабжения и низкого качества электроэнергии. Не менее острой на континенте остается проблема доступа населения к чистым и экологически безопасным источникам топлива для приготовления пищи – только 17 % африканцев имеют такой доступ. Ключевым фактором в развитии электроэнергетического сектора является нехватка инвестиций, и осознавая масштаб проблемы, мировое сообщество учредило не менее 60 международных инициатив, направленных на развитие энергетического сектора Африки, сделав его сильно зависимым от внешних источников финансирования. Китай на протяжении нескольких лет является крупнейшим инвестором в

энергетику Африки (более 40 % суммарного показателя), также в числе заметных инвесторов можно назвать группу Всемирного банка, Африканский банк развития, Францию, Германию, национальные африканские правительства, частных инвесторов. Мировая пандемия коронавируса можно негативно отразиться на мировых финансовых потоках, и объемы капиталовложений заметно сократятся (приблизительно на 20 %). Развивающиеся страны Африки, а также с использованием ископаемых видов топлива, куда и направлена большая часть инвестиций, окажутся наиболее уязвимыми в этой ситуации, что ставит под еще большее сомнение успешность достижения Седьмой цели ООН в области устойчивого развития, а именно обеспечение всеобщего доступа к чистым источникам энергии.

Ключевые слова: электроэнергетика, инвестиции, Африка, постковидный период

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Кузьмин Д.В. *Экономическая интеграция в Восточной Африке: современные реалии.*

Автором представлен анализ экономической интеграции в Восточноафриканском сообществе (ВАС) и социально-экономического развития этой группы государств в 2000–2019 гг. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время имеется очень мало научных исследований посвященных региональной экономической интеграции в Восточноафриканском сообществе. Автором выявлено, что социально-экономические и интеграционные процессы в рамках Восточноафриканского сообщества развиваются устойчиво и неуклонно. Это отразилось как на росте ВВП и доходов на душу населения, так и на внутрирегиональной торговле. Помимо количественных показателей можно говорить и о качественных изменениях, таких как постепенная транс-

формация отраслевой структуры стран ЕАС – от преимущественно сельскохозяйственной к сервисной и, в меньшей степени, промышленной. Среди проблем автор выделяет высокую дифференциацию стран по основным социально-экономическим параметрам и низкий уровень развития рыночных структур, а также дублирование членства стран ЕАС в других региональных экономических сообществах. Эти и другие проблемы затрудняют дальнейшее развитие полного общего рынка Восточноафриканского сообщества, в частности наращивание внутрирегиональной торговли, что требует от Сообщества разработки и реализации более адекватной интеграционной политики.

Ключевые слова: Африка, Восточноафриканское сообщество, регионализм, регионализм, внутрирегиональная торговля, интеграционная политика

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Федеративной Демократической Республики Эфиопия и возможные направления двустороннего сотрудничества в сфере использования природных ресурсов.

Статья посвящена анализу геологического строения и минерально-сырьевой базы Федеративной Демократической Республики Эфиопия. Как показано в исследовании экспертов геологоразведочной компании «ОЗГЕО», недра страны содержат крупные месторождения газа, угля, железа, меди, свинца, цинка, кобальта, тантала, ниобия, платины, золота, серы, мусковита, драгоценных камней, гипса, соли, строительных материалов и термальных вод. Отмечено, что в силу существующих политико-экономических причин осваиваются только месторождения высоколиквидного сырья. Геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены, и перспективным является сотрудничество в области разведки месторождений нефти и газа,

золота, драгоценных камней и гидрогеологии, в том числе на основе создания тепловых карт районов Тендахо и Алуто-Лангано при использовании новейших тепловых космических съемок.

В целом, по мнению экспертов «ОЗГЕО», Эфиопия имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Эфиопия, Россия, минерально-сырьевая база, полезные ископаемые, нефтегазоносность, золото, драгоценные камни, гидрогеология, тепловые карты

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Мосейко А.Н., Харитонов Е.В. Современная философско-теологическая мысль в субсахарской Африке.

В статье представлено теоретико-методологическое междисциплинарное исследование, осуществленное на стыке современной африканистики, философии и религиоведения. Предметом исследования – малоизученная проблема формирования и развития афрохристианской теологии. Начало формирования профессиональной философско-теологической проблематики в Африке относится к 1950-м гг. В период 1950–1970-х гг. главными проблемами афрохристианской теологии были поиски точек соприкосновения автохтонной африканской культуры и традиционных верований с христианством, доказательство возможности быть христианином, не отказываясь от собственной культуры, от принципов и ценностей автохтонного мифорелигиозного мировоззрения. На втором этапе формирования теологии (70–90-е гг. XX в.) происходит ее окончательное оформление и определение ее центра – библейских исследований. В этот период герменевтика определяется как метод библейского толкования в Африке. На третьем этапе (с 1990 г. до настоящего времени) особенно интенсивно развивается теологическая проблематика. Показано, что идеолого-методологическим подходом

в теологических исследованиях является афроцентризм, а основными парадигмами – освобождение (сопротивление) и реконструкция (восстановление, обновление, трансформация). Афроцентризм в теологии понимается как стремление «перечитать» истории цивилизаций и Спасения с Африкой и африканцами в центре вопреки европоцентристскому подходу, имеющему тенденцию маргинализировать или вычеркнуть Африку из истории. В связи с этим предпринимаются попытки обнаружить «африканское присутствие» в Библии. Направления теологии Освобождения и Реконструкции в статье раскрываются на основе произведений африканских ученых. Африканские теологи базируются на классических методах западной теологии, но также активно используют современные теологические концепции, такие как: «Социальный евангелизм», «Теология Освобождения», «Диалектическая теология», «Теология родительного падежа», «Политическая теология». В результате на собственном материале они формируют оригинальную, специфическую афро-христианскую теологию. Статья написана полностью на африканских первоисточниках – книгах и статьях, практически неиспользованных в отечественной науке.

Ключевые слова: Субсахарская Африка, традиционный культурно-религиозный опыт, теология, библеистика, Библия, инкультурация герменевтики, контекст, афроцентризм, Освобождение, Реконструкция

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Львова Э.С. Неотрадиционализм в постколониальной Африке южнее Сахары.

В статье дана панорама «старых традиций» (система власти и управления, локальные верования, веками отработанные правила решения конфликтных ситуаций и т.д.), рассмотренных как источник неотрадиционализма в постколониальной Африке южнее Сахары. Феномен неотрадиционализма здесь,

по мнению автора, не есть простое возвращение к «дедовским» традициям. Возникающее новое, прежде всего, десакрализуется, приспосабливается к нуждам современного развития, утрачивает этнические признаки, создается как «общеафриканское». Это доказывает анализ бытовой и материальной жизни (выбор одежды, наречение имени, городская архитектура), властных отношений (ранги «вождей»), опыта управления социумом (система возрастных классов и др.), правил наследования. Специальное внимание в статье уделено изучению такого важного направления сохранения и «возрождения» традиций, как конфессиональная сфера. Приведены примеры признания важности традиционных установок и усиления их роли в современной жизни африканских стран на международном уровне в деятельности Африканского союза, ЮНЕСКО, Панафриканской сети мудрейших и др.

Ключевые слова: неотрадиционализм, Африка южнее Сахары, власть, «старые традиции», этническое и общеафриканское

Гринчук О.О. Положение женщин хауса до джихада и после него.

На территории современной Нигерии сейчас проживает более 200 различных племен и народов, в связи с чем опыт женщин в данном государстве тоже является разным. В фокусе внимания – женщины народа хауса, самого многочисленного народа, проживающего в северных районах Нигерии. Цель исследования – осветить положение женщин на территории нигерийского Хаусаленда в период до джихада и после него. Особое внимание уделено анализу места религии в процессе изменения положения женщин.

Ключевые слова: гендерные исследования, Нигерия, Нигер, ислам, положение женщин, джихад

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Stedzevski I.V. Civilizational potential of cultural heritage of Black Africa: assessments and approaches.

The article is devoted to one of the directions of the new cultural history of sub-Saharan Africa – the study of the place and role of the cultural heritage of African peoples in the historical development of the societies of the region. The main attention is paid to the assessments and interpretations of the cultural and religious experience of large-scale civilizational transformations of sub-Saharan African societies contained in this heritage. The purpose of the work is to identify the principles and approaches of civilizational analysis, including the topics and problems of the civilizational potential of the African cultural heritage. The article deals with the research models of the potential of civilizational development of sub-Saharan Africa that developed in the late twentieth and early twenty-first centuries: the model of hermeneutical comprehension of the ancient (archaic) layer of African cultures and its ability to self-preserve and integrate into the spiritual space of local and universalist civilizations; the ideal-typical model of a single African civilization south of the Sahara and the prospects for its self-preservation in the conditions of modern globalization; the comparative-historical model of African religious polymorphism and the potential of its civilizational development. It is concluded that the civilizational potential of African civilizational development has a broad cultural and historical context, in the conditions of the modern unstable and uncertain world, the crisis of the African postcolonial model of catching up modernization, this context is largely determined by

the conditions and opportunities for cultural and religious self-determination of African peoples.

Keywords: civilization, civilizational development, civilizational comparative studies, cultural heritage of sub-Saharan Africa, hermeneutical approach in assessing and interpreting the role of the ancient (archaic) heritage of African cultures, the model of a single African civilization, the concept of African renaissance, African religious polymorphism as a subject of religious studies and comparative civilizational studies, the religious experience of Africans, changes in the confessional space of modern Black Africa, Euro-and Afrocentrism in assessing African cultural heritage

Gusarov V.I. “One vote for our dam” – the national slogan of Ethiopia (or how the completion of the construction of a hydroelectric power station in Ethiopia caused the largest international conflict in Africa).

The article analyzes the development of the international situation in connection with the completion of the construction of the Grand Ethiopian Renaissance Dam in 2020. The focus is on various aspects of the water problem in the region, possible conditions for concluding hydrological agreements between Ethiopia, Sudan and Egypt. It is shown that the increase in the severity of political rhetoric on this issue was associated with the position of US President D. Trump, who supported Egypt in the dispute over the Dam. New opportunities for normalizing the situation are opening up thanks to the position of the African Union.

Keywords: Grand Ethiopian Renaissance Dam, Egypt, Sudan, Ethiopia, USA, Israel, tripartite negotiations, African Union

Belov V.I., Ndongo N.J. Martial. Colonial legacy of Anglophone problem in Cameroon.

The aim of the study is to identify the historical context of the formation and implementation at various levels of the phenomenon

of “gross marginalization of a person”, considered on the example of the Anglophone minority under the rule of French-speaking regimes in the Republic of Cameroon. This article is based on the assumption that the study of the historical realities of the past should be given priority in order to try to overcome the socio-political tensions that have arisen over many years in both the south-western and north-western regions of Cameroon. It is shown that historical and cultural differences have had a primary impact on the aggravation of the English-speaking crisis in Cameroon.

Keywords: Cameroon anglophone problem, language ideology, Geopolitics, regional studies, colonial representation, official biculturalism, Separatists/Secessionists, Ambazonia

Avdalyan M.R. How were the presidential elections in Uganda in 2021?

In this article, the author covers the 2021 elections in Uganda, and also traces how this East African country came to the fact that the incumbent President Yoweri Museveni has been in power for more than 30 years and what are the social and economic consequences of this “election-type event”. It is shown that the persecution and arrest of opposition candidates, the shutdown of the Internet in the country on election days – all this led not only to great economic costs, but also to human losses. Analyzing the events that took place in Uganda, the author comes to the conclusion that these elections may set a general trend towards the criminalization of the opposition and the violation of human rights by the current authorities throughout the region.

Keywords: Uganda, presidential elections, voting, democracy, power, human rights, president, Africa

Lobashova E.V. Foreign policy activity of Nigeria at the present stage.

This article examines the foreign policy activity of Nigeria and its role in the international arena. As an economic giant on the African continent, and gaining more and more foreign policy

weight in the world, today Nigeria is one of the most influential representatives of its region. On the basis of the "five principles" of foreign policy adopted after independence, the author of the article analyzes the interaction of Nigeria with African countries, as well as with the countries of Europe, the United States and China, international organizations and its activities in the field of global problems of our time, and provides an analysis of the relevance of this country claims to the position of the leader of the continent. The author believes that the growing role of this state in the field of foreign policy is undeniable, but Nigeria is faced with certain problems in the implementation of its foreign policy goals, which must be resolved for further development.

Keywords: Nigeria, foreign policy, political relations, international organizations, terrorism, migration, environmental protection

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Kokushkina I.V. ASEAN interregional relations with Africa: current situation, features and development prospects.

In the 21st century, interest in Africa has increased significantly. It constitutes the need for a deeper and more detailed study of the political and economic processes taking place on the continent, their national and regional characteristics and development prospects. This includes the study of such an urgent problem as the economic relations between the countries of Africa and Southeast Asia. This article is devoted to the regional aspects of those relations. The author analyzes economic relations between the African Union (AU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), identifies the reasons and features of the cooperation between African countries and member countries of ASEAN. The study draws a general conclusion that despite the fact that full-fledged trade and investment relations are currently covering only 4 out of 10 ASEAN countries and several African

countries, the potential for the development of economic cooperation should not be underestimated.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, African Union, Africa, foreign economic relations, trade, investment

Sharova A.Yu. Africa energy investment after COVID-19 pandemic.

Africa is the most energy-deficient region in the world. More than 600 million of Africans do not have electricity access. Those with provided access suffer from unreliable energy supply and poor quality of electricity. Clean cooking access remains another sharp problem on the continent: only 17 % of Africans have such an access. A key factor in the development of the electricity sector is a lack of investment. Realizing the scale of the problem, at least 60 international initiatives were established in this field, making it highly dependent on external sources of funding. For several years China has been the largest investor in the energy sector in Africa (more than 40%); among other investors are the World Bank Group, the African Development Bank, France, Germany, national African governments and private investors. The global coronavirus pandemic will negatively affect global financial flows, the volume of capital investments will noticeably decrease (by about 20%). Developing countries of Africa, as well as fossil fuel projects, where most of the investment is directed, will be the most vulnerable in this situation. This puts even more doubt on the success of the UN Sustainable Development Goal 7, which is universal access to clean energy sources.

Keywords: electricity sector, investment, Africa, COVID-19

INTEGRATION AND FINANCE

Kuzmin D.V. Economic integration in East Africa: modern realities.

The author presents an analysis of economic integration in the East African Community (EAC) and the socio-economic

development of this group of states in 2000-2019. The relevance of the research topic is due to the fact that at present there is very little scientific research devoted to regional economic integration in the East African Community. The author revealed that the socio-economic and integration processes within the East African Community are developing sustainably and steadily. This was reflected in both GDP and per capita income growth and intraregional trade. In addition to quantitative indicators, we can talk about qualitative changes, such as the gradual transformation of the sectoral structure of the EAC countries – from predominantly agricultural to service and, to a lesser extent, industrial. Among the problems, the author highlights the high differentiation of countries in terms of the main socio-economic parameters and the low level of development of market structures, as well as the duplication of the membership of the EAU countries in other regional economic communities. These and other problems hamper the further development of the full common market of the East African Community, in particular, the increase in intraregional trade, which requires the Community to develop and implement a more adequate integration policy.

Keywords: Africa, East African Community, regionalism, intraregional trade, integration policy

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

Pichugin S.V. Mineral resource base of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and possible directions of bilateral cooperation in the use of natural resources.

The article is devoted to the analysis of the geological structure and mineral resource base of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. As shown in the study of experts from the geological exploration company “OZGEO”, the country’s subsoil contains large deposits of gas, coal, iron, copper, lead, zinc, cobalt, tantalum, niobium, platinum, gold, sulfur, muscovite, precious stones, gypsum, salt, construction materials and thermal waters. As

noted, due to the existing political and economic reasons, only deposits of highly liquid raw materials are being developed. The geological and economic characteristics of a number of minerals have not yet been sufficiently identified, and cooperation in the field of exploration of oil and gas, gold, precious stones and hydrogeology is promising, including those based on the creation of heat maps of the Tendaho and Aluto-Langano regions using the latest thermal space surveys.

In general, according to “OZGEO” experts, Ethiopia has favorable economic prerequisites for the development of the mining industry.

Keywords: Ethiopia, Russia, mineral resource base, minerals, oil and gas content, gold, precious stones, hydrogeology, heat maps

HISTORY AND RELIGION

Moseyko A.N., Kharitonova E.V. Modern philosophical and theological thought in sub-Saharan Africa.

The article presents a theoretical and methodological interdisciplinary study carried out at the intersection of modern African studies, philosophy and religious studies. The subject of the study is the little-studied problem of the formation and development of Afro-Christian theology. The beginning of the formation of professional philosophical and theological issues in Africa dates back to the 50s of the twentieth century. In the period of the 1950s and 1970s, the main problem of Afro-Christian theology was the search for points of contact between the autochthonous African culture and traditional beliefs with Christianity, proving the possibility of being a Christian without abandoning one’s own culture, the principles and values of the autochthonous mytho-religious worldview. At the second stage of the formation of theology (70s–90s of the twentieth century), its final formalization and the definition of its center – biblical studies. During this period, hermeneutics is defined as a method of biblical

interpretation in Africa. At the third stage (from 1990 to the present), theological problems are developing especially intensively. The ideological and methodological approach in theological studies is afrocentrism, and the main paradigms are liberation (resistance) and reconstruction (restoration, renewal, transformation).

Afrocentrism in theology is understood as the desire to “re-read” the stories of civilizations and Salvation with Africa and Africans at the center, contrary to the Eurocentric approach that tends to marginalize or erase Africa from history. In this regard, attempts are being made to detect an “African presence” in the Bible.

The directions of the theology of Liberation and Reconstruction are revealed in the article on the basis of the works of African scientists. African theologians are based on the classical methods of Western theology, but also actively use modern theological concepts, such as: “Social Evangelism”, “Liberation Theology”, “Dialectical theology”, “Genitive theology”, “Political theology”. As a result, on their own material, they form an original, specific Afro-Christian theology. The article is written entirely on African primary sources – books and articles that are practically unused in domestic science.

Keywords: Sub-Saharan Africa, traditional cultural and religious experience, theology, biblical studies, Bible, hermeneutics inculturation, context, afrocentrism, Liberation, Reconstruction

CULTURE AND EDUCATION

Lvova E.S. Neotraditionalism in post-colonial Sub-Saharan Africa.

Annotation. The article provides a panorama of “old traditions” (the system of power and control, local beliefs, centuries-old rules for resolving conflict situations, etc.), considered as a source of neo-traditionalism in post-colonial Africa

South of the Sahara. The phenomenon of neo-traditionalism here, according to the author, is not a simple return to the “old-fashioned” traditions. The emerging new, first of all, desacralizes, adapts to the needs of modern development, loses its ethnic characteristics, is created as “common African”. This is proved by the analysis of daily living activities and material life artifacts (the choice of clothing, the naming of a name, urban architecture), power relations (the ranks of the “leaders”), the experience of social management (the system of age classes, etc.), the rules of inheritance. Special attention in the article is paid to the study of such an important direction of preservation and “revival” of traditions as the confessional sphere. The author gives examples of the recognition of the importance of traditional attitudes and the strengthening of their role in the modern life of African countries at the international level in the activities of the African Union, UNESCO, the Pan African Network of the Wise, etc.

Keywords: neo-traditionalism, Sub-Saharan Africa, power, “old traditions”, ethnic and common African

Grinchuk O.O. *The position of Hausa women before and after jihad.*

More than 200 different tribes and peoples now live on the territory of modern Nigeria, and therefore the experience of women in this state is also different. This article will focus on the women of the Hausa people – the most numerous nation living in the northern regions of Nigeria. The aim of the study is to highlight the situation of women in Nigerian Hausaland in the period before and after the Jihad. Particular attention will be paid to the place of religion in the process of changing the status of women.

Keywords: gender studies, Nigeria, Niger, Islam, the status of women, jihad

НАШИ АВТОРЫ

Авдалия Мэри Рафаэловна – студентка 2-го курса магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail:

Белов (Юртаев) Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, директор НОЦ африканских исследований РУДН, г. Москва, Россия. E-mail: vyou@yandex.ru

Гринчук Ольга Олеговна – студентка 2-го курса магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: olechka_grinchuk@mail.ru

Гусаров Владилен Иванович – академик РАЕН, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, г. Москва, Россия. E-mail:

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Кокушкина Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: irinakokushkina@rambler.ru; тел.: +7 (812) 363-64-94.

Лобашова Екатерина Витальевна – студентка 2-го года магистратуры кафедры африканистики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: katerina.lobashowa@yandex.ru

Львова Элеонора Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: eleonora.lvova@gmail.com

Мосейко Аида Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия. E-mail: aida.moseyko@mail.ru

Нлате Ндонго Мартъял – ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия. E-mail: ndongo-n@rudn.ru

Пичугин Сергей Валентинович – главный геолог ООО «ОЗГЕО», г. Москва, Россия. E-mail: svpichugin2103@mail.ru

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия. E-mail: igor25011904m@yandex.ru

Харитоновна Елена Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия. E-mail: evh1956@mail.ru

Шарова Анна Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, г. Москва, Россия. E-mail: sharova.inafr@gmail.com

CONTENTS

Kirabaev N.S. Preface 3

DEVELOPMENT AND POLITICS

Sledzevski I.V. Civilizational potential of cultural heritage of Black Africa: assessments and approaches..... 9

Gusarov V.I. “One vote for our dam” – the national slogan of Ethiopia (or how the completion of the construction of a hydroelectric power station in Ethiopia caused the largest international conflict in Africa) 54

Belov V.I., Ndongo N.J. Martial. Colonial legacy of Anglophone problem in Cameroon 64

Avdalyan M.R. How were the presidential elections in Uganda in 2021? 77

Lobashova E.V. Foreign policy activity of Nigeria at the present stage 85

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Kokushkina I.V. ASEAN interregional relations with Africa: current situation, features and development prospects 99

Sharova A.Yu. Africa energy investment after COVID-19 pandemic 119

INTEGRATION AND FINANCE

Kuzmin D.V. Economic integration in East Africa: modern realities 130

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

Pichugin S.V. Mineral resource base of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and possible directions of bilateral cooperation in the use of natural resources 147

HISTORY AND RELIGION

Moseyko A.N., Kharitonova E.V. Modern philosophical and theological thought in sub-Saharan Africa 169

CULTURE AND EDUCATION

Lvova E.S. Neotraditionalism in post-colonial Sub-Saharan Africa 198

Grinchuk O.O. The position of Hausa women before and after jihad 223

SUMMARY 239

ABOUT AUTHORS 248

СОДЕРЖАНИЕ

Кирабаев Н.С. Предисловие 5

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Следзевский И.В. Цивилизационный потенциал культурного наследия черной Африки: оценки и подходы 9

Гусаров В.И. «Один голос за нашу плотину» – общенациональный лозунг Эфиопии (или как завершение строительства ГЭС в Эфиопии вызвало крупнейший международный конфликт в Африке) 54

Белов В.И., Ндонго Н.Дж. Мартьял. Колониальное наследие и Англофонная проблема в Камеруне 64

Авдялял М.Р. Как прошли президентские выборы в Уганде в 2021 году 77

Лобашова Е.В. Внешнеполитическая деятельность Нигерии на современном этапе 85

ЭКОНОМИКА

И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Кокушкина И.В. Межрегиональные связи АСЕАН с Африкой: современное состояние, особенности и перспективы развития 99

Шарова А.Ю. Инвестиции в электроэнергетику Африки в постковидный период 119

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Кузьмин Д.В. Экономическая интеграция в Восточной Африке: современные реалии 130

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Федеративной Демократической Республики Эфиопия и возможные направления двустороннего сотрудничества в сфере использования природных ресурсов 147

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Современная философско-теологическая мысль в субсахарской Африке 169

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Львова Э.С. Неотрадиционализм в постколониальной Африке южнее Сахары 198

Гринчук О.О. Положение женщин хауса до джихада и после него 223

РЕЗЮМЕ 229

SUMMARY 239

НАШИ АВТОРЫ 248

Научное издание

СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Е Ж Е Г О Д Н И К

АФРИКА: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

2021

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 11.05.2021 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 000. Тираж 500 экз. Заказ 000.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41